

2023

Том 2, № 4

Vol 2, No. 4

ISSN 2782-618X (Print)

ISSN 2782-4373 (Online)

НООНОМИКА И НОООБЩЕСТВО

АЛЬМАНАХ ТРУДОВ ИНИР им. С.Ю. ВИТТЕ

Noonomy and Noosociety.

Almanac of Scientific Works of the S.Y. Witte INID

НООНОМИКА И НОООБЩЕСТВО

АЛЬМАНАХ ТРУДОВ ИНИР им С.Ю. ВИТТЕ

Том 2, №4 2023 Vol 2, No.4

Noonomy and Noosociety.

Almanac of Scientific Works of the S.Y. Witte INID

Учредитель – Институт нового
индустриального развития (ИНИР)
им. С.Ю. Витте

Founder – S. Y. Witte Institute
for New Industrial Development (INID)

Зарегистрировано Федеральной службой
по надзору в сфере связи, информационных
технологий и массовых коммуникаций
(Свидетельство о регистрации средства
массовой информации
от 22.11.2021 г. ПИ № ФС77–82239)

Registered by the Federal Service for
Supervision of Communications,
Information Technology and Mass Media
(Mass Media Registration Certificate PI
No. FS77–82239 of 22.11.2021)

Журнал является периодическим научным
изданием, выходящим 4 раза в год

The journal is a periodical scientific publication
published four times a year

Редакция журнала в обязательном
порядке осуществляет экспертную оценку
(рецензирование, научное и стилистическое
редактирование) всех материалов,
публикуемых в журнале

The editorial board without fail provides expert
assessment (peer review, scientific and stylistic
editing) to all content in the journal

Официальный сайт Журнала:
noonomy-journal.ru

Official Journal website:
noonomy-journal.ru

Свободная цена

Free pricing

Полное или частичное воспроизведение
материалов, содержащихся в настоящем
издании, допускается с письменного
разрешения редакции. Ссылка на журнал
«Ноономика и ноообщество.
Альманах трудов ИНИР им. С.Ю. Витте»
обязательна

Materials included in this publication may be
reproduced in whole or in part with written
permission from the publishers, in which
case you are compelled to provide a citation
referencing the *Noonomy and Noosociety.
Almanac of Scientific Works of the S. Y. Witte
INID journal*

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

БАХТИЗИН А. Р., д-р экон. наук, профессор РАН, член-корреспондент РАН, директор Центрального экономико-математического института РАН (Россия);

БРИГОС ХЕСУС ПАСТОР ГАРСИЯ, ведущий научный сотрудник Института Философии (Куба);

БУЗГАЛИН А. В., д-р экон. наук, профессор, директор Центра современных марксистских исследований философского факультета, профессор кафедры политической экономии экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (Россия);

ГЛАЗЬЕВ С. Ю., д-р экон. наук, профессор, академик РАН, член Коллегии (министр) по интеграции и макроэкономике Евразийской экономической комиссии (Россия);

ГОРШКОВ М. К., д-р филос. наук, профессор, академик РАН, директор Института социологии РАН (Россия);

ГРИНБЕРГ Р. С., д-р экон. наук, профессор, чл.-корр. РАН, научный руководитель Института экономики РАН (Россия);

ГЭЛБРЕЙТ Дж. К., профессор государственного управления, заведующий подразделением государственных и бизнес-отношений, профессор Школы по связям с общественностью Линдона Б. Джонсона Техасского университета в Остине (США);

ДЕСАИ Р., профессор, директор Исследовательской группы проблем геополитэкономики Университета Манитобы (Канада);

ДЫНКИН А. А., д-р экон. наук, профессор, академик РАН, член Президиума РАН, президент Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова РАН (Россия);

КВИНТ В. Л., д-р экон. наук, профессор, иностранный член РАН, заведующий кафедрой экономической и финансовой стратегии Московской школы экономики МГУ имени М.В. Ломоносова (Россия – США);

КОЛГАНОВ А. И., д-р экон. наук, профессор, заведующий лабораторией сравнительного исследования социально-экономических систем экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, главный научный сотрудник Института экономики РАН (Россия);

ЛЭЙН Д., профессор колледжа Эммануэля Университета Кембриджа (Великобритания);

ЛЕМЕЩЕНКО П. С., д-р экон. наук, профессор, заведующий кафедрой международной политической экономии Белорусского государственного университета (Беларусь);

МАКАРОВ В. Л., д-р физ.-мат. наук, академик РАН, научный руководитель Центрального экономико-математического института РАН (Россия);

МАКСИМЦЕВ И. А., д-р экон. наук, профессор, ректор Санкт-Петербургского государственного экономического университета (Россия);

ОКРЕПИЛОВ В. В., д-р экон. наук, профессор, академик РАН, научный руководитель Института проблем региональной экономики РАН (Россия);

НООНОМИКА И НОООБЩЕСТВО

АЛЬМАНАХ ТРУДОВ ИНИР им С.Ю. ВИТТЕ

Том 2, №4 2023 Vol 2, No.4

Noonomy and Noosociety.

Almanac of Scientific Works of the S.Y. Witte INID

ОНИШИ ХИРОШИ, профессор Университета Кэйо, вице-президент Всемирной политэкономической ассоциации (IPPE) (Япония);

ПОРОХОВСКИЙ А. А., д-р экон. наук, профессор, научный руководитель кафедры политической экономии экономического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова, главный научный сотрудник Института США и Канады РАН (Россия);

ПОРФИРЬЕВ Б. Н., д-р экон. наук, профессор, академик РАН, член Президиума РАН, Руководитель секции экономики Отделения общественных наук РАН, научный руководитель Института народнохозяйственного прогнозирования РАН (Россия);

СИЛИН Я. П., д-р экон. наук, профессор, ректор Уральского государственного экономического университета (Россия);

СМИРНОВ А.В., д-р филос. наук, профессор, академик РАН (Россия);

ТОЛКАЧЕВ С. А., д-р экон. наук, профессор, первый заместитель заведующего кафедрой макроэкономического прогнозирования и планирования Финансового университета при Правительстве РФ (Россия);

ТОЩЕНКО Ж. Т., д-р экон. наук, профессор, член-корреспондент РАН, главный научный сотрудник Института социологии РАН (Россия);

ФРИМАН А., визит-профессор Университета Лондон-Метрополитен (Великобритания);

ЧЕН ЭНЬФУ, президент Всемирной политэкономической ассоциации (WAPPE), главный профессор Университета Китайской академии общественных наук, член Президиума Академического отделения Китайской академии общественных наук (КНР)

НООНОМИКА И НОООБЩЕСТВО

АЛЪМАНАХ ТРУДОВ ИНИР ИМ С.Ю. ВИТТЕ

Том 2, №4 2023 Vol 2, No.4

Noonomy and Noosociety.

Almanac of Scientific Works of the S.Y. Witte INID

EDITORIAL COUNCIL

A.R. BAKHTIZIN, Doctor of Economics, Professor of the Russian Academy of Sciences, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Director of the Central Institute of Economics and Mathematics of the RAS (Russia);

JESUS PASTOR GARCIA BRIGOS, lead researcher at the Institute of Philosophy (Cuba);

A.V. BUZGALIN, Doctor of Economics, Professor, Director of the Centre for Modern Marxist Studies, Faculty of Philosophy, Professor of the Department of Political Economy, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University (Russia);

S. Yu. GLAZIEV, Doctor of Economics, Professor, Academician of the Russian Academy of Sciences, Member of the Board (Minister) on Integration and Macroeconomics of the Eurasian Economic Commission (Russia);

M.K. GORSHKOV, Doctor of Philosophy, Professor, Academician of the Russian Academy of Sciences, Director of the Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences (Russia);

R.S. GRINBERG, Doctor of Economics, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Scientific Director of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences (Russia);

J.K. GALBRAITH, Professor of Public Administration, Head of Government and Business Relations, Professor of Lyndon B. Johnson School of Public Affairs at the University of Texas, Austin (USA);

R. DESAI, Professor, Director of the Geopolitical Economy Research Group at the University of Manitoba (Canada);

A.A. DYNKIN, Doctor of Economics, Professor, Academician of the Russian Academy of Sciences, member of the Presidium of the Russian Academy of Sciences, President of the E.M. Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences (Russia);

V.L. KVINT, Doctor of Economics, Professor, Foreign Member of the Russian Academy of Sciences, Head of the Department of Economic and Financial Strategy at the Lomonosov Moscow State University School of Economics (Russia – USA);

A.I. KOLGANOV, Doctor of Economics, Professor, Head of the Laboratory for Comparative Studies of Socio-Economic Systems at the Faculty of Economics of Lomonosov Moscow State University, Chief Researcher at the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences (Russia);

D. LANE, Professor, Emmanuel College, University of Cambridge (UK);

P.S. LEMESHCHENKO, Doctor of Economics, Professor, Head of the International Political Economy Department, Belarusian State University (Belarus);

V.L. MAKAROV, Doctor of Physical and Mathematical Sciences, Academician of the Russian Academy of Sciences, Scientific Director of the Central Institute of Economics and Mathematics of Academician of the Russian Academy of Sciences (Russia);

НООНОМИКА И НОООБЩЕСТВО

АЛЬМАНАХ ТРУДОВ ИНИР им С.Ю. ВИТТЕ

Том 2, №4 2023 Vol 2, No.4

Noonomy and Noosociety.

Almanac of Scientific Works of the S.Y. Witte INID

I.A. MAKSIMTSEV, Doctor of Economics, Professor, Rector of St. Petersburg State University of Economics (Russia);

V.V. OKREPILOV, Doctor of Economics, Professor, Academician of the Russian Academy of Sciences, Scientific Director of the Institute of Regional Economy Problems of the Russian Academy of Sciences (Russia);

HIROSHI ONISHI, Professor at Keio University, Vice-President of the World Political Economy Association (IIPPE) (Japan);

A.A. POROKHOVSKY, Doctor of Economics, Professor, Scientific Director of the Political Economy Department of the Faculty of Economics at Lomonosov Moscow State University, Chief Researcher at the Institute of the United States and Canada of the Russian Academy of Sciences (Russia);

B.N. PORFIRIEV, Doctor of Economics, Professor, Academician of the Russian Academy of Sciences, Member of the Presidium of the Russian Academy of Sciences, Head of the Economics Section of the Social Sciences Department of the Russian Academy of Sciences, Scientific Director of the Institute of Economic Forecasting of the Russian Academy of Sciences (Russia);

Ya.P. SILIN, Doctor of Economics, Professor, Rector of the Ural State University of Economics (Russia);

A.V. SMIRNOV, Doctor of Philosophy, Professor, Academician of the Russian Academy of Sciences (Russia);

S.A. TOLKACHEV, Doctor of Economics, Professor, First Deputy Head of the Department of Macroeconomic Forecasting and Planning at the Financial University under the Government of the Russian Federation (Russia);

Zh.T. TOSHCHENKO, Doctor of Economics, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Chief Researcher of the Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences (Russia);

A. FREEMAN, Visiting Professor, University of London-Metropolitan (UK);

ENFU CHENG, President of the World Political Economy Association (WAPE), Principal Professor at the University of the Chinese Academy of Social Sciences, Member of the Presidium of the Academic Division of the Chinese Academy of Social Sciences (PRC)

НООНОМИКА И НОООБЩЕСТВО

АЛЬМАНАХ ТРУДОВ ИНИР им С.Ю. ВИТТЕ

Том 2, №4 2023 Vol 2, No.4

Noonomy and Noosociety.

Almanac of Scientific Works of the S.Y. Witte INID

编辑顾问委员会

巴赫季津 A. R.: 经济学博士, 俄罗斯科学院教授, 俄罗斯科学院通讯院士, 俄罗斯科学院中央经济与数学研究所所长。

布里戈斯·杰苏斯·帕斯托尔·加西亚: 哲学研究所主任研究员 (古巴)。

布兹加林 A. V.: 经济学博士, 教授, 莫斯科大学哲学系当代马克思主义研究中心主任 (俄罗斯); 莫斯科大学经济系政治经济学教研室教授 (俄罗斯)。

格拉斯耶夫 S. Yu.: 经济学博士, 教授, 俄罗斯科学院院士, 欧亚经济委员会一体化和宏观经济委员会成员 (部长) (俄罗斯)。

戈尔什科夫 M. K.: 哲学博士, 教授, 俄罗斯科学院院士, 俄罗斯科学院社会学研究所所长 (俄罗斯)。

格林别尔克 R. S.: 经济学博士, 教授, 俄罗斯科学院通讯院士, 俄罗斯科学院经济研究所学生导师 (俄罗斯)。

伽尔布莱特 J. C.: 德克萨斯大学奥斯汀分校林登-约翰逊公共关系学院行政管理教授, 行政和商业事务部负责人 (美国)。

德赛 R.: 教授, 马尼托巴大学地缘政治经济研究部主任 (加拿大)。

德恩金 A. A.: 经济学博士, 教授, 俄罗斯科学院院士, 俄罗斯科学院主席团成员, 俄罗斯科学院世界经济和国际关系国家研究所所长 (俄罗斯)。

克文特 V. L.: 经济学博士, 教授, 俄罗斯科学院外籍院士, 莫斯科大学经济学院经济和金融战略教研室主任 (俄罗斯、美国)。

科尔卡诺夫 A. I.: 经济学博士, 教授, 莫斯科大学经济系社会经济系统比较研究实验室主任, 俄罗斯科学院经济研究所首席研究员。

莱茵 D.: 剑桥大学伊曼纽尔学院教授, (英国)。

列梅辛科 P. S.: 经济学博士, 教授, 白俄罗斯国立大学国际政治经济系主任 (白俄罗斯)。

马卡罗夫 V. L.: 物理数学博士, 俄罗斯科学院院士, 俄罗斯科学院中央经济和数学研究所学生导师 (俄罗斯)。

马克西姆采夫 I. A.: 经济学博士, 教授, 圣彼得堡国立经济大学校长 (俄罗斯)。

奥克利比洛夫 V. V.: 经济学博士, 教授, 俄罗斯科学院院士, 俄罗斯科学院区域经济问题研究所学生导师 (俄罗斯)。

大西広: 庆应大学教授, 世界政治经济学协会 (IIPPE) 副主席 (日本)。

波罗霍夫斯基 A. A.: 经济学博士、教授, 莫斯科大学经济系政治经济学教研室导师、俄罗斯科学院美国和加拿大研究所首席研究员 (俄罗斯)。

波尔菲里列夫 B. N.: 经济学博士, 教授, 俄罗斯科学院院士, 俄罗斯科学院主席团成员, 俄罗斯科学院社会科学部经济处处长, 俄罗斯科学院经济预测研究所学生导师 (俄罗斯)。

希林 Ya. P.: 经济学博士, 教授, 乌拉尔国立经济大学校长 (俄罗斯)。

斯米尔诺夫 A. V.: 哲学博士, 教授, 俄罗斯科学院院士。

托尔卡切夫 S. A.: 经济学博士, 教授, 俄罗斯联邦政府金融大学宏观经济预测和规划教研室第一副主任 (俄罗斯)。

托先科 Zh.T.: 经济科学博士, 教授, 俄罗斯科学院通讯院士, 俄罗斯科学院社会学研究所首席研究员 (俄罗斯)。

弗里曼 A.: 伦敦大学都市分校客座教授 (英国)。

程恩富: 世界政治经济学学会 (WAPE) 会长, 中国社会科学院大学首席教授, 中国社会科学院学部主席团成员 (中国)。

НООНОМИКА И НОООБЩЕСТВО

АЛЬМАНАХ ТРУДОВ ИНИР им С.Ю. ВИТТЕ

Том 2, №4 2023 Vol 2, No.4

Noonomy and Noosociety.

Almanac of Scientific Works of the S.Y. Witte INID

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

БОДРУНОВ С. Д., главный редактор, д-р экон. наук, профессор, член-корреспондент РАН, директор Института нового индустриального развития им. С.Ю. Витте, президент Вольного экономического общества России, Президент Международного Союза экономистов;

ВОЕЙКОВ М. И., д-р экон. наук, профессор, заведующий сектором политической экономии Института экономики РАН;

ГОРОДЕЦКИЙ А. Е., д-р экон. наук, профессор, руководитель научного направления «Институты современной экономики и инновационного развития» Института экономики РАН;

ДОРОФЕЕВА Л. В., канд. экон. наук, старший научный сотрудник Института проблем региональной экономики РАН;

ЗОЛОТАРЕВ А. А., канд. экон. наук, исполнительный директор Института нового индустриального развития им. С.Ю. Витте;

НОВИКОВА И. В., д-р экон. наук, доцент, профессор кафедры экономической и финансовой стратегии Московской школы экономики МГУ имени М.В. Ломоносова;

ПЛОТНИКОВ В. А., заместитель главного редактора, д-р экон. наук, профессор кафедры общей экономической теории и истории экономической мысли Санкт-Петербургского государственного экономического университета;

ПЬЯНКОВА С. Г., д-р экон. наук, профессор кафедры региональной, муниципальной экономики и управления Уральского государственного экономического университета;

СМАГИНА В. В., д-р экон. наук, профессор, проректор – главный ученый секретарь Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина;

ТКАЧЕНКО Е. А., д-р экон. наук, профессор, профессор кафедры экономики и управления предприятиями и производственными комплексами Санкт-Петербургского государственного экономического университета;

ХАБИБУЛЛИНА З. Р., канд. экон. наук, ведущий научный сотрудник Института нового индустриального развития им. С.Ю. Витте;

ЧЭНЬ ХУН, заместитель директора, научный руководитель, профессор Института марксизма Хайнаньского педагогического университета (КНР);

ЯКОВЛЕВА Н. Г., д-р экон. наук, доцент, ведущий научный сотрудник Центра экономической теории социального сектора Института экономики РАН.

EDITORIAL BOARD

S. D. BODRUNOV, Editor-in-Chief, Doctor of Economics, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Director of the S. Y. Witte Institute for New Industrial Development, President of the Free Economic Society of Russia, President of the International Union of Economists;

M. I. VOEYKOV, Doctor of Economics, Professor, Head of the Political Economy Sector of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences;

A. E. GORODETSKY, Doctor of Economics, Professor, Head of the research area of “Institutes of modern economy and innovative development”, Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences;

L. V. DOROFEEVA, Candidate of Economic Sciences, Senior research scientist Institute for Regional Economic Studies Russian Academy of Sciences;

A. A. ZOLOTAREV, Candidate of Economic Sciences, Executive Director of the S. Y. Witte Institute for New Industrial Development;

I. V. NOVIKOVA, Doctor of Economics, Associate Professor, Professor of the Department of Economic and Financial Strategy at the Lomonosov Moscow State University School of Economics;

V. A. PLOTNIKOV, Deputy Editor-in-Chief, Doctor of Economics, Professor of the Department of General Economic Theory and History of Economic Thought, St. Petersburg State University of Economics;

S. G. PYANKOVA, Doctor of Economics, Professor of the Department of Regional, Municipal Economics and Management at the Ural State University of Economics;

V. V. SMAGINA, Doctor of Economics, Professor, Vice-Rector – Chief Scientific Secretary of Derzhavin Tambov State University;

E. A. TKACHENKO, Doctor of Economics, Professor, Professor of the Department of Economics and Management of Enterprises and Production Complexes at St. Petersburg State University of Economics;

Z. R. KHABIBULLINA, Candidate of Economic Sciences, Leading Researcher at the S. Y. Witte Institute for New Industrial Development;

CHEN HONG, Deputy Director, Academic Director, Professor, Institute of Marxism, Hainan Normal University;

N. G. YAKOVLEVA, Doctor of Economics, Associate Professor, Leading Researcher at the Centre for Social Sector Economic Theory at the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences.

НООНОМИКА И НОООБЩЕСТВО

АЛЬМАНАХ ТРУДОВ ИНИР им С.Ю. ВИТТЕ

Том 2, №4 2023 Vol 2, No.4

Noonomy and Noosociety.

Almanac of Scientific Works of the S.Y. Witte INID

学刊编辑委员会成员

博德鲁诺夫 S. D.: 主编, 经济学博士, 教授, 俄罗斯科学院通讯院士, 新兴工业发展研究所所长, 俄罗斯自由经济协会会长, 国际经济学家联盟主席。

沃耶伊科夫 M. I.: 经济学博士, 教授, 俄罗斯科学院经济研究所政治经济部主任。

戈罗杰茨基 A. E.: 经济学博士, 教授, 俄罗斯科学院经济研究所现代经济和创新制度学科主任。

达罗费耶娃 L. V.: 多罗费耶娃 L. V., 经济学副博士, 俄罗斯科学院区域经济研究所高级研究员。

佐洛塔列夫 A. A.: 经济学副博士, 新兴工业发展研究所副所长。

诺维科娃 I. V.: 经济学博士, 副教授职称, 莫斯科大学经济学院经济和金融战略教研室教授。

波洛特尼科夫 V. A.: 副主编, 经济学博士, 圣彼得堡国立经济大学一般经济理论和经济思想史教研室教授。

波杨科娃 S. G.: 经济学博士, 俄罗斯自然科学院院士, 乌拉尔国立经济大学区域、城市经济和管理教研室教授。

斯马金娜 V. V.: 经济学博士, 教授, 坦波夫国立大学副校长、首席科学秘书。

特卡钦科 E. A.: 经济学博士, 教授, 圣彼得堡国立经济大学企业和生产综合体经济与管理系教授。

哈比布里娜 Z. R.: 经济学副博士, 新工业发展研究所主任研究员。

陈红: 海南师范大学(中国)马克思主义学院副院长、学生导师、教授。

雅科弗列娃 N. G.: 经济学博士, 副教授, 俄罗斯科学院经济研究所社会部门经济理论中心主任研究员。

НООНОМИКА И НОООБЩЕСТВО

АЛЬМАНАХ ТРУДОВ ИНИР им С.Ю. ВИТТЕ

Том 2, №4 2023 Vol 2, No.4

Noonomy and Noosociety.

Almanac of Scientific Works of the S.Y. Witte INID

СОДЕРЖАНИЕ

ГЛОБАЛЬНЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ XXI ВЕКА: БУДУЩЕЕ ЧЕЛОВЕКА, РЫНКА И КАПИТАЛА

Бодрунов С.Д.

Проблемы технологического суверенитета и цивилизационное развитие:
от современного общества к ноономике. 13

Фриман А.

Всемирный креативный аудит: план предлагаемого исследования 25

Десаи Р.

Геополитическая экономика текущего кризиса: потенциал ноономики. 60

Габриэль Л.

Роль гражданского общества в переходе к новой экономике 69

Пьянкова С.Г.

Ноономика: платформа для стратегического развития (региональный аспект) . . . 75

Кабахидзе Е.Л.

Когнитивная модель концепта «Ноономика» в авторском дискурсе. 86

КОНКУРСЫ

Международный молодежный конкурс научно-исследовательских работ на тему
«Взаимосвязь стратегии и ноономики: теория и практика» 99

Ноономика: международное сотрудничество 100

Ноономика: образование 104

Библиотека ноономики 106

НООНОМИКА И НОООБЩЕСТВО

АЛЪМАНАХ ТРУДОВ ИНИР ИМ С.Ю. ВИТТЕ

Том 2, №4 2023 Vol 2, No.4

Noonomy and Noosociety.

Almanac of Scientific Works of the S.Y. Witte INID

CONTENTS

GLOBAL TRANSFORMATIONS OF THE 21ST CENTURY: FUTURE OF HUMAN, MARKET AND CAPITAL

Bodrunov S.D.

Issues of Technological Sovereignty and Civilizational Development: From Modern Society to Noonomy 13

Freeman A.

A World Creative Audit: a Research Proposal 25

Desai R.

The Geopolitical Economy of the Current Crisis: Potential of Noonomy 60

Gabriel L.

The Role of Civil Society in the Transition to a New Economy 69

Pyankova S.G.

Noonomy: A Platform for Strategic Development (Regional Aspect) 75

Kabakhidze E.L.

Cognitive Model of the Concept "Noonomy" in the Author's Discourse 86

CONTESTS

International Youth Research Works Contest on "Interrelation Between Strategy and Noonomy: Theory and Practice" 99

Noonomy: International cooperation. 100

Noonomy: Education 104

Library of Noonomy 106

НООНОМИКА И НОООБЩЕСТВО

АЛЬМАНАХ ТРУДОВ ИНИР ИМ С.Ю. ВИТТЕ

Том 2, №4 2023 Vol 2, No.4

Noonomy and Noosociety.

Almanac of Scientific Works of the S.Y. Witte INID

目录

二十一世纪的全球转型与人、市场和资本的未来

博德鲁诺夫 S. D. 技术主权问题与文明发展——从现代社会到智慧经济社会	13
艾伦·弗里曼. 制定关于全球创造性劳动统计和研究的计划	25
拉迪卡·德赛 当前危机中的地缘政治经济与智慧经济的作用	60
利奥·加布里埃尔 向新型经济过渡进程中公民社会的作用	69
波扬科娃 S.G. 智慧经济学是(地区)战略发展平台	75
卡巴希哲 E.L. 作者话语中“智慧经济”概念的认知模型	86

竞赛

国际青年学术竞赛“理论与实践——发展战略与智慧经济的相互联系”	99
智力经济:国际合作	100
智力经济:教育	104
智力经济学丛书	106

DOI: 10.37930/2782-618X-2023-2-4-13-24

С. Д. Бодрунов

Институт нового индустриального развития (ИНИР) имени С. Ю. Витте (Санкт-Петербург, РФ)

ПРОБЛЕМЫ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО СУВЕРЕНИТЕТА И ЦИВИЛИЗАЦИОННОЕ РАЗВИТИЕ: ОТ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА К НООНОМИКЕ¹

Аннотация: переход к ноономике рассматривается как наиболее рациональный вариант решения глобальных проблем, стоящих перед человечеством. Цивилизационное развитие в направлении ноономики носит системный характер, и его основой является технологическое развитие. Подчеркивается важность технологического суверенитета для обеспечения импортозамещения в условиях жестких санкций. Показано, что нестабильность в мире обусловлена перестройкой социально-экономической системы. Ориентиром развития и роста должен стать переход к качественно новому постэкономическому состоянию общества. При этом роль человека наполняется новым содержанием: она становится творческой. На основе новых ценностей трансформируется сам человек и его поведение: от «зоо» – к «ноо», от человека экономического – к человеку культурному... Выделены 5 основных направлений развития: новая социальная модель; переход к научно-технологическому прорыву; экологически ориентированное развитие; новая модель пространственного развития; ответ на евразийский вызов. Переход к новой организации экономики и общества должен учитывать региональные особенности. Особую значимость приобретают индустриальные макрорегионы, они становятся центрами нового индустриального развития, кристаллизации новых технологий.

Ключевые слова: цивилизационное развитие, ноономика, экономический и технологический потенциал, технологический суверенитет, санкционное давление, центры притяжения, кадровый потенциал, социально ориентированное общество.

Для цитирования: Бодрунов С. Д. (2023). Проблемы технологического суверенитета и цивилизационное развитие: от современного общества к ноономике // Ноономика и ноообщество. Альманах трудов ИНИР им. С. Ю. Витте. Т. 2, № 4. С. 13–24. DOI: 10.37930/2782-618X-2023-2-4-13-24

Sergey D. Bodrunov

S.Y. Witte Institute for New Industrial Development (Saint Petersburg, Russia)

ISSUES OF TECHNOLOGICAL SOVEREIGNTY AND CIVILIZATIONAL DEVELOPMENT: FROM MODERN SOCIETY TO NOONOMY

Abstract: The transition to noonomy is considered to be the most rational option for solving significant problems facing humanity. Civilizational development following the direction of noonomy

¹ Подготовлено по материалам доклада на Уральском экономическом форуме (УЭФ-2023) «Урал – драйвер неиндустриального и инновационного развития России» (Екатеринбург, 19–20.10.2023).

is systemic in nature and based on technological advancement. The importance of technological sovereignty to ensure import substitution in the context of strict sanctions is emphasized. It is shown that instability in the world is caused by the restructuring of the socio-economic system. The guidelines for development and growth should contain the transition to a qualitatively new post-economic state of society. Meanwhile, the role of a person is filled with new content: it becomes creative. With the basis of new values people themselves and their behavior are transformed: from “zoo” to “noo”, from homo economicus to a homo culturalis... Five main directions of development have been identified: a new social model; transition to a scientific and technological breakthrough; environmentally oriented development; a new model of spatial development; response to the Eurasian challenge. The transition to a new organization of the economy of society must take into account the regional characteristics. Industrial macro-regions become particularly important; they become the centers of new industrial development and the crystallization of new technologies.

Keywords: civilizational development, noonomy, economic and technological potential, technological sovereignty, sanctions pressure, centers of gravity, human resources, socially oriented society.

For citation: Bodrunov S. D. (2023). Issues of Technological Sovereignty and Civilizational Development: From Modern Society to Noonomy. *Noonomy and Noosociety. Almanac of Scientific Works of the S.Y. Witte INID*, Vol. 2, No. 4, pp. 13–24. DOI: 10.37930/2782-618X-2023-2-4-13-24

博德鲁诺夫S. D.

维捷新兴工业发展研究所(俄罗斯, 圣彼得堡)

技术主权问题与文明发展——从现代社会到智慧经济社会

摘要: 文章论述了解决当前人类所面临重大问题的最合理途径是向智慧经济过渡。以智慧经济为方向的文明发展具有系统性的特点, 其基础是技术发展。文章强调指出, 在严厉制裁形势下确保“进口替代”生产的技术主权极其重要。作者认为, 世界的不稳定是由社会经济体系重组造成的。应当把向本质上新的后经济社会形态过渡作为发展和增长导向。同时, 人的作用也应被赋予新的内容: 创造。在新价值观的基础上, 人本身及其行为正在发生转变: 从“动物性”到“智慧性”, 从“经济人”到“文化人”。文章给出了五个主要发展方向: 新的社会模式、科技的跨越性进步、环境友好的发展、新的区域发展模式、应对欧亚挑战。向新的社会经济组织形式转型应考虑到区域特点。工业大区正在成为新型工业发展和技术创新的中心, 将发挥重要作用。

关键词: 文明发展、智慧经济、经济和技术潜力、技术主权、制裁压力、发展中心、人力资源潜力、社会需求导向型社会。

引用注释: 博德鲁诺夫S. D. (2023). 技术主权问题与文明发展——从现代社会到智慧经济社会//智慧经济与智慧社会. 维捷新兴工业发展研究所论文选. Vol. 2, No. 4, pp. 13–24. DOI: 10.37930/2782-618X-2023-2-4-13-24

Магистральный путь цивилизационного развития лежит в направлении: «современное общество – новое индустриальное общество 2-го поколения (НИО.2) через реиндустриали-

зацию экономики на современной технологической основе – ноономика» [Бодрунов, 2016; Бодрунов, 2018]. Этот путь требует постоянных уточнений и тактических корректировок, связанных с особенностями трансформации социально-экономической системы, ее приоритетами, рациональным выбором инструментария трансформации, нивелированием ситуационных сложностей и рисков и т. д.

При этом цивилизационное развитие в направлении ноономики носит *фундаментальный, системный характер*.

Основой (подчеркнем – не единственным драйвером) этого движения является развитие *технологическое*. Эволюция общества обусловлена воздействием множества факторов, но именно новые технологии играют коренную роль.

На пути цивилизационного развития мы сталкиваемся с рядом сложностей, обусловленных тем, что, в отличие от теоретических моделей, где общество, экономику можно рассматривать как целостные категории, в реальной жизни имеет место их дифференциация, дробление по политическим, религиозным, этическим и нравственным, демографическим, административным и многим другим признакам.

Цивилизационный переход происходит не в безвоздушном пространстве, а в реальном мире, где противоречия между странами порой принимают острую форму. И «в пылу» разрешения этих противоречий страны и группы стран вместо консолидации ресурсов для достижения общецивилизационных целей растрачивают их на противодействие, на борьбу друг с другом [Максимцев, Межевич, 2020]. Безусловно, это явление выступает *барьером* для развития, прежде всего – для новой индустриализации, реиндустриализации, без которой невозможен переход к НИО.2.

В 2022 г. сообществом стран «коллективного Запада» было введено множество санкций, направленных на разрушение экономического и технологического потенциала России, на торможение нашего развития. По введенным против нас санкциям наша страна стала мировым рекордсменом за всю историю наблюдений [Федюнина, Симачев, 2023].

Каковы же результаты этого давления?

На протяжении 2022 г. международные и ряд российских экспертов публиковали многочисленные прогнозы катастрофического падения ВВП России. Первоначально предрекали экономический спад на десятки процентов, но постепенно алармистский тон прогнозов смягчался. Выяснилось, что экономика России обладает высокой сопротивляемостью к кризису, вызванному санкциями [Бахтизин, 2023]. Подтверждающие это данные приведены в табл. 1. Хорошо видно, как после шока, который испытала наша экономика во втором квартале 2022 г., началось ее восстановление. Падение ВВП по итогам 2022 г. оказалось даже меньше его снижения вследствие пандемического шока 2020 г. Экономика сжалась всего на 2,1 %.

Таблица 1
Индексы физического объема валового внутреннего продукта Российской Федерации,
% к соответствующему кварталу предыдущего года

2022				2023	
I квартал	II квартал	III квартал	IV квартал	I квартал	II квартал
103,0	95,5	96,5	97,3	98,2	104,9

Источник: Росстат.

Зададимся вопросом: насколько сильным было это падение по меркам мира в целом? Рассмотрим информационную таблицу, подготовленную по данным Всемирного Банка (табл. 2). В пандемическом 2020 г. в большинстве стран мира произошло падение ВВП, снизился и глобальный ВВП. В 2022 г. в представленной выборке снижение ВВП, сопоставимое с данными Росстата (2,2 %), испытала лишь Россия. Но если рассматривать среднесрочный период и оценивать «накопленный рост» за 5 лет (2018–2022 гг.), то Россия показывает достаточно неплохие результаты.

Тем не менее падение показателей в нашей экономике в 2022 г. было. И хотя мы вышли на уровень до начала СВО (это констатировал Президент России), еще преодолены не все трудности, порожденные санкциями. В российской экономике продолжают структурные трансформации, обусловленные санкционным шоком [Плотников, 2023]. В связи с этим возникают очень важные вопросы: как оценивать эти трансформации? Насколько они (с фундаментальных позиций, а не с ситуационных) ожидаемы? К каким результатам они могут привести?

Таблица 2
Темп роста ВВП на душу населения, %

Страна	2020 к 2019	2022 к 2021	2022 к 2018
Китай	2,0	3,0	20,2
Индия	-6,7	6,3	10,3
США	-3,7	1,7	5,5
Евросоюз	-5,7	3,4	4,6
Россия	-2,5	-2,2	3,5
Еврозона	-6,3	3,0	3,2
Великобритания	-11,4	4,2	0,5
Германия	-3,8	0,7	0,2
Япония	-4,0	1,5	-0,3
Мир в целом	-4,0	2,3	4,7

Источник: Всемирный Банк, расчеты автора.

На протяжении ряда лет, изучая закономерности национального и глобального экономического роста, мы критиковали как сам подход, основанный на том, что рост измеряется динамикой ВВП, так и качество этого роста. Ведь экономический рост, особенно в развитых странах, на протяжении длительного времени и тем более – в последние годы, не приводил к реальному росту благосостояния населения, так как в процессе роста формировались и удовлетворялись все в большем объеме *симулятивные* потребности.

В результате развитие *теряло устойчивость*, нагрузка на окружающую среду росла, а общество вследствие бесконечного *количественного* роста испытывало всё больше социальных проблем. Необходим ли нам сегодня такой рост? Стоит ли к нему возвращаться? А, может быть, следует сойти с «накатанной колеи», которая, как показано в теории НИО.2 и ноономики, ведет нас в цивилизационный тупик, что чревато «псевдоразвитием»?

Мир переживает нестабильность уже в течение длительного времени. В этой связи в научных и экспертных дискуссиях сначала рассуждали о «новой нормальности», потом – о «турбулентности», а в последнее время популярны идеи «постнормальности». Не будем

анализировать эти идеоконструкции, которые разрабатываются в безуспешной попытке объяснить природу нестабильности экономического развития.

Эта нестабильность, какими бы ситуационными факторами она ни вызывалась, по нашему мнению, фундаментально обусловлена *иными* силами – начавшейся *перестройкой мировой социально-экономической системы* в направлении формирования *ноономики*, а на начальной стадии – формирования *НИО.2*.

Показанные в теории ноономики качественные трансформации во всех сферах жизни экономики и общества, сопровождающие этот переход, мы сегодня и наблюдаем. Причем эти трансформации затрагивают не только социально-экономическую систему в целом, но и самого *человека*, его нравственные ценности, культуру и т. д. Подчеркнем: сегодня мы наблюдаем запуск процессов *качественной трансформации* человеческой цивилизации.

Классические взгляды, закрепленные в господствовавших течениях экономической мысли, в частности в концепции рыночного фундаментализма, не могут дать ответа на те запросы, которые возникают из-за необходимости разрешать практические проблемы развития. Россия, по-видимому, «сходит с колеи» предшествовавшего этапа развития, вовлекая в новое движение множество других стран, внимательно наблюдающих за происходящими геоэкономическими изменениями. И, несмотря на естественные опасения перед радикальными изменениями, мы полагаем, что они дают нам шанс сменить вектор развития, сменить его *концептуальную основу*.

Череда экономических и социальных макрошоков, вызванных пандемией, а затем – санкционным противостоянием, расколовшим мировое сообщество, – это лишь симптом глубоких тектонических сдвигов в экономике и обществе. Это – импульсы развития в рамках новой парадигмы, сопровождающие начало движения в новом направлении.

Современные проявления кризиса, которые на фоне описанных макрошоков только усилились, хорошо известны: проблемы климата, экономическая стагнация, рост социального неравенства, финансовая стабилизация экономики, нарастание террористических угроз, социальная и психологическая деструкция и многие другие. И в течение переходного периода проблемы будут обостряться.

Это связано с очевидной нехваткой ресурсов на решение всех проблем. Поэтому можно ожидать все большей переориентации имеющихся ресурсов на ситуационные проблемы в ущерб решению проблем глобальных, стратегически значимых, которые будут накапливаться.

Есть еще одно важное следствие санкций против России – технологическое. «Недружественные» страны в одночасье разорвали с нами сотрудничество в технологической сфере. Заместить западные технологии в одночасье невозможно (это не сможет сделать ни одна развитая в технологическом отношении страна). Причина импортозависимости стран, особенно высокоразвитых, – международное разделение труда.

В то же время *необходимость* обеспечивать *технологический суверенитет* в условиях санкционного давления имеет позитивное следствие – дает России уникальный шанс для скачка в развитии [Глазьев, 2022]. О его необходимости мы много раз говорили еще 10...15 лет назад. Теперь – это уже не просто пожелание, а – необходимость. И – шанс. В сложившихся условиях необходима ставка на *собственные* технологии, и от государства требуется импульс для их ускоренного развития.

При этом восстанавливать в России производства старых технологических укладов в новых условиях нерационально. Потенциал старых технологий, основанных на репродуктив-

ном труде, во многом исчерпан. Новым ориентиром развития и роста в рамках очередного технологического уклада должен стать переход к *качественно* новому – *постэкономическому* – состоянию общества, для чего необходимы новые технологии, способные в перспективе изменить не только экономику, но и общество в целом.

В то же время мы должны учитывать, что современное производство само испытывает *качественные изменения*: цифровизация, автоматизация, роботизация и т. д. И становится – все более «отделенным» от *непосредственного* участия человека. При этом роль человека не редуцируется до роли «потребляющего придатка производящей машины». Его деятельность наполняется *новым содержанием*: она становится *творческой*; человек берет на себя функции, с которыми не могут справиться машины.

При этом поведение людей трансформируется на основе *новых ценностей*.

Трансформации общества закономерно вызывают трансформацию социальной ипостаси человека: от «зоо» мы движемся к «ноо», от человека экономического – к человеку культурному, истинному «сапиенсу», и от ценностей экономических – к нооценностям, определяющим жизнь человека, его ноопотребности, а с ними – и *цели общественного производства* [Бодрунов, 2018].

Рассмотренные концептуальные взгляды, описанные тенденции цивилизационного развития и практические планы носят долгосрочный, *фундаментальный* характер. Это не означает, что необходимо пассивно ожидать наступления новых времен. Целенаправленное развитие не происходит само по себе, вследствие случайного стечения обстоятельств.

Даже когда все предпосылки и факторы указывают нам вектор наиболее вероятного развития, случайные обстоятельства, а то и вовсе субъективные действия, могут сместить социально-экономическую систему с траектории движения, на которой она находится. Безусловно, необходим *инструментарий* осмысленного, *разумного* перехода к новой организации общества, для которого уже сформированы объективные предпосылки.

Генезис ноономики – это *объективный* процесс, зреющий в недрах современной экономической системы и указывающий на возможный (хотя и не единственно возможный) результат развития. Как показывают наши исследования, переход к ноономике – наиболее рациональный вариант решения глобальных проблем, стоящих перед человечеством. Однако без *целенаправленной* работы по поддержке этого процесса не обойтись. Нужен продуманный курс, позволяющий разрешать имеющиеся противоречия и шаг за шагом двигаться к ноономике.

Одним из признанных инструментов управляемого движения общества и развития экономики к новому качеству – НИО.2, а затем – к ноономике является *планирование*. Отказ от планирования в России в начале переходного периода в 1990-х гг. оказался разрушительным. План в современной смешанной модели российской экономики – это объективно обусловленное и необходимое дополнение рыночного саморегулирования. Такое сочетание позволяет соединить плюсы рынка с плюсами планомерности.

Этому служит, в частности, *закон о стратегическом планировании*. В рамках закона установлены *цели национального развития*, ориентированные на построение *социально ориентированного общества* с развитой экономикой, базирующейся на новом технологическом укладе. Есть многие подцели этих национальных целей. Есть национальные проекты.

И – немало отраслевых, региональных и прочих стратегий. Задача – развить эту систему планов, дополнив ее полноценным *стратегированием* по приоритетным направлениям [Квинт, Бодрунов, 2021].

Например, в последнее время часто и много говорят о необходимости достижения *технологического суверенитета*. Импульс этим дискуссиям придала необходимость технологического развития страны (которое столь важно в процессе перехода к НИО.2) в условиях резко возросшего с 2022 г. санкционного давления. Может сложиться представление, что формирование технологического суверенитета – это ситуативная реакция российских властей на санкции.

На самом деле стремление к технологическому суверенитету – один из необходимых *стратегических шагов на пути к новой индустриализации в рамках перехода к НИО.2 и ноономике*. В Национальной стратегии развития искусственного интеллекта на период до 2030 г., утвержденной Указом Президента РФ № 490 от 10 октября 2019 г. (досанкционного), среди *основных принципов* развития и использования технологий искусственного интеллекта уже назывался технологический суверенитет как «...обеспечение необходимого уровня самостоятельности Российской Федерации в области искусственного интеллекта, в том числе посредством преимущественного использования отечественных технологий искусственного интеллекта и технологических решений, разработанных на основе искусственного интеллекта...».

Это – яркий пример *стратегического предвидения*, закрепленного в *стратегическом документе национального масштаба*. Спустя 2,5 года это предвидение и необходимость *целесоориентации* на новые принципы развития в технологической сфере полностью подтвердились.

Данный пример доказывает, что сейчас главная научная задача – формирование *методической базы институциональных основ* перехода к НИО.2 как наиболее рациональной и эффективной форме организации следующего этапа развития общества.

Помимо развития инструментария планирования и стратегирования, требуется четкое задание *ориентиров и целей*, определяющих *направление* развития в среднесрочной перспективе.

И здесь следует выделить пять основных направлений:

1. Новая *социальная* модель развития. **Цель** – сокращение доли малообеспеченного населения и увеличение доли среднего класса. **Меры**: обширный пакет традиционных, но радикально усиленных мер по поддержке малообеспеченных и нуждающихся страт и социальных групп; введение на достаточно высоком уровне общероссийского стандарта услуг общественного и бюджетного сектора и оплаты труда; повышение доли затрат на оплату труда в национальном продукте; меры по снижению межрегиональной и межотраслевой дифференциации в оплате труда; корректировка денежно-кредитной политики; меры налогового регулирования уровня материального неравенства граждан.

2. Переход от отставания к научно-технологическому прорыву и занятию лидирующих позиций в мировом научно-техническом соревновании. *Целевой ориентир* – удвоение темпов технологического развития и вхождение к 2035 г. в пятерку мировых научно-технических лидеров по базовым направлениям 6-го технологического уклада.

3. Экологически ориентированное развитие и создание каркаса экономики *природосбережения*. **Приоритеты:** комплексное использование природных ресурсов при принятии и реализации высоких норм природосбережения в рамках концепций «чистый воздух», «чистая вода», «рациональное лесопользование»; решение проблемы промышленных, бытовых отходов и других при поддержке внедрения экологически чистых технологий в традиционной для России энергетике.

4. Новая модель *пространственного* развития, направленная на подъем срединной России (в том числе Урала), и новый поворот на Восток и к Арктике. Меры: создание новых уровней и механизмов территориального управления и финансирования регионального развития; поэтапный переход от нынешней практически полностью дотационной на нормальную систему финансирования; формирование бюджетов развития регионов и территорий, перераспределение налогов и др.

5. Ответ на *евразийский* вызов. Глобальные центры мирового экономического развития в ближайшие десятилетия неизбежно переместятся на Восток, Азиатский континент. Идет мощная экономическая реструктуризация и реинтеграция евразийского пространства. *Задачи России:* формирование в странах – наших азиатских соседях и экономических партнерах – центров экономического, образовательного, научного и социального сотрудничества, с созданием и развитием соответствующих, ныне отсутствующих либо слабо функционирующих институтов.

Ведя работу по указанным направлениям, следует помнить, что в состав России входят регионы и макрорегионы, существенно различающиеся по потенциалу и располагаемым ресурсам. Поэтому переход к новой организации экономики и общества должен учитывать *региональные особенности и возможности*. Представляется, что рассматриваемый переход будет происходить неравномерно в территориальном плане. Неизбежно, как это всегда бывает в крупных и сложно организованных системах, выдвинутся регионы-лидеры, которые станут *локомотивами* нового развития. Поскольку важную роль в этом развитии играет *технологическая компонента, особую значимость* в ноопереходе *приобретают* **регионы индустриальные**, которые становятся **провайдерами**, главными **точками концентрации** усилий общества и **центрами нового индустриального развития**.

Как следует из концепции техноценоза (Б. И. Кудрин), технологическое развитие происходит *комплексно*, на основе объединения разнообразных ресурсов. Эти идеи близки к высказанным нами идеям НИО.2. Рассматривать развитие технологий в отрыве от их влияния друг на друга, а также на экономику и общество в целом – непродуктивно.

При этом, рассматривая *технологическое развитие в пространственном аспекте*, всегда можно выделить «точки» или даже «зоны», «сгущения» новых технологий, своеобразные технологические кластеры, где концентрация ресурсов и факторов, а также система формальных и неформальных институтов способствуют ускоренному развитию. Эти точки или зоны выступают в качестве своеобразных центров кристаллизации новых технологий, из которых процессы нового технологического развития распространяются на всю экономику. Яркие примеры такого рода в IT-секторе – Силиконовая долина в США, Бангалор в Индии.

Конечно, таких точек на карте России немало. Это – Москва и Московская область, Санкт-Петербург, Казань, Нижний Новгород, Новосибирск, Уральский регион и т. д. Важно

в процессе стратегирования не только обозначать векторы развития, но и «заземлять» их, рассматривать не умозрительно в рамках текста стратегического документа, а в привязке к экономическому и социальному пространству, создавая «полюса роста».

Технологическое развитие, как мы указывали [Бодрунов, 2018], базируется на *знании*, на расширении его содержания. Но носителями и источниками новых знаний являются люди. И *кадровый потенциал* технологического развития, присущий индустриальным макрорегионам, есть важнейшее их преимущество в реализации Национальной стратегии технологического развития.

При этом, безусловно, следует учитывать важнейшую особенность современного – и перспективного! – типа пространственного развития. Имя ей – урбанизация.

Вопреки расхожему мнению, что период бурной урбанизации конца прошлого века завершен, что все население городов возмечтало переселиться за город, в коттеджи (в том числе «электронные»), в действительности – тенденция обратная. С 2007 г. в городах живет более половины населения Земли, а в России эта ситуация возникла в 1950-х гг. Города, занимая около 2 % территории планеты, поглощают более 3/4 материальных ресурсов (и, согласно данным ВШЭ и ЮНЕСКО, «потребляют» их все больше – с 41 млрд тонн в 2010 г. до более 88 млрд тонн к 2030 г.); здесь же концентрируется – что особенно важно – основная «знаниеемкость» производства, при этом прирост в дальнейшем будет идти именно в «знаниеемком» секторе индустрии, т. е. в городах. Эта объективная тенденция должна учитываться.

Есть еще один аспект – 80 % крупнейших мегаполисов мира, которые, срачиваясь экономически и логистически в «Мегасити», расположены в северном полушарии, в географических широтах от +16° до +4°, – это так называемый урбанистический пояс, центр концентрации экономики. Большинство наших городов – претендентов на рост – именно в этом поясе.

С учетом этих факторов и тенденций одним из основных центров «Мегасити»-строительства может и должен стать Уральский макрорегион со своим «индустриальным сердцем» – Екатеринбург. Екатеринбург, Свердловская область выступают своеобразным *центром притяжения* для нового индустриального и технологического развития, будучи окруженными крупными научными и промышленными центрами (Пермь, Челябинск, Курган и т. д.). Это – точка тяготения, через нее, как в линзе, проявляется возможность сфокусировать имеющиеся в макрорегионе ресурсы, направить их на достижение прорывных целей, связанных с переходом к НИО.2. Индустриальная мощь Екатеринбурга и Свердловской области, их способность выступить в качестве не только драйвера, но и локомотива роста подтверждаются объективными статистическими данными, которые указывают, что шок, вызванный санкциями, в промышленности региона успешно преодолен (табл. 3).

Например, за первые 8 месяцев текущего года обрабатывающая промышленность региона показала рост на 14,7 % к аналогичному периоду прошлого года. Давно ли мы видели в нашей стране двузначные показатели роста?! В основном такие показатели мы упоминаем применительно к Китаю, Индии и иным быстрорастущим экономикам (и то – не часто). А экономика Урала достойно стоит в ряду успешных по мировым меркам примеров. Поэтому не вызывает сомнения ее хорошая *технологическая перспектива*. Необходимо детально анализировать эти результаты в целях *масштабирования* ценного опыта Урала в других регионах и локациях страны.

Таблица 3

Индексы производства по основным видам экономической деятельности
по Свердловской области за январь – август 2023 г., %

Вид деятельности	Август 2023 г. к августу 2022 г	Январь–август 2023 г. к январю–августу 2022 г.
Промышленное производство в целом	108,3	111,8
Обрабатывающие производства	108,7	114,7
Из них:		
производство одежды	121,5	104,2
производство кожи и изделий из кожи	240,8	153,8
производство металлургическое	102,9	108,7
производство готовых металлических изделий, кроме машин и оборудования	112,1	134,4
производство электрического оборудования	93,4	121,2
производство машин и оборудования, не включенных в другие группировки	158,4	145,1
производство автотранспортных средств, прицепов и полуприцепов	120,3	135,9
производство прочих транспортных средств и оборудования	119,5	135,6
производство мебели	132,7	171,5
ремонт и монтаж машин и оборудования	178,5	161,4

Источник: Свердловскстат.

Современная экономическая модель и основанное на ней *экономическое общество* не могут «исчезнуть» в одночасье. Речь может и должна идти о постепенной, в меру развития технологических и иных *предпосылок*, диффузии экономических отношений и генезисе новых, *постэкономических* форм. Для этого необходимо новое понимание ресурсов роста, о которых шла речь.

Вовлечение упомянутых ресурсов, их мобилизация возможны лишь на основе внятной стратегии. При этом современные вызовы определяют трансформацию стратегической цели развития и основного ориентира. Это – движение к НИО.2. И ключевую роль в этом движении должна сыграть «экономика мест» – формирование новых точек, зон и осей пространственного индустриально-технологического развития России.

Список источников

- Бахтизин А. Р. (2023). Вопросы прогнозирования в современных условиях // Экономическое возрождение России. № 2 (76). С. 53–62.
- Бодрунов С. Д. (2018). Ноономика. М.: Культурная революция. 432 с.
- Бодрунов С. Д. (2018). От ЗОО к НОО: человек, общество и производство в условиях новой технологической революции // Вопросы философии. № 7. С. 109–118.

- Бодрунов С. Д. (2016). Грядущее. Новое индустриальное общество: перезагрузка. СПб.: ИНИР им. С. Ю. Витте. 328 с.
- Глазьев С. Ю. (2022). Ноономика как стержень формирования нового технологического и мирохозяйственного укладов // Ноономика и ноообщество. Альманах трудов ИНИР им. С. Ю. Витте. Т. 1, № 1. С. 43–64.
- Квинт В. Л., Бодрунов С. Д. (2021). Стратегирование трансформации общества: знание, технологии, ноономика. СПб.: ИНИР им. С. Ю. Витте. 351 с.
- Максимцев И. А., Межевич Н. М. (2020). Мировая экономика после шока первого полугодия 2020 года: старые проблемы в новых условиях // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. № 3 (123). С. 22–27.
- Плотников В. А. (2023). Структурные трансформации российской экономики под воздействием шоков и национальная экономическая безопасность // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Экономика и управление. № 1. С. 15–25.
- Федюнина А. А., Симачев Ю. В. (2023). Всегда ли международные санкции достигают своей цели? Ограничения санкционной политики // ЭКО. № 7 (589). С. 95–107.

References

- Bakhtizin A. R. (2023). Forecasting Issues in Modern Conditions. *Ekonomicheskoye vozrozhdeniye Rossii* [Economic Revival of Russia]. No. 2. Vol. 76. Pp. 53–62. (In Russ.).
- Bodrunov S. D. (2018). *Noonomy*. M.: Kul'turnaya revolyutsiya Publ. 432 p. (In Russ.).
- Bodrunov S. D. (2018). From ZOO to NOO: Man, Society and Production in the Conditions of a New Technological Revolution. *Voprosy Filosofii* [The Questions of Philosophy]. Vol. 7. Pp. 109–118. (In Russ.).
- Bodrunov S. D. (2016). *The Coming of New Industrial Society: Reloaded*. St. Petersburg: S. Y. Witte INID Publ. 328 p. (In Russ.).
- Glaziev S. Y. (2022). Noonomy as the Forming Linchpin for the New Technological and World Economic Order. *Noonomika i nooobshchestvo. Al'manakh trudov INIR im. S.Y. Witte* [Noonomy and Noosociety. Almanac of Scientific Works of the S.Y. Witte INID]. Vol. 1. No. 1. Pp. 43–64. (In Russ.)
- Kvint V. L., Bodrunov S. D. (2021). *Strategizing Societal Transformation: Knowledge, Technologies, and Noonomy*. St. Petersburg: S. Y. Witte INID Publ. 351 p. (In Russ.).
- Maksimtsev I. A., Mezhevich N. M. (2020). Global Economy After the Shock of the Half Year of 2020: Old Problems in New Conditions. *Izvestiya Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta* [Bulletin of the St. Petersburg State Economic University.]. No. 3. Vol. 123. Pp. 22–27. (In Russ.).
- Plotnikov V. A. (2023). Structural Transformations of the Russian Economy under the Influence of Shocks and National Economic Security. *Vektor nauki Tol'yattinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika i upravleniye*. [Science Vector of Tolyatti State University. Series: Economics and Management]. No. 1. Pp. 15–25. (In Russ.)
- Fedyunina A. A., Simachev Y. V. (2023). Do International Sanctions Always Achieve Their Purpose? Limitations of Sanctions Policies. *EKO* [ECO]. No. 7. Pp. 95–107. (In Russ.).

Бодрунов С.Д.

Информация об авторе

Бодрунов Сергей Дмитриевич

Директор Института нового индустриального развития (ИНИР) имени С. Ю. Витте, президент Международного Союза экономистов, президент Вольного экономического общества России (ВЭО), член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор (197101, РФ, Санкт-Петербург, Большая Монетная ул., 16)

E-mail: inir@inir.ru

Information about the author

Sergey D. Bodrunov

Dr. Sc. (Econ.), Professor, Corresponding Member of RAS, Director of the S.Y. Witte Institute for New Industrial Development (INID), President of the Commission of the Union of Economists, President of the Free Economic Society of Russia (Bol'shaya Monetnaya Str. 16, St. Petersburg, 197101, Russia)

E-mail: inir@inir.ru

DOI: 10.37930/2782-618X-2023-2-4-25-59

Алан Фриман

Университет Манитобы (Виннипег, Канада)

ВСЕМИРНЫЙ КРЕАТИВНЫЙ АУДИТ: ПЛАН ПРЕДЛАГАЕМОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Аннотация: в данной статье рассматривается необходимость разработки международной программы исследований креативного труда как предпосылки для новых форм социальной организации, требуемых ноономикой. Исследование преследует две цели – качественную и количественную. В качественном отношении оно позволит установить объективные стандарты для определения креативного труда и связанных с ним форм умственной продуктивной деятельности, а в количественном – получить статистические данные по креативным производственным ресурсам пяти и более ключевых стран.

Ключевые слова: государственное планирование, кооперативная организация труда, креативное производство, креатосфера, кризис капитала, ментальная экономика, ментальные объекты, непроизводительный труд, ноономика, постмеханическая эпоха, противоречия общественной и частной собственности, симулятивные блага, творческий труд, технологические инновации.

Для цитирования: Фриман А. (2023). Всемирный креативный аудит: план предлагаемого исследования // Ноономика и ноообщество. Альманах трудов ИНИР им. С. Ю. Витте. Т. 2, № 4, С. 25–59. DOI: 10.37930/2782-618X-2023-2-4-25-59

Alan Freeman

University of Manitoba (Winnipeg, Canada)

A WORLD CREATIVE AUDIT: A RESEARCH PROPOSAL

Abstract: The paper examines the need of developing an international research program on creative work as a prerequisite for the new forms of social structure required for noonomy. The study has two goals – qualitative and quantitative. Qualitatively, it will make it possible to establish objective standards for defining creative labor and related forms of mental productive activity, and quantitatively, to obtain statistical data on the creative production resources of five or more key countries.

Keywords: state planning, cooperative organization of labor, creative production, creatosphere, crisis of capital, mental economy, mental objects, unproductive labor, noonomy, post-mechanical age, contradictions of public and private property, simulative benefits, creative labor, technological innovation.

For citation: Freeman A. (2023). A World Creative Audit: a Research Proposal. *Noonomy and Noosociety. Almanac of Scientific Works of the S.Y. Witte INID*, Vol. 2, No. 4, pp. 25–59. DOI: 10.37930/2782-618X-2023-2-4-25-59

艾伦·弗里曼

马尼托巴大学(加拿大, 温尼伯)

制定关于全球创造性劳动统计和研究的计划

摘要: 作者认为创造性劳动是形成智慧经济所要求的新型社会组织形式的先决条件, 有必要制定一项国际规模的创造性劳动研究计划。该项研究有定性研究和定量研究二项任务。定性研究的任务是为创造性劳动及智慧生产活动形式定义客观标准; 定量研究的任务是对五个或更多主要国家的创造性生产资源数据进行统计分析。

关键词: 国家计划、劳动合作组织、创造性生产、创新领域、资本危机、心理经济、精神客体、非生产性劳动、智慧经济、后机械时代、公共财产和私有财产间的矛盾、虚假福利、创造性劳动、技术创新。

引用注释: 弗里曼 A. (2023). 制定关于全球创造性劳动统计和研究的计划//智慧经济与智慧社会. 维捷新兴工业发展研究所论文选, Vol. 2, No. 4, pp. 25–59. DOI: 10.37930/2782-618X-2023-2-4-25-59

Креативный труд – главный ресурс ноономики

Для исследования предлагается использовать девять принципов. Возможно, они неоднозначны и еще требуют дополнительных дискуссий, но наша задача в том, чтобы наметить практический курс совместных исследований. В связи с этим можно рассматривать эти принципы как постулаты, которые будут критически оцениваться в ходе самих исследований.

Принципы

- Отношения между ноономикой и креативностью двойственны и симметричны. Креативный труд является основным ресурсом новых технологий ноономики. Однако только принципы ноономики могут превратить его во всеобщий производственный ресурс, вернув творчеству его законное место как универсальной человеческой способности и универсального права человека.

- Креативное производство представляет собой вид экономической деятельности – это отрасль разделения труда с общими ресурсами, общими методами производства и общими продуктами.

- Креативное производство является новой прогрессивной и перспективной отраслью: оно использует все больше рабочей силы и его объем производства растет, в отличие от устаревающих отраслей промышленности, таких как сельское хозяйство, обрабатывающее производство и т.д.

- Креативный труд – это совместная деятельность людей. Условием его эффективного и полезного использования является универсализация креативного сотрудничества.

- Кооперативная организация труда в креативном производстве не только дополняет, но и превосходит социализацию собственности, на которой делали акцент К. Маркс и Ф. Энгельс, оценивая перспективы перехода от монополистического капитализма к социализму.

- Информационно-коммуникационные технологии (ИКТ) занимают центральное место в этом новом явлении. Они представляют собой средства производства креативной экономики. В частности, *производство программного обеспечения* – это ее «клеточная форма», сравнимая с фабрикой в эпоху господства механики.

- Правильное управление креативным производством, в отличие от машинного, требует иной модели социальной организации, основанной на всестороннем развитии человека, поэтому ноономика занимает центральное место в его правильном использовании.

- Ключевое место в этом процессе занимает креативная инновация: разработка и быстрое внедрение новых открытий. Как и все предыдущие волны инноваций, она имеет общую, на первый взгляд, парадоксальную предпосылку – стандартизацию, являющуюся основой любого человеческого сотрудничества.

- Может показаться парадоксальным отношение к стандартизации как к необходимому условию творчества [Hofstadter, 1986], суть которого заключается в разнообразии. Однако в креативном производстве она принимает своеобразную форму, направленную на *максимальное разнообразие человеческой жизни за счет минимизации препятствий для творчества*.

В заключение отметим, что первичными нормами, предъявляемыми к эпохе со-зидания, являются нормы, регулирующие ее основной ресурс – креативный человеческий труд. Разработка таких социально-управляемых стандартов была бы большим достижением для ноономики. Исследование должно обеспечить доказательную базу для достижения этой цели.

Программа научных исследований

Программа не претендует на полноту необходимых исследований, а ставит задачи, решение которых возможно на основе уже существующих исследований и является основой для будущих исследований.

Основное внимание необходимо уделить характеристикам и масштабам творческой рабочей силы в мировой экономике в ее нынешнем виде. Она имеет качественный и количественный аспект, соответствующий методу *интенсивности*, разработанному совместно исследователями Великобритании, Австралии и Франции, который был принят Министерством по делам культуры, СМИ и спорта Великобритании (DCMS) в качестве основы для статистической отчетности по творческим отраслям в стране.

- Качественный аспект требует от нас определения *видов деятельности*, которые следует считать творческими, и *отраслей*, которые следует считать креативными.

- Количественный аспект требует от нас измерения в каждой из исследуемых стран *размера* творческой и нетворческой рабочей силы в отраслях экономики и выявления тех из них, в которых эта творческая рабочая сила используется особенно интенсивно.

- Затем необходимо оценить богатство, созданное этими отраслями, а значит, использование и результаты производительного творческого труда.

Этот метод был изложен в нескольких работах, в частности в работах Бакши и др. [Bakhshi, Freeman, Higgs, 2013] и Фримана [Freeman A., 2002]. Полученные результаты приводят к созданию креативного *трезубца* [Higgs, Cunningham, 2008], который позволяет со-

средоточиться на конкретных отраслях, где *интенсивно используется творческая рабочая сила*, мы обозначили их как креативные, и, кроме того, позволяет исследовать растущую роль работников, осуществляющих творческую деятельность в других отраслях, а значит, и в экономике в целом.

Ранее данный метод не использовался в странах, за исключением Великобритании, Франции и Канады. При этом для Канады данный метод использовался в качестве источника предварительной информации без детального изучения профессиональной структуры Канады, которое, как будет объяснено, необходимо для полной сопоставимости. Изучение данной структуры (которая откроет путь к сопоставимому подходу к экономике США и Мексики) станет предметом исследования.

Метод интенсивности допускает несколько вариантов выбора, поэтому определения и, следовательно, величины, которые он дает, зависят от вариантов выбора. Нашей целью является создание гибкой системы, в которой могут быть проверены различные гипотезы о том, какая деятельность является творческой.

С одной стороны, метод опирается на существующую практику и, следовательно, имеет комплекс прошлых работ, на которые можно опираться, чтобы не изобретать *велосипед*; но, с другой стороны, он развивает эту практику и таким образом расширяет результаты за пределы границ, установленных в эпоху механики, которую мы оставляем позади.

Необходимым условием эффективного и практичного управления в постмеханическую эпоху, как следствие, является соответствующая перестройка категорий, используемых для описания производственной деятельности человека и вытекающих из изучения того, как она осуществляется и организуется в настоящее время.

Это не противоречит необходимому обсуждению того, каким образом ею следует управлять и организовывать ее *в будущем*, что является специфической областью исследования ноономики.

Любые социальные преобразования, кроме утопических, начинаются с того, *что есть и существует на самом деле*, и задаются вопросом, как мы можем сознательно это изменить согласно нашим желаниям. Это не обязывает нас принимать то, что имеется, но это является необходимой отправной точкой. Решение этой основной рационалистической проблемы, восходящей (в западной мысли) к разногласиям между Кантом и Юмом по поводу отношения «есть» к «должно», остается необходимой основой практических предложений по изменению.

Что представляет собой отрасль производства? Причины изучения кооперации в современном промышленном развитии

Основа современной практики отраслевой классификации восходит к Адаму Смиту: это понятие *отрасли разделения труда* – совокупности предприятий или участков производства, связанных между собой определенной *специализацией*. О важности этого понятия можно судить по тому, что оно, по мнению Смита, лежит в основе «Богатства народов».

Стоит задуматься, почему так происходит? Ведь это настолько обыденное понятие, что его легко проигнорировать. А поскольку центром внимания всех последующих исследований источников повышения производительности труда является гораздо более захватывающее появление механического производства, то соблазн игнорировать данное понятие превратился в увлеченность. В машинократическом стремлении определить машину,

фабрику и собственность предпринимателя в качестве истинного источника богатства, специализация как таковая, которая является социальным, а не частным достижением, стала одним из многих осиротевших детей современной экономической мысли.

Причина в том, что специализация является основой, позволяющей сделать труд более производительным. Любой не обладающий большим умом человек может установить водяное колесо в ручей, но, чтобы превратить его в технологическую парадигму, необходимо создать вокруг него целую систему труда. Именно система труда, а не колесо или приводимая им в движение машина, составляет суть воплощенного в ней технического прогресса.

В центре любой такой системы труда лежат два достижения:

- создание *квалифицированной* рабочей силы, способной посвятить себя созданию *определенной* системы машин, и
- *согласованное участие* этой квалифицированной рабочей силы в данном предприятии, в свою очередь навязанное специализацией.

Маркс предлагает аналогию с оркестром: в нем большое количество разных инструментов, однако только когда они объединяют свои усилия, они приносят плоды в виде симфонического звучания. Действительно, если более внимательно рассмотреть недостаточно изученную категорию *умений*, которая часто воспринимается как нечто само собой разумеющееся и обособляется в литературе от *знаний* – хотя во многих смыслах предшествует им и составляет их материальную основу – мы почти наверняка обнаружили бы ее тесную связь с категорией специализации. Помимо использования орудий труда, которое часто постулируется как *родоспецифическое* для человечества, важной эволюционной характеристикой человечества является разделение функций. Общество, в котором одни люди охотятся, а другие выполняют другие роли, неизбежно будет работать лучше, если его охотники сосредоточатся на том, чтобы лучше охотиться. Это навык, не сводимый к приобретению знаний. Напротив, знания, если они вообще существуют, лучше всего было бы охарактеризовать как средство социального обобщения навыков.

Совместная работа – это осиротевший близнец специализации в современной экономической мысли, которая просто предполагает, что рынок будет устанавливать правильное соотношение между различными специализациями. Это приводит к своеобразному парадоксу: на предприятии координация между его частями тщательно спланирована и полностью изолирована от разрушительного воздействия рынка, в то время как в обществе в целом планирование предается анафеме.

Таким образом, главная производительная функция современной нации двояка. Речь идет о том, чтобы внедрить в национальном масштабе те специальные навыки, которые обеспечивают эффективное использование машин и, в силу этого разделения труда на множество различных видов деятельности, организовать их взаимодействие в рамках единой *национальной* системы регулирования и коммуникации: система железных дорог, система дорожного движения, система производства взаимосвязанных инженерных компонентов, система производства и потребления электроэнергии, строительство жилых домов (как это делается в Швеции) в масштабах, создающих массовый рынок воспроизводимых единиц установленной мебели, что закладывает основу для мирового господства ИКЕА, для обеспечения совместимости средств ведения войны вплоть до размеров снарядов, для стандартизации таких мелких деталей, как винт и гайка, вплоть до спецификации системы мер и весов – одного из первых и технологически фундаментальных достижений Французской революции.

Всем экономистам, которые пренебрегают стандартизацией как мелкой причудой, а не фундаментальным принципом промышленного производства, можно задать два вопроса: Вы когда-нибудь пытались вкрутить метрический болт в гайку с резьбой британского стандарта BSI? Почему нужно ездить по правой стороне дороги?

Совместное и диалектическое соотношение специализации и кооперации, а также возникающая из этого противоречия посредническая роль стандартизации, по нашему мнению, является если не главной, то одной из основных проблем ноономики. Кроме того, мы утверждаем, что она является ключевой для любого осмысленного понимания того, как на самом деле функционирует современная креативная экономика, центральное место в которой занимает программное обеспечение.

Распространено заблуждение, что анализ кооперации и специализации представляет собой некую интеллектуальную предысторию марковского анализа истинного источника стоимости, заключающегося в ее происхождении в процессе осуществления человеческого труда. Это вытекает из ошибочного представления о том, что общественный труд заключается в простом объединении деятельности отдельных работников, достигаемом за счет рынка. Никто из тех, кто сталкивался с реалиями промышленного производства, не может воспринимать это понятие иначе как небылицу.

Маркс не только принял концепцию Смита о специализации как основе превосходства производственных возможностей капитализма, но и развил ее, поставив ее в центр своего представления о способах воспроизводства и накопления капиталистического общества. Она занимает центральное место в знаменитых «Схемах воспроизводства» второго тома «Капитала» и в обсуждении пресловутой проблемы трансформации, в которых предпринимается попытка определить количественные отношения, обуславливающие обмен произведенными в различных отраслях производства товарами.

Эта концепция была развита викторианскими экономистами всех стран, когда они создали своеобразную «карту» промышленного производства по категориям и подкатегориям, таким как сельское хозяйство, добыча полезных ископаемых, строительство, производство (в свою очередь подразделяемое на такие категории, как машиностроение и гражданское строительство), транспорт и связь, коммунальные услуги, розничная торговля, финансы и другие услуги, такие как образование или здравоохранение и т.д. По сути, отраслевая классификация представляет собой один из самых ранних международных стандартов, по которому практическая экономика достигла общего согласия и который был положен в основу всего системного управления производством и развитием.

Данная концепция достигла своей высшей формы в работе Василия Леонтьева «Анализ по схеме *затраты-выпуск*», в которой прослеживалось, как цепочки поставок переносят продукцию на различных стадиях производственного процесса из одной отрасли промышленности в другую. В гораздо более грубой форме оно проявляется в различении, которое пронизывает национальные расчеты, проведенные Кейнсом, Калецки и другими, между отраслями, конечная совокупная продукция которых состоит из продаж «конечному спросу», и остальными – по сути I и II отделами Маркса.

Именно благодаря Леонтьеву это понятие стало инструментом *планирования* не только в Советском Союзе, но и в Америке военного времени, где его «экономическая технология» была использована для перевода экономики США на военные рельсы путем точного расче-

та количества рабочих мест и продукции в каждой отрасли США для достижения цели, по сути, превращения ее в мастерскую западной военной машины.

Таким образом, понятие отрасли промышленности не является каким-то абстрактным или академическим вздором, а напротив – возможно оно представляет собой самое фундаментальное открытие экономической теории и, безусловно, больше всего нуждается в сохранении и расширении в теории ноономики. В то же время оно не может быть принято в том виде, в котором оно сложилось в эпоху, когда механическое производство физических объектов было доминирующим занятием человеческого труда.

Требуется фундаментальная адаптация концепции к практическим требованиям управления обществом, организованным на принципах ноономики, т.е. обществом, в котором производство нематериальных объектов, подкатегорией которых являются ментальные объекты, является основной и даже преобладающей формой продуктивного использования человеческого труда.

Стандартное определение отрасли является общепринятым и приводится в международно-признанных руководствах по классификации отраслей¹. Виды деятельности, составляющие отрасль, определяются как минимум одной из следующих трех характеристик:

- Они специализируются на использовании какого-либо общего ресурса, например, сельскохозяйственных угодий, определенного вида минерального или иного сырья, конкретного источника энергии (пара, нефти, электричества и т.д.);
- Они специализируются на каком-то определенном типе *процесса* (например, прядильное и ткацкое производство на ранних этапах первой промышленной революции, современные сборочные конвейерные линии, химические заводы и т.д.);
- Они производят определенный *продукт* – например, автомобили, самолеты, посуду, здания, транспортные услуги, а в наше время еще и программное обеспечение, радиопередачи, газеты и т.д.

Некоторые отрасли определяются одним из этих признаков в большей степени, чем другие, но окончательное правило, восходящее к первоначальной концепции Смита, гласит, что группа видов деятельности представляет собой отрасль или подотрасль производства в том случае, если производительность труда в этих отраслях повышается за счет специализации внутри предприятий и взаимодействия между ними.

Это заставляет нас задать, по сути, фундаментальный вопрос, стоящий перед управлением (в том числе и самоуправлением) ментально-продуктивной экономикой, основанной на услугах, что приводит к улучшениям за счет специализации?

Традиционная экономика сосредоточена на *индивидуальном производителе*, и можно сказать, что она буквально одержима им. С этой точки зрения технологические инновации заключаются в разработке новых типов машин, новых продуктов и новых процессов. Действительно, в посвященной инновациям литературе укоренилось именно такое представление о технологических изменениях – так, например, транзистор или электронный компонент рассматриваются в ней как основа предполагаемой «Четвертой промышленной революции». Это максимально далеко от реальности. Современное производство трансформировалось не за счет электронных компонентов, а за счет их *социального использова-*

¹ ISIC. 2008. International Standard Industrial Classification of All Economic Activities Revision 4. United Nations Department of Economic and Social Affairs, Statistics Division. unstats.un.org/unsd/publication/seriesM/seriesm_4rev4e.pdf

ния. Это не просто способ изменения *отдельных компонентов* производственной системы. Это *способ сотрудничества*, используемый обществом для интеграции этих компонентов в производственную систему.

Конечно, кооперация и специализация, являющиеся в определенном смысле диалектическими противоположностями в капиталистическом производственном прогрессе, всегда работали и друг с другом, и друг против друга. Так, реальной основой второй промышленной революции в равной степени является *железнодорожная система* (прототип, наряду с почтовой системой, современной производственной кооперации) и использование паровой энергии как таковой. Точно так же *электрификация и энергосистема* являются основой того, что Кристофер Фриман называет «эпохой стали, электричества и империализма», равно как и производство и использование электроэнергии. Действительно, если изучить тесную взаимосвязь классических «родоначальников» капитализма, таких как прядильная машина «Дженни» и ткацкий станок, то, с точки зрения их отношения к мировой экономике, мы увидим, что они в не меньшей степени обязаны революции в производстве одежды и поставке сырья из колоний, то есть системам судоходства и военным системам, от которых зависело снабжение, чем гению создателей этих машин Харгривза или Аркрайта.

Однако для сторонников современной инноватики или истории изобретений движущими силами этого процесса являются прядильная машина «Дженни», ткацкий станок, паровая машина, генератор и электродвигатель.

В постмеханическую эпоху такой подход не только устарел, но и вводит в заблуждение. Основой современной ментальной специализации является кооперация, поэтому именно на системах кооперации как национальной, так и международной, должна базироваться будущая инновационная наука.

Мы предлагаем индустрию программного обеспечения и ИКТ в качестве носителя и архетипа этой революции именно потому, что это единственная отрасль, в которой кооперация является фундаментальной основой специализации. Мы предлагаем креативные индустрии в качестве архетипических движущих сил этой революции именно потому, что, перейдя на этот носитель и его архетипические модели производства, они стали его движущими силами.

Ноономическая конъюнктура: современное состояние и тенденции развития национальных производственных систем

Что мы подразумеваем под понятием «сейчас»? Оно было предметом философского дискурса в западной мысли еще со времен Гераклита. Это один из фундаментальных вопросов науки, которому уделяется большое внимание в работе Р. Десаи «Геополитическая экономия», где настойчивое подчеркивание исторического измерения всех категорий политической экономии позволяет вписать их в соответствующий географический контекст.

Итак, приведем лишь один пример, имеющий ключевое значение для нашего анализа: что значит «быть индустриализированным»? Это исторически абсолютное или исторически относительное понятие? Была ли Япония времен реставрации Мэйдзи уже «индустриализированным» обществом? По меркам того времени это было не так, но тем не менее она нанесла грубый удар по недолговечным восточным устремлениям графа Витте, разгромив в войне 1905 г. якобы превосходящие российские вооруженные силы.

Как может подтвердить любой физик, биолог или химик, научное понятие «состояние» системы представляет собой диалектическое единство двух аспектов: текущего *положения* системы и *направления ее движения*. Таким образом, мы не понимаем, что такое частица, если наряду с ее положением в пространстве не учитываем ее импульс. Мы не поймем экологию одушевленных существ, если не поймем их эволюцию. И самое главное, мы не поймем общество, полагая его застывшим во времени, как это делает вся постоянная, т.е. основная неоклассическая, экономическая теория.

Следовательно, понимание будущего в ноономике требует изучения тенденций промышленной специализации, которая, в свою очередь, должна возникнуть в результате изучения их исторического прошлого. Это понятие заключено в понятии конъюнктуры.

Понятие конъюнктуры было и по праву остается главным объектом внимания российской и советской социальной науки. Кондратьев сознательно назвал свою исследовательскую группу «Конъюнктурным институтом». Варга, возможно, самый выдающийся статистик Коминтерна (хотя, возможно, и самый противоречивый), рассматривал свою роль как изучение «экономической конъюнктуры». Насколько мне известно, Саймон Кузнец не использовал этот термин, однако весь его метод является конъюнктурным, то есть посвящен исследованию экономической динамики¹. Оксфордский *социологический словарь* определяет конъюнктуру следующим образом: «Термин, используемый так называемыми структурными марксистами (см. Луи Альтюссер) для обозначения конкретного состояния политико-экономических и особенно классовых отношений в конкретном обществе, в конкретный момент времени (как в «конкретной исторической конъюнктуре»)».

Любое рассмотрение *промышленной* конъюнктуры неизбежно опирается на абстракции, такие как сельское хозяйство, промышленность или сфера услуг, которые одновременно повсеместно применяются и подвергаются сомнению. Например, деревья – это не пищевой продукт, а строительный материал. Так куда же лучше вписать современное лесное хозяйство – в сельскохозяйственный, строительный или производственный сектор? Это позволяет легко найти «прорехи» в любой системе отраслевой классификации.

К такой поверхностной критике нельзя относиться легкомысленно. Единственной доступной на сегодняшний день альтернативой системному подходу к классификации является нигилизм – без правил и ограничений. Это открывает дорогу индивидуалистическим способам взаимодействия между теоретиками, в которых каждый может принять любое удобное для себя определение. Это подрывает и, в конечном счете, разрушает фундаментальный принцип, который мы пытаемся установить, а именно – необходимую кооперативную основу для человеческого прогресса.

Но диалектика специализации и кооперации неизбежно сталкивается с основной дилеммой познания. Каждый специалист сталкивается с реальностью через определенное практическое взаимодействие с ней. Для физика-теоретика молекула представляет собой невероятно сложную совокупность взаимодействий на квантовом уровне. Для химика это всего лишь основа изучения соединений. Для биолога эти соединения являются элемен-

¹ Рассмотрим, таким образом, «*Современный экономический рост: темпы, структура и распространение*» 1965 года. Нью-Хейвен: Издательство Йельского университета, 1966 г. *Экономический рост стран: общий объем производства и структура производства*. Кембридж: Belknap Press издательства Гарвардского университета, 1965 г. *Экономический рост и структура: избранные очерки*. Нью-Йорк: Нортон.

тарной основой биосферы. Для социолога биосфера есть не что иное, как неисследованная предпосылка социального существования человека. Для астронома социальное существование человека – всего лишь средство исследования космоса. Для космолога нет ничего важнее, чем объединить изучение материи во всем ее радужном великолепии с теорией существования частиц, которая является особым источником исследований для физика. Таким образом, все «знания» в конечном итоге зависят от отношений сотрудничества, которые эти специализированные исследователи устанавливают друг с другом.

Действительно, это основа притчи о слоне. Однако в конечном счете специалисты по слоновьим хвостам, ногам и хоботам, «ослепленные» невежеством особого познания, которое они приобрели в результате своего особого взаимодействия со слонами, – вынуждены работать вместе и прийти к единому описанию всего слона. Одним словом, само познание, как основа знаний, обусловлено специализацией, самой ранней эволюционной характеристикой производительного труда человека.

Именно по этой причине мы настаиваем на необходимости стандартизировать то, что мы считаем креативным трудом, и способы его измерения. Независимо от того, согласны ли мы с «общепринятыми» национальными правилами дорожного движения, которые действуют в любой стране, поскольку страна, которая пытается регулировать дорожное движение вообще без правил, является не национальной продуктивной системой, а национальным центром столкновений. *Критика* индустриальных определений не может быть приравнена к отказу от них.

На самом деле противоречия в мышлении – например, является ли вождение трактора сельскохозяйственной или промышленной деятельностью – возникают из противоречий в самой материальной системе, и поэтому метод критики должен носить материалистический характер, т.е. изучать материальные условия, порождающие парадоксы мышления, а не наоборот.

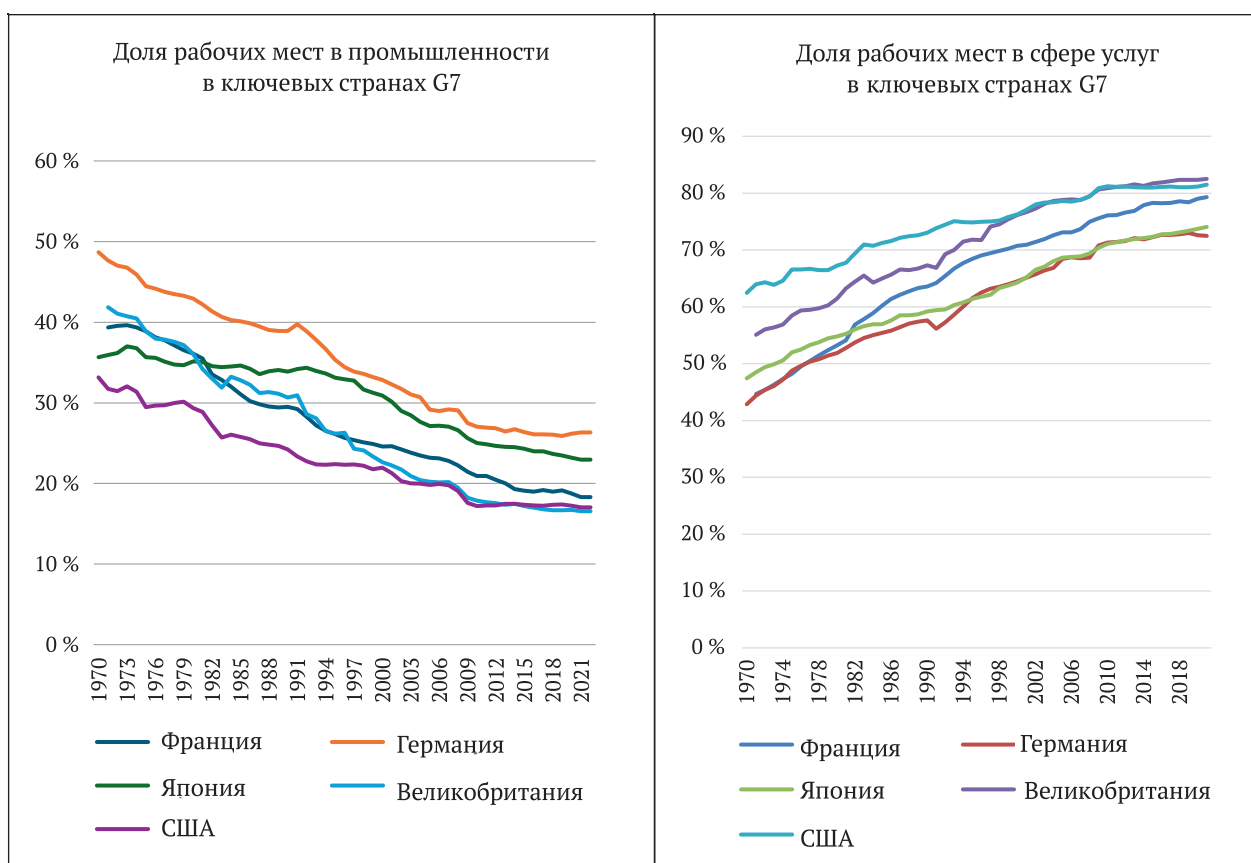
По указанным причинам мы начинаем с общепринятой широкой классификации производственной деятельности на сельское хозяйство, промышленность и сферу услуг¹. Данные на этой основе собирались еще в 1870 г. Современная стандартизация началась с создания послевоенной Международной стандартной отраслевой классификации всех видов экономической деятельности², которая на сегодняшний момент пережила четыре пересмотра и имеет ряд национальных вариантов, в частности, североамериканскую систему NAICS и систему NACE в Европейском союзе. Таким образом, произведя определенные манипуляции, можно получить сопоставимую историческую статистику за значительный исторический период. Ее важность в том, что она позволяет отличить истинные тенденции от случайных и циклических колебаний.

¹ Обратите внимание, что «производство» *само по себе* рассматривается в рамках системы отраслевой классификации как подотрасль промышленности, хотя и крупная, поскольку «промышленность» включает в себя другие сферы материального производства, такие как строительство. Аналогичным образом, как мы надеемся рассмотреть в данной статье, «услуги» включают в себя синкретическое сочетание различных видов деятельности – от транспорта и связи до финансовых спекуляций. Одной из основных задач предлагаемой нами *реконструкции* классификационной системы является системная *деконструкция* категории «услуги» – термина, этимологическое происхождение которого от феодального понятия «личная служба» свидетельствует как о его древности, так и о неадекватности.

² SIC. 2008. International Standard Industrial Classification of All Economic Activities Revision 4. United Nations Department of Economic and Social Affairs, Statistics Division. unstats.un.org/unsd/publication/seriesM/seriesM_4rev4e.pdf

Следуя индуктивным принципам настоящей науки, мы начинаем с простого представления некоторых фактов в виде набора графиков, которые затем попытаемся интерпретировать. Разумеется, другие интерпретации не только возможны, но и приветствуются, причем контр-интерпретации могут доходить до критики не только методов сбора данных, но и системы их классификации. Мы делаем только одну оговорку, исходя из предыдущего обсуждения принципов классификации. Однако данная оговорка накладывает жесткую дисциплину: отклонение гипотезы не является критикой. Задача научной критики существующего знания состоит в построении альтернатив. Поэтому критик должен не просто указывать на недостатки существующей или предлагаемой системы, которых немало, но и предлагать иной практический способ представления фактов, а также иной теоретический анализ этих фактов.

Некоторые основные факты современной промышленной конъюнктуры

Источник: Международная организация труда, Бюро статистики труда, расчеты автора

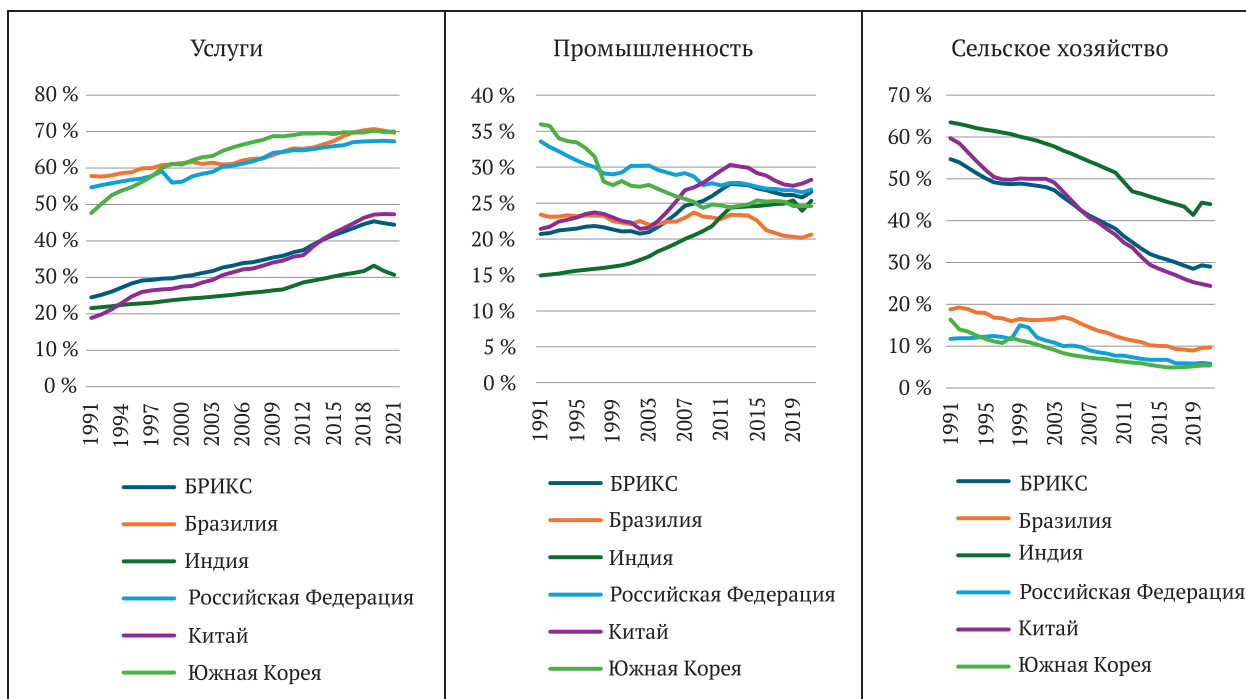
Первый момент – это *абсолютная* тенденция к вытеснению всех других источников занятости производством услуг. В странах Глобального Севера, они же «передовые» страны МВФ или, точнее, империалистические страны, этот процесс более или менее завершен. Сегодня *ни в одной* из этих стран занятость в сфере услуг не опускается ниже 70 %, а в промышленности не поднимается выше 30 %.

Второй момент – *дифференцированная тенденция* вытеснения сельского хозяйства сочетанием промышленности и сферы услуг, которая, как мы увидим, не противоречит первой

Фриман А.

тенденции. Она дифференцирована как географически, так и исторически. «Индустриализация» – это географически конкретная точка конъюнктуры, которая варьируется от страны к стране, даже среди несевверных стран. Так, с 1990 года по настоящее время занятость в промышленности резко выросла в Китае, Индии и Бразилии¹, но с 2010 года (хотя об этом пока рано говорить наверняка) они присоединились к общей схеме, которая, таким образом, становится мировой моделью, и при которой промышленность абсолютно, а не только относительно, вытесняется услугами.

Доля рабочих мест в сфере услуг, промышленности и сельском хозяйстве в ключевых странах и регионах за пределами Глобального Севера(более короткие сроки)

Таким образом, возникает общая гипотеза, на которой основана данная статья и большая часть наших предыдущих работ [Freeman, 2014]: конъюнктура такова, что услуги вытесняют промышленное производство как абсолютно, так и относительно во всем мире.

Как не ошибиться с фактами: осязаемость, услуги, ментальные объекты и концепция производства

Приведенные выше выводы часто кажутся парадоксальными для простого человека, впервые столкнувшегося с ними. Конечно, ведь мы живем в мире индустриального изобилия, окруженные чудесными механическими и электрическими устройствами и всевозможными заводами. И ведь наверняка сейчас в мире создается больше промышленной

¹ В результате освободительных войн Китая и Южной Кореи, Корея была уготована роль буферного государства, и в 1950-1960-е годы она была вынуждена – за счет значительных социальных издержек – быстро индустриализоваться и войти в избранный клуб «передовых» стран. В результате в настоящее время в нем наблюдается характерное для этого клуба вытеснение промышленности услугами.

продукции, чем когда-либо прежде. Как же тогда «промышленность» может находиться в упадке? И чем именно занимаются 150 млн американских «работников сферы услуг»?

Это непонимание приводит ко многим необоснованным выводам [Elliott, Atkinson, 2007] – в частности к идее о том, что труд в сфере услуг в некотором смысле непроизводителен. Это ложное представление, берущее начало в попытке Смита определить производство как создание «осязаемых объектов», было исправлено в XIX веке Марксом. Он справедливо заметил, что учитель в частной школе создает стоимость для владельца школы, который действует как капиталист, продавая свои услуги родителям богатых учеников. Это прямое соотношение заработной платы, при котором частный учитель создает прибавочную стоимость и, следовательно, прибыль для владельца. Таким образом, между производством услуг и промышленным производством нет принципиальной разницы с точки зрения производительного характера. Истинное различие заключается в социальных отношениях, управляющих производственным процессом.

Действительно, работник государственного производственного предприятия, если оно функционирует не на основе прибыли, а на основе потребностей (как, например, неприватизированная система общественного транспорта), является непроизводительным с капиталистической точки зрения, поскольку в этом случае собственник не сохраняет и не накапливает излишек капиталистическим способом. Вот почему в советской экономике, где излишки распределялись государством, а не механизмом миграции капитала в поисках прибыли, большая часть «производства», в строгом смысле, требуемом для анализа рыночной экономики, была непроизводительной: она не создавала капитал.

Однако существует и другая причина интуитивного замешательства, возникающего из-за нерелексивного усвоения вышеизложенных фактов. Это не требует от нас вступления в сложную дискуссию о том, что такое производство применительно к нематериальным объектам (она является темой следующего раздела), а требует лишь признать парадоксальный факт, на который Маркс, опять же, первым обратил внимание и фактически квалифицировал как закон движения капитализма: *чем более производительной становится отрасль промышленности, тем меньше людей требуется для работы в ней.*

Этот социальный закон является неотъемлемой частью основного закона стоимости, который заключается в том, что по мере роста производительности труда для производства одной и той же вещи требуется все меньше людей. Это выражается в устойчивом снижении цен. Цена на продукцию любой отрасли, в которой происходят инновации и, соответственно, растет производительность труда, несмотря на подъемы и спады, как правило, следует исторической тенденции, определяемой необходимым для производства этой продукции количеством рабочих. Именно этим объясняется очень длительное снижение *цен* на сельскохозяйственную продукцию, которое сопровождается столь же длительным снижением уровня *занятости* в аграрном секторе и вызывает это снижение. Это всего лишь зеркальные отражения друг друга.

Поэтому, пусть даже мы будем спорить об этом, если это необходимо или имеет практическую пользу, но снижение уровня *занятости* в промышленности – долгосрочную тенденцию всего современного общества, будь оно капиталистическое или социалистическое, – ни в коем случае нельзя путать со снижением роста *промышленного производства*. Противоречие в том, что рост промышленного производства более или менее происходил синхронно с сокращением уровня занятости в промышленности. Это всего лишь социаль-

ное выражение частного закона накопления капиталистической рыночной экономики, заключающегося в том, что в ряде отраслей промышленности уровень занятости падает по мере роста производительности труда.

Ноономика таким образом является естественным завершением этого процесса, в котором пределы роста производительности труда как механизма социального прогресса выражаются в неспособности промышленности обеспечить средствами к жизни большинство населения посредством заработной платы. Проще говоря, у промышленности больше нет достаточного количества работников для этого.

Наконец, прояснение этой иллюзии, необходимое для адекватного фактологического анализа тенденций, на которые призвана реагировать ноономика, обязывает нас вернуться к табуированной теме *стоимости*. Основным явлением, лежащим в основе описанных выше тенденций, является снижение стоимости промышленной продукции, которое лишь отслеживает ее цены. Но что это за стоимость и как ее измерить? Неоклассическая экономика опирается на понятие так называемой «реальной стоимости», которая претендует на роль меры физических величин, но по сути является замаскированной попыткой построить совокупную меру их потребительной стоимости. Для Маркса и его предшественников стоимость в самом общем смысле – это мера Смитовской «трудности получения вещи», то есть человеческих усилий или труда, необходимых для ее создания.

Современная экономическая статистика в большей или меньшей степени парализована тем очевидным фактом, что *количество* ментального продукта невозможно измерить *как таковое*. Оно может быть оригинально количественно оценено на рынке, например, путем продажи билетов или (как в современной индустрии программного обеспечения) путем продажи «программного обеспечения как услуги», но это не решает проблему объективного определения того, «сколько» музыкального исполнения дает билет пользователю, или «сколько» копий программного обеспечения дает подписчику оформление подписки.

Это не ставит умственное производство вне контроля, как утверждают консервативные защитники искусства, такие как Туса [Tusa, 2014], отстаивающие «искусство ради искусства». Общество вправе спрашивать у своих производителей умственного труда, какие блага оно получает от них, и таким образом рационально и, более того, демократично распределять ресурсы в соответствии с различными конкурирующими требованиями, предъявляемыми к нему этими производителями. Однако это говорит нам о том, что стандартные показатели выпуска продукции, используемые при составлении экономической статистики, безвозвратно укоренившиеся в представлении о физической величине как высшей мере полезности, становятся все более непригодными для этой цели. Следовательно, справедливой целью исследования является создание показателей *социальной* полезности, над которыми люди могут осуществлять демократический контроль.

Основы машинокрайтической иллюзии

Человек, который изобрел паровой бур,
Думал, что он очень хорош,
Но Джон Генри прошел пятнадцать футов,
А паровой бур прошел только девять, Боже, Боже,
Паровой бур пробурил только девять

Джон Генри работал молотком в горах
Его молот высекал огонь
Но он работал так усердно, что разбил свое бедное сердце
Он отложил свой молот и умер, Боже, Боже
Он отложил свой молот и умер.

Американская народная песня

Иллюзия того, что производство заключается в изготовлении материальных продуктов, пронизывает современное мышление. Это постоянно воссоздает характерную для товарного фетишизма иллюзию, что единственной истинной формой товара является физический объект, а единственным источником его стоимости – машинное оборудование. Это идея является античеловеческой: она отрицает вклад человеческого труда в производство, возвышая капитал, то есть собственность, прежде всего собственность на машины, над трудом, который ее оживляет.

Исторический материализм объясняет, что причиной этой иллюзии является свойство продуктов машинной индустрии – из всех товаров они наиболее приспособлены для превращения в частную собственность. Они обладают характеристикой, которую неоклассическая микроэкономика признает как «исключаемость», которая в конечном итоге является функцией способа использования физического объекта. Архетипической формой исключаемого продукта является еда – один пищевой продукт может съесть только один человек. На самом деле, из этого становится неясным, как, например, дома занимают люди, которые совместно используют их на основе нерыночных принципов. Теоретически автомобили могут «использоваться» только водителем, однако большинство автомобилей перевозят разное количество людей. Действительно, автопарки представляют собой фундаментальную и значительную меру по социализации транспорта, в то время как было бы безумием ограничивать использование автобуса – такого же физического средства передвижения, как и автомобиль – только одним человеком.

Неолиберальные мыслители высмеивают это с откровенно ребяческой критикой, например, идеей о том, что зубной щеткой может пользоваться только один человек. Они упускают суть: природа физического объекта заложена в том, что его свойства *ограничивают количество возможных пользователей*, что позволяет капиталистам ограничивать и отчуждать это использование, например, когда они продают билеты на футбольный матч или поездку на поезде.

Но справедливо ли это в отношении услуг? В некоторых случаях – да, а в некоторых случаях нет, поэтому категорию производства услуг необходимо «деконструировать». Архетипическая исключаемая услуга, по сути, является продолжением феодальной категории личного крепостного права, поэтому бытовое рабство не только сохраняется в современную эпоху, но и разрастается, и имеет постоянную тенденцию к перерастанию в формы патриархального рабства. Транспорт является промежуточной категорией, поскольку использование всех логистических систем ограничено, в конечном счете, физическими возможностями. Если бы транспорт был неисключаемой услугой, то не было бы необходимости строить железные и автомобильные дороги, самолеты, не говоря уже о введении международных стандартов на их предоставление.

Напротив, на противоположном конце спектра исключаемости находятся те объекты, которые профессора Бузгалин и Колганов относят к «креатосфере» [Бузгалин, 2017а, Буз-

галин, 2017b, Vuzgalin, Kolganov, 2013], которые также принадлежат в более общем смысле к *ноосфере* Вернадского [Vernadsky, 1945] и Шардена. Это то, что Фриман [Фриман, 2021] называет «ментальными объектами» – традиционно продукты художественной, научной или другой умственной деятельности, но сегодня приобретающие гораздо более широкое распространение как истинный продукт творческих индустрий.

Ментальный объект можно рассматривать примерно, как «содержание» продукта. Он состоит из любой полезной сущности, которая существует независимо от своей материальной формы. Таким образом, стихотворение или научная теорема могут существовать на бумаге, в устной форме, в мозгу поэта или его слушателей, в навыках технических специалистов или – что особенно важно в современном производстве – в оцифрованном виде.

Роман Рэя Брэдбери «451 градус по Фаренгейту» был ранним глубоким исследованием этого феномена, когда все книги были сожжены, но сообщества повстанцев сохранили их содержание в своей памяти. Не исключено, что наступит «451 градус по Фаренгейту» для XXI века, когда цензура становится нормой доступности в Интернете, а подавление – нормой производства в Интернете. Все, что произошло – так это то, что кремний и волокно заняли место бумаги и чернил.

Независимость от материальной формы рассматривается Фриманом [Фриман, 2021] как характеристика ментального объекта. Сегодня «кинофильм» больше не представляет собой катушку целлулоидной пленки, так же как книга не является переплетенной пачкой бумаги или музыкальное произведение не является отпечатком на компакт-диске или записью на пленке кассеты. Из этого вытекают два следствия, важные для данной работы и «ноономики» в целом. Они должны пониматься вместе.

Во-первых, рыночные отношения принципиально не способствуют производству и широкому доступу к ментальным объектам. Это связано с тем, что для продажи объекта необходимо ограничить доступ к нему. Прежде всего это ощущается социальными критиками в сфере потребления: это противоречит и справедливо критикуется как *отрицание права*: математические теоремы находятся в свободном доступе, и было бы абсурдно и непрактично, наказывать за использование теоремы Пифагора без выплаты ему гонорара. Однако этот абсурд свободно практикуется, когда речь идет о научных методах производства, литературной или музыкальной продукции.

В постмеханическую эпоху все больше затмевается еще более масштабное и фундаментальное противоречие в сфере *производства*. Впервые оно было отмечено фон Мизесом и остается канонической чертой австрийской экономики в ее чистом виде: интеллектуальная собственность представляет собой ограничение торговли, и именно поэтому наиболее последовательные неолибералы фактически выступают против нее. Не обращая внимания на это противоречие, США в 1990-е годы, проведя Уругвайский раунд переговоров ГАТТ, создав Всемирную организацию интеллектуальной собственности (ВОИС) и навязав ее условия только что созданной Всемирной торговой организации (ВТО), не только осуществили, но и навязали миру реконструкцию интеллектуальной собственности как *монополистического* института. Это объединило институты патентного и авторского права. И установило 70 лет как нормальный срок жизни¹. Самым главным явилось то, что это

¹ Неслучайно «трижды двадцать и десять лет» – это авраамический и библейский срок жизни человека – гарантирует, что интеллектуальная собственность принадлежит корпоративным субъектам, а не людям.

юридически санкционировало ключевое использование интеллектуальной собственности в американском капитализме, которое заключается не в *распространении* знаний или идей, а в *предотвращении* их распространения с целью поддержания технологической монополии.

Можно с полной уверенностью утверждать, что в основе нынешнего конфликта между Китаем и США лежит ключевое различие в использовании знаний, которое, в свою очередь, приводит к идеологическим различиям в концепции интеллектуальной собственности (ИС). По мнению США, ИС по своей сути является частной, и общество должно предоставить ее частным владельцам неограниченные монопольные права. Для Китая же ИС – это форма общественной собственности, которой частные владельцы пользуются по усмотрению государства при соблюдении нескольких условий, главным из которых является демонстративное распространение знаний. Таким образом, с точки зрения Трампа, Китай «крадет» американские технологии всякий раз, когда совершает преступление, позволяя своим производителям использовать их.

Это «воровство» происходит в своего рода интеллектуальном Шервудском лесу. Китай – это Робин Гуд креативной эпохи: он стремится только к тому, чтобы бедные имели то, чего у богатых слишком много, одновременно освобождая богатых от бремени богатства и избавляя бедных от его отсутствия. Но в век умственного производства противоречия нет, или, вернее, противоречие иллюзорно. Богатые могут получить свою часть интеллектуального пирога и съесть ее: никто не предлагает им прекратить использовать свои технологии, предлагается лишь перестать отказывать другим, в равной степени заслуживающим части этого пирога, т.е. в их законном месте на празднике раздачи подарков.

Но это возвращает нас к вопросу, который мы задали в начале этого раздела. В каком смысле создание ментального продукта является актом производства? Критики этого понятия могут считать и утверждать, что нематериальная и бесконечно воспроизводимая вещь не может рассматриваться как товар, поскольку – в конечном счете – они не видят у таких вещей применения. Но если технологические знания бесполезны, то как их может использовать Китай и почему США стремятся монополизировать их? Почему миру угрожает мировая война из-за такой бесполезной вещи?

Все вышесказанное указывает на одно направление: необходимость деконструкции категории производства услуг и ее реконструкции на основе концепции или концепций социальной, а не частной полезности. Центральное место в такой реконструкции занимает идея о том, что мы должны выработать приемлемую концепцию полезности продуктов умственной деятельности¹.

¹ Во всех рассуждениях о полезности или потребительской стоимости от Бентама до Маркса предполагается, что полезность вещи (в отличие от ее обменной стоимости) является характеристикой самой вещи, иначе Маркс не мог бы написать: «Возьмем два товара, например один сюртук и 10 аршин холста. Пусть стоимость первого вдвое больше стоимости последних, так что если 10 аршин холста = w , то сюртук = $2w$ ». Здесь сюртук есть единица потребительской стоимости *рода* сюртук, тогда как аршин – единица потребительской стоимости *рода* холст. При этом абстрагируются любые различия между более желанными и остальными сюртуками или высококачественным и низкокачественным холстом, например, склонность к разрыву и, соответственно, помехам в производстве. Это закономерная абстракция, но в сфере культуры вопрос «кто определяет, что полезно?» нависает над ней и выходит на первый план. Буржуазное общество обычно навязывает особую концепцию того, что представляет собой «хорошее искусство» [Бельфиоре, Беннет, 2008]. Но это спорный вопрос: было ли искусство импрессионистов до его всеобщего признания бесполезным, потому что галереи отказывались его выставлять?

Умственное производство и структура услуг

В чем заключается «обслуживающий» труд? Его главной отличительной особенностью, как уже говорилось, является то, что его результаты *нематериальны* – они не состоят из материальных объектов. Однако это не означает, что весь обслуживающий труд одинаков, поэтому категория должна быть «деконструирована» и реконструирована. Предварительная попытка сделать это предполагает три различные формы деятельности:

• **«Отдел услуг I»: производит умственные средства производства услуг. Иногда их называют «B2B» или «бизнес для бизнеса», в том числе:**

– Программное обеспечение *как таковое*.

– Коммуникационные и логистические услуги для промышленности.

– Коммерческие услуги для бизнеса в целом. Это действительно довольно большой сектор, который часто ошибочно путают с финансовым. Сюда входят, например, архитектура, проектные услуги, большая часть научно-технических индустрий, включая ту ее часть, которая занимается продажей и разработкой методов и технологий.

• **«Отдел услуг II»: производит или преобразует услуги, продаваемые потребителям. Иногда называется деятельностью в сегменте «B2C» (бизнес для потребителя):**

– Значительным сектором является, в частности, «Транспорт», который наиболее близок к обрабатывающей промышленности и другим формам материального производства, поскольку, перемещая товары и храня их, он функционирует как «продолжение промышленного производства в торговлю».

– Большая доля «тяжелого» низкооплачиваемого и низкоквалифицированного труда, который, по сути, является коммерциализированным подневольным трудом. Здесь мы видим уборку офисов, Amazon, Starbucks и многие предприятия в авангарде новой профсоюзной деятельности.

– Растущая масса преимущественно высококвалифицированной рабочей силы для оказания дорогостоящих услуг населению, в частности, образования и здравоохранения. Они подвергаются постоянному давлению с целью снижения заработной платы и ухудшения условий труда, будучи организованными по индустриальному принципу, но в силу наличия необходимых навыков обладают определенным переговорным потенциалом.

– **Быстрорастущий сектор продажи продуктов, которые покупают из-за их содержания, а не их физической формы. Это одна из частей креативной экономики.**

• **Непроизводительный труд в торговле, финансах и недвижимости:**

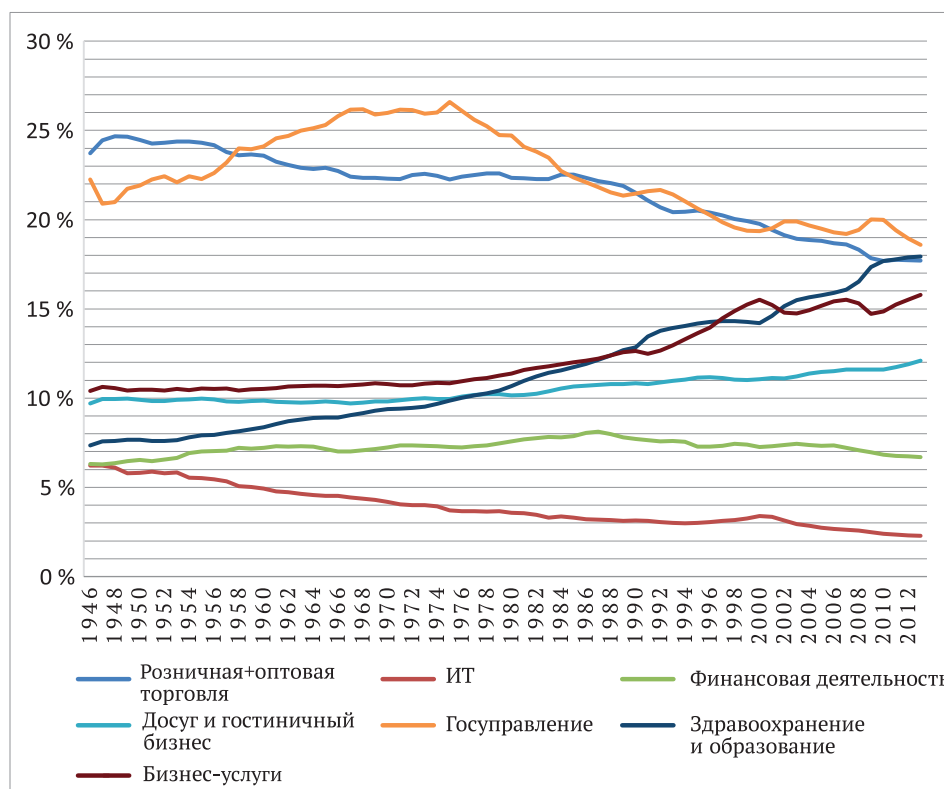
– Сюда входят почти все банковские услуги и почти вся розничная торговля, а также производственные элементы, о которых речь пойдет ниже. Этот труд непродуктивен *не* потому, что его результаты нематериальны, а потому, что их не покупают и не продают как товар.

– В случае с финансами это очевидно, поскольку финансовая прибыль возникает в результате взимания своеобразного сбора (процентов или ренты).

– В случае с розничной торговлей все не так однозначно, поскольку здесь продукция продается потребителям. Однако сам акт взимания платы с потребителя за товар, приобретенный в другом месте, не создает новой стоимости, а приносит прибыль, возникающую в результате общего процесса выравнивания, поскольку производительным капиталистам дешевле продать товар специализированному посреднику, чем заниматься продажей населению.

– Сектор аренды и недвижимости практически полностью носит спекулятивный и непроизводительный характер.

Занятость в каждом секторе сферы услуг
в проценте от общей занятости в сфере услуг в США

В современных направлениях сектора услуг все они смешаны в полубезумной манере, но, опустившись достаточно глубоко в подкатегории направлений, можно понять, что же происходит на самом деле. Некоторое представление об относительных масштабах этих видов деятельности можно получить из статистики, представленной США и приведенной выше. Но они не очень информативны вследствие вышеописанной путаницы, однако позволяют развеять некоторые иллюзии и наталкивают на размышления.

Во-первых, очевидно, что рост услуг никак нельзя отождествлять с ростом финансового и розничного секторов *в плане занятости*. Обе эти отрасли достигли пика занятости в середине 1970-х годов и с тех пор снижаются. Это может показаться нелогичным, поскольку финансы сегодня занимают гораздо более доминирующее положение в экономике США, чем в 1970-е годы, – ведь это был этап истории, в котором «финансизация» сыграла огромную роль.

В этом случае различие между объемом производства и занятостью является актуальным и принципиальным. *Прибыль и доходы* финансового и розничного секторов, именно потому, что они оторваны от кругооборота производительного капитала, мало связаны с затраченным ими трудом. По сути, финансист может получить любые проценты, которые он только может выжать из своих кредиторов, а когда они состоят не только из ненадежных держателей ипотечных кредитов, но и из целых стран, обремененных долгами, таких как Аргентина, это огромные суммы. Соотношение между стоимостью и доходом в этих

отраслях проявляется только в кризис, когда огромные объемы переоцененных фиктивных активов, построенных на предположении, что кредитора можно «выжимать» без конца, рушатся в такие моменты до уровня, приближающегося к реальной прибавочной стоимости, которую реально можно взыскать.

В то же время, именно в силу прибыльности этого вида деятельности, финансовый и коммерческий секторы находятся в авангарде инноваций – например, совместно с военными они были движущей силой информационной революции вплоть до появления Интернета и всемирной сети, впоследствии.

Это приводит к еще одной путанице: предприятия, например, производители компьютеров или поставщики программного обеспечения, которые продают товары банкам или розничному сектору, производят стоимость. Компьютер, как и компьютерное приложение, продается за реальные деньги, соответствующие реальному труду по его созданию. Этого не меняет тот факт, что данный продукт непроизводительно используется банком, которому он был продан.

В этом отношении очевидное снижение занятости в «информационном» секторе является ошибкой классификации. Она возникает, потому что большая часть труда информационной революции относится к категории бизнес-услуг.

Отсюда вытекает второе наблюдение: стремительный рост занятости в сфере деловых услуг нельзя отождествлять с ростом непроизводительного финансового сектора. При ближайшем рассмотрении оказывается, что это не одно и то же. Поэтому не следует поддаваться искушению игнорировать этот рост как своего рода паразитический отросток.

В-третьих, что касается сектора услуг, ориентированного на потребителя, то здесь выделяются два факта: поразительный рост здравоохранения и образования, а также «досугового и гостиничного бизнеса». Последние составляют основную часть креативных индустрий, ориентированных на потребителя. Не следует также пренебрегать первым, поскольку оно, как мы увидим далее, составляет часть «инфраструктуры» творческого производства, а именно оно предоставляет творческим работникам человеческие средства для творческой деятельности – оно дает волю тому, что Блейк назвал «тиграми гнева», которых он противопоставил «клячам наставления».

Наконец, в-четвертых, и это самое главное, накладывается разделение, которое не признается в отраслевых направлениях: *умственная составляющая труда в сфере услуг систематически смешивается с его ручной составляющей и постоянно недооценивается классами работодателей.*

Например, «труд преподавания» неотделим от включения знаний в специализированную практику педагога, как и труд по обеспечению здоровья. Однако наши общества систематически недооценивают то внимание, которое необходимо уделять процессу закрепления этих знаний в мозгах учителей, медсестер и врачей¹, и пытаются снизить как их заработную плату, так и выделяемые на их образование средства до минимально возможного уровня, учитывая трудовые отношения в соответствующих отраслях.

¹ Как уже отмечалось, на самом деле под «передачей знаний» понимается предоставление невежественным получателям этих «знаний» со временем и средствами для их усвоения, что на самом деле сводится к очень простому акту предоставления им времени для этого. То есть настоящий вопрос – это труд по приобретению навыков. Это так же связано с передачей «знаний», как плавание связано с академическим изучением водных видов спорта. Конечно, спортсмен-чемпион может многому научиться у психологов, лингвистов и анатомов. Но человек, который может плавать, не заходя в воду, действительно был бы чудом.

Действительно, само понятие отраслей «ручного» и «умственного» производства, выраженное в фабианском понятии «работники рук или мысли», игнорирует основные факты того, из чего состоит труд, а именно координацию рук с мозгом. *Всякий* труд целенаправлен, и, следовательно, всякий труд содержит неотделимую умственную составляющую. Действительно, в более ранние времена, чем нынешний механический век, умственные способности ремесленников были широко признаны и легли в основу системы гильдий. Шекспир высмеивает своих «грубых механиков» за попытку поставить театральные пьесы, но сам факт этой попытки представляет собой театральное признание их творческих устремлений, которые исчезли с приходом современного промышленного производства.

Современники производителей на заре механической эры прекрасно понимали, что разделение умственного и ручного труда не является биологически заданным и, более того, не существовало до этой эпохи. Оно было навязано производителями.

Томас Карлайл формулирует это следующим образом: «Если бы нам потребовалось охарактеризовать наш век каким-либо одним эпитетом, мы бы склонились к тому, чтобы назвать его не героическим, не религиозным, не философским, не нравственным, а прежде всего механическим.

Это век техники, во всех внешних и внутренних смыслах этого слова; век, который со всей своей безраздельной мощью развивает, учит и практикует великое искусство приспособлять средства к целям. Теперь ничего не делается напрямую, вручную – все делается по правилам и с расчетливой изобретательностью. Для простейшей операции уже всегда наготове несколько помощников и сопровождающих, а также какой-нибудь хитроумный сокращающий процесс.

Все наши прежние способы деятельности дискредитированы и отброшены в сторону. Повсюду живого мастера выгоняют из мастерской, чтобы освободить место более быстрому, неодушевленному. Ткацкий челнок выпадает из пальцев ткача и попадает в «железные пальцы», которые работают им быстрее. Моряк сворачивает парус, откладывает весла и просит сильного, неутомимого слугу на воздушных крыльях нести его по водам.

Люди пересекли океаны на пароходе; Огненный король из Бирмингема посетил сказочный Восток; и гений мыса Доброй Надежды, если бы нашёлся новый Камоэнс воспеть его, снова был встревожен, причем куда более странными громами, чем те, что сделал да Гама.

Обилию и разнообразию машин нет конца. Даже с лошади снимают сбрую, а вместо нее запрягают быстроходного «огненного скакуна». Что уж там, у нас есть художник, который выводит цыплят при помощи пара; сама наседка должна быть заменена! Для всех земных, да и для некоторых неземных целей у нас есть машины и механические приспособления – для измельчения капусты, для погружения в магнитный сон» [Carlyle, 1829].

Одним словом, категория «ручного труда» не является биологическим различием, а навязывается специфической формой производства, а точнее массовым повторяющимся или механическим производством. Средством, с помощью которого капиталистическое промышленное производство совершало революцию за революцией в производительности труда, было использование машин для производства множества одинаковых вещей. В войне, созданной людьми против собственных машин, если она ведется за простое количество, машины не могут не победить. Джон Генри всегда проиграет свою эпохальную и мифическую битву с паровым молотом.

Понятие ментальных объектов

Точно по тем же причинам, по которым «ручной труд» является конструкцией промышленной механизации, а не врожденной биологической функцией труда, «умственный труд» также является конструкцией. Поскольку это конструкция, она не является аналитически полезной, так как в природе труда не заложено такое разделение. Всякий труд сочетает в себе ручную и умственную стороны, и действительно, Энгельс характеризует использование орудий труда как движущую силу развития мозга. Пещерная живопись относится к самым ранним временам существования человека, и представление о каком-то «периоде истории», когда человек должен был посвятить себя чисто биологическим или «зоологическим» аспектам своего существования, является исторически неверным. На самом деле отделение умственного труда от ручного не только искусственно навязано, но и возникло недавно: оно берет свое начало в механической эпохе.

Отсюда следует, что необходима более фундаментальная аналитическая конструкция. Это достигается путем постановки вопроса о том, что является *результатом* труда. Рациональное ядро в понятии «умственный и ручной труд» – это различие не в характере труда, а в его результатах, в продукте. На протяжении большей части истории человечества эти продукты носили осязаемый характер. Это позволяет более точно охарактеризовать современный этап технологического развития, который мы предпочитаем понятию «экономика инноваций» по многим причинам, не требующим подробного изложения: определяющей чертой данного этапа, является быстрый рост и, более того, массовизация производства нематериальных объектов.

Как уже отмечалось, категория «услуга» не отражает этого различия должным образом. Вопрос заключается в том, существует ли произведенный объект, независимо от его материальной формы. Например, как это происходит с компонентом программного обеспечения, а также с более ранними примерами ментальных продуктов или объектов, таких как книга, теорема, научное открытие, в сущности, объекты, живущие в «креатосфере» Бузгалина и Колганова.

Не весь умственный труд является творческим, и действительно, творческое производство существует в более широкой «сфере распределения и воспроизводства», в которой задействована значительная часть значительно большей рабочей силы, отвечающей за материальные аспекты его воспроизводства. Можно долго говорить о том, что содержание книги существует независимо от ее печатного издания, но попробуйте прочитать книгу, которая больше не издается, недоступна в Интернете и не находится на полках вашей местной библиотеки, и вы внезапно осознаете, что это «содержание» представляет собой неуловимого магического зверя. Независимость от *конкретной* материальной формы нельзя отождествлять с иллюзией, что ментальный объект не нуждается в воплощении в *какой-либо* материальной форме.

Именно по этой причине лично я с подозрением отношусь к понятию «экономика знаний», поскольку, *согласно* неоклассической теории роста, знания не существуют независимо от людей, обладающих знаниями. Это человек и его деятельность – а именно характер того, что он производит, – определяют технологическое состояние экономики.

Другими словами, точное определение нынешней эпохи, наиболее подходящее для нашей цели, – это эпоха *массового обращения ментальных объектов*, где под «обращением» подразумевается не только их производство, что является специфической функцией творческого труда, но и его *воспроизводство и применение*. Термин, который мы предлагаем для описания этой совокупности, – это «ментальная экономика», которая в отличие от «нооно-

мики» относится к чисто техническому состоянию экономики, а не к способам ее использования. Мы предлагаем использовать этот термин вместо «экономики инноваций».

Труд созидания существует параллельно с трудом *воспроизводства и применения*. Он со-зависим с ними и находится с ними в глубоких отношениях сотрудничества. Для того чтобы учесть эту взаимозависимость, ее нужно признать и измерить. Поэтому в рамках исследовательского проекта предлагаем расширить сферу существующих запросов, а потому определить и измерить труд, затрачиваемый на воспроизводство и применение ментальных продуктов. Сюда можно отнести, например, значительную часть научного труда, который в целом занят не открытием, а техническим применением уже сделанных открытий¹. В этом случае численность рабочей силы, определяемая таким образом, составит около 30% рабочей силы так называемой «развитой» страны [Bakhshi, Davies, Freeman, 2015], что показывает, какое место занимает этот ресурс в существующем обществе, не говоря уже о той роли, которую он мог бы играть в обществе, организованном в соответствии с принципами ноономики.

Культивирование этого ресурса должно быть главной целью любой серьезной современной промышленной политики. Именно поэтому необходимо выяснить, кто является работниками, занятыми производством и воспроизводством таких объектов, как развиваются и поддерживаются их возможности и как использовать этот огромный современный ресурс на благо человечества.

Творческий труд: что это такое и как его измерить

Креативное производство, тем не менее, является специфическим компонентом ментального производства, связанным прежде всего с *порождением*, то есть с появлением на свет новых ментальных объектов. В силу этого оно классифицируется статистиками в текущей практике как составляющая труда в сфере услуг. Однако оно «закопано» в отчетах, которые не классифицируют его отдельно. Перейдем, наконец, к *деконструкции* специфической составляющей того, что сегодня классифицируется как производство услуг.

Исследовательские проекты, в которых предпринимались попытки классифицировать ментальное производство, возникли еще в понятии экономики «знаний» или «постиндустриальной» экономики [Bell, 1976]. Параллельно с этим в разное время в литературе предпринимались попытки проанализировать «экономику услуг». Попытки измерить «ценность искусства» восходят к спорам викторианской эпохи, разделявшим социалиста Джона Рёскина, предлагавшего, чтобы ценность художественного продукта основывалась на социальной оценке художественных возможностей труда художника, и такого же социалиста Оскара Уайльда, настаивавшего на том, что истинная оценка творчества художника не может основываться на социальном одобрении.

Современные работы по креативной экономике отличаются от всего вышеперечисленного тем, что в них ставится задача выявления *способности умственного производства приносить богатство*.

Несколько дискредитированной, но, тем не менее, известной такой попыткой является работа Флориды, который разработал понятие «креативного класса» – очень широкой кате-

¹ Никакой «иерархии» не подразумевается, и, конечно, многие (если не большинство) новых открытий возникают в процессе применения старых. Вопрос, как было указано с самого начала, всегда таков: какова специализация труда? Тот факт, что оркестры нанимают людей для игры на фортепиано, не мешает этим музыкантам сочинять оркестровые произведения, а, наоборот, способствует этому. Тем не менее, «профессия» такого исполнителя – «пианист», а не «композитор».

гории, включающей управленческих работников, творческих работников, научных работников и многих других, в некоторых случаях составляющих почти половину работающего населения. Сложность такого разрозненного подхода аналогична представлению о том, что в физиократическую эпоху все горожане представляли собой производительных рабочих.

Вторая работа, которой уделяется мало внимания, – это исследование Ричарда Кейвза, посвященное договорным отношениям в творческих отраслях, которое проливает важнейший свет на способы создания богатства, прежде всего на кооперативный характер сотрудничества в них.

Истоки того, что мы, не желая обидеть Флориду, можем назвать научным изучением творческих индустрий, лежат в австралийском проекте «Творческая нация» и исследованиях, проведенных в Технологическом университете Квинсленда (QUT). Они вдохновили министра Великобритании Криса Смита, по инициативе которого его ведомство составило «карту» креативных индустрий Великобритании, включающую перечень *профессий и отраслей*, считающихся творческими.

Затем Фриман, работая в Администрации Большого Лондона, по просьбе мэра Лондона подготовил документ под названием «Творчество: Основной бизнес Лондона», который привел к длительному сотрудничеству между ним, Питером Хиггсом из Технологического университета Квинсленда и Хасаном Бахши из британского аналитического центра NESTA (Национальный фонд науки, технологии и искусств), разработавшим так называемый метод *интенсивности* для определения и количественной оценки творческих отраслей. Впоследствии этот метод был принят Департаментом цифровых технологий, культуры, медиа и спорта и рядом европейских институтов.

Суть метода интенсивности была раскрыта в основополагающей работе NESTA «Динамическое картирование творческих отраслей» [Bakhshi, Freeman, Higgs, 2013] и может быть достаточно просто объяснена с помощью таблицы, взятой из этого документа и приведенной ниже.

Таблица 1
Интенсивность в секторах цифровых технологий, культуры, медиа и спорта
(оценка за 2011 год)

		Творческие	Другие профессии	Всего	Доля
1.	Реклама	45 900	69 400	115 300	40%
2.	Архитектура	67 300	36 200	103 500	65%
3.	Искусство и антиквариат	500	8 300	8 800	6%
5.	Дизайн	56 400	42 100	98 500	57%
6.	Дизайнерская мода	3 700	2 900	6 600	56%
7.	Кино-, видео- и фотосъемка	28 700	29 500	58 200	49%
9 и 10.	Музыка, изобразительное и исполнительское искусство	138 400	52 800	191 300	72%
11.	Издательская деятельность	71 300	111 500	182 700	39%
8 и 12.	Программное обеспечение / Публикации электронных документов	900	22 300	23 200	4%
8 и 12.	Цифровые и развлекательные медиа	2 000	11 200	13 200	15%
13.	Телевидение и радиовещание	61 700	34 200	96 000	64%
Всего		476 800	420 500	89 7300	53%

Таким образом, исследователи в этой области выделяют конкретные подотрасли, такие как «производство ювелирных изделий», подсчитывают занятость в каждой из них, а затем суммируют их¹. Так, например, большинство авторов определяют «видеоиндустрию» как сумму следующих трех компонентов бизнес-классификации:

Код бизнес-классификации 9211: Производство кинофильмов и видеопродукции
Код бизнес-классификации 9212: Распространение кинофильмов и видеопродукции
Код бизнес-классификации 9213: Демонстрация кинофильмов.

Кроме того, определение «Интенсивность» также, и на самом деле, в первую очередь, рассчитывает занятость в ряде творческих профессий. «Интенсивность» занятости в любой конкретной подотрасли промышленности – это просто доля творческой рабочей силы, если определять ее таким образом. Творческие отрасли определяются как отрасли, в которых эта интенсивность особенно высока – как правило, более 30%, что в 12 раз выше, чем в нетворческих отраслях.

Определив таким образом творческие профессии и творческие отрасли, мы можем составить краткую «карту» производственного потенциала творческой рабочей силы, которую, как уже упоминалось, исследователи в этой области [Higgs, Cunningham, 2008] обозначают как «трезубец». В первом ряду показана численность всей рабочей силы, занятой в творческом производстве, и распределение занятых в творчестве работников внутри этой сферы. Во втором ряду показан размер нетворческих отраслей, которые также являются работодателями некоторых творческих профессий, и вновь приведено распределение работников, занятых творческими и нетворческими профессиями в этих отраслях.

Таблица 2
Занятость в креативной экономике

	Профессия			Интенсивность (творческая занятость/ общая занятость в отрасли)
	Творческие профессии	Другие профессии	Всего в данной отрасли	
Творческие профессии	476 800	420 500	897 300	53%
Другие профессии	600 900	27 622 800	28 223 700	2%
Всего в данной отрасли	1 077 700	28 043 300	29 121 000	4%

Источник: Creative Industries Economic Estimates Full Statistical Release, 8 Dec. 2011, P. 28.

Что же именно такое творческий труд?

Творческий труд в данном случае – это ресурс, не отрасль разделения труда, а совокупность группы специализированных профессий. Его следует отличать от творческой индус-

¹ См., напр.: DCMS. *Creative Industries Mapping Document 1998*. URL: webarchive.nationalarchives.gov.uk/+http://www.culture.gov.uk/reference_library/publications/4740.aspx; DCMS. *Creative Industries Mapping Document 2001*. URL: gov.uk/government/publications/creative-industries-mapping-documents-2001; Bakhshi H., Davies J., Freeman A. *The Geography of the UK's Creative and High-tech Economies*. London: Nesta.Belfiore, 2015; Bakhshi H., Freeman A., Higgs P. *A Dynamic Mapping of the Creative Industries in the UK*. London: NESTA, 2013. URL: https://www.academia.edu/5538116/A_Dynamic_Mapping_of_the_UKs_Creative_Industries

трии, которая представляет собой отрасль разделения труда, интенсивно использующую творческий труд. Как определить творческую профессию? Приведенный анализ показывает, что ее следует отличать по *немеханическому*, то есть неповторяющемуся характеру.

Современная дискуссия о механической и повторяющейся деятельности на самом деле довольно стара – она берет начало от Тьюринга и его знаменитого «теста», – но в последнее время особенно оживилась в связи с появлением в массовом сознании искусственного интеллекта (ИИ). На самом деле к 1970-м годам работа над ним уже шла полным ходом (см., например, Amarel, 1966; Hofstadter, 1986), а, в 1968 году я уже работал с подразделением Дональда Мичи по искусственному интеллекту в Единбургском университете.

Причина в том, что вычисления сами по себе являются механическим процессом. Они просто переносят достижения механической эпохи из мира физического в мир электронный. Симулякр интеллекта достигается, по сути, за счет ускорения повторения до такой степени, что становится возможным, по сути, *имитировать* мыслительные процессы человеческого рассуждения, которые носят иной, неповторяющийся характер и которые я называю «предикативными» в отличие от алгоритмических методов компьютера.

Это различие лежит в основе нашего определения творческой профессии, которое конкретизируется в «сетке» характеристик творческих профессий Питера Хигга. Эта «сетка» не является неизменной, и часть нашего исследования должна состоять в том, чтобы пересмотреть ее в свете современных ресурсов, которые становятся доступными, включая подробные статистические и качественные отчеты о характере современного труда. Однако наша цель – дать *сравнительную* характеристику умственного производственного потенциала репрезентативной группы стран, поэтому важно, чтобы любое определение, которое будет принято, применялось универсально.

Креативная сетка

Инновационный процесс	Решает ли эта роль чаще всего проблему или достигает цели, даже поставленной другими, новыми способами? Даже если существует четко определенный процесс, позволяющий реализовать решение, проявляется ли творчество на многих этапах этого процесса?
Устойчивость к механизации	Сам факт того, что определяющей чертой творческих индустрий является использование специализированной рабочей силы, говорит о том, что творческая рабочая сила явно вносит свой вклад, для которого нет механической замены
Неповторяемость или неравномерность функционирования	Меняется ли трансформация, которую производит профессия, каждый раз, когда она создается, из-за взаимодействия факторов, навыков, творческого порыва и обучения?
Творческий вклад в цепочку создания стоимости	Является ли результат профессиональной деятельности новым или творческим независимо от контекста, в котором он производится; одним из таких контекстов является отрасль (и ее стандартная классификация) организационной единицы, в которой находится или используется данная роль? Например, музыкант, работающий на круизном лайнере (транспортная отрасль), все равно является творческим работником, в то время как печатник, работающий в банке, скорее всего, обслуживает печатную технику и, следовательно, будет считаться механистом, а не творческим работником
Интерпретация, а не просто трансформация	Делает ли роль что-то большее, чем просто «перемещает» форму, место или время услуги или продуктов трудовой деятельности? Например, чертежник/пользователь САПР берет у архитектора серию двухмерных чертежей и создает на их основе трехмерную модель здания. Несмотря на большое мастерство и определенную степень творческого подхода, основная часть нового продукта, возможно, создается архитектором, а не чертежником

Результаты творчества: кто покупает креативные продукты и почему?

«Ты, Дымов, умный, благородный человек», – говорила она, – но у тебя есть один очень важный недостаток. Ты совсем не интересуешься искусством... Это ужасно!»

«Почему же? Твои знакомые не знают естественных наук и медицины, однако же ты не ставишь им этого в упрек. Я не понимаю пейзажей и опер, но думаю так: если одни умные люди посвящают им всю свою жизнь, а другие умные люди платят за них громадные деньги, то, значит, они нужны. Я не понимаю, но не понимать не значит отрицать».

А.П. Чехов «Попрыгунья», 1891

Симулятивные блага

Здесь мы не можем обойтись без размышлений над важным вопросом: каков результат творческого производства? Более подробно мы рассматривали его в другом материале (см.: Freeman, 2014), но и здесь уместны некоторые короткие пояснения.

Мы можем подойти к этому вопросу, рассмотрев так называемую «закон Баумоля», который, как говорят, показывает, что производительность в сфере услуг не может быть увеличена, поскольку количество услуги не может быть изменено в силу самой природы сферы услуг. Баумоль, выдвигающий этот тезис в защиту общественной поддержки искусства, приводит пример оркестра. Он может играть только определенное музыкальное произведение в определенном темпе, заданном композитором и дирижером. Поэтому кажется бессмысленным повышать производительность оркестра, заставляя его играть больше композиций или играть их быстрее.

Я называю это «заблуждением Баумоля», а не «законом Баумоля», поскольку этот тезис ложен по двум причинам: во-первых, мера предоставления любой услуги равна количеству людей, которые ее получают, а не объему производства производителей; во-вторых, мера услуги не зависит от того, кто ее производит и насколько хорошо они это делают. Ее качество, в некотором смысле определяемое сочетанием эмпирических исследований, теоретических уточнений и, по сути, социального регулирования стандартов, также должно приниматься во внимание.

Оба этих момента проливают свет на важный вопрос «какова природа ментального продукта?», поскольку они подчеркивают тот факт, что «количество» любого нематериального продукта не заключается только в его физических свойствах. То есть требуется фундаментальный пересмотр способов мышления, заимствованных из механического века.

Возьмем сначала самое простое – даже если мы предположим, что услуга, предоставляемая оркестром, является единообразной (т.е. не зависит от оркестра и того, насколько хорошо он исполняет произведение), ее продуктивность очевидно выше, если она охватывает большее число людей. И, действительно, это причина перехода от камерной музыки, исполняемой, как следует из названия, для небольшой компании слушателей, к выступлениям симфонических оркестров на крупных специализированных площадках.

Но как только мы принимаем эту точку зрения, мы видим, что любая мера, увеличивающая количество слушателей, увеличивает продуктивность оркестра. Самым ранним таким достижением была грампластинка, за которой последовало радиовещание. Это, в свою очередь, повысило производительность оркестров просто за счет увеличения размера аудитории, поскольку электронное воспроизведение превратилось в массовую индустрию, а радио, а затем и телевидение становились все более дешевыми и доступными.

С наступлением эпохи цифровых технологий все это одно за другим было включено в современную всемирную сеть, которая способна транслировать живые выступления по всему миру в дома, кинотеатры и другие места, где визуальный эффект от выступления как минимум не уступает оригиналу, а в некоторых случаях даже лучше.

Это подводит нас к следующему. Критически настроенный читатель заметит или даже энергично выскажется, что нельзя сравнивать ощущения от высококачественного оркестрового исполнения с ощущениями от прослушивания царапанной виниловой пластинки, или что живое исполнение – это совершенно иной и более «качественный» опыт, чем запись или трансляция. Но как только это будет сказано и с радостью принято, стоит признать, что не все оркестровые впечатления одинаковы – именно поэтому некоторые оркестры более востребованы, чем другие – в общем и целом потому, что они играют *лучше*.

Другими словами, потребительная стоимость оркестрового исполнения *не* одинакова для всех оркестров и всех типов исполнения. Таким образом, оркестр действительно может «повысить свою продуктивность», не играя музыку *больше* или *быстрее*. Он может получить лучшую площадку для выступлений с превосходным качеством звука. Он может нанять лучших музыкантов. Он может больше *практиковаться*, что является недооцененным средством повышения продуктивности, которое, тем не менее, имеет основополагающее значение для жизни любого музыканта или группы музыкантов. Наконец, он может получить контракты на запись с признанными лейблами, получить высокооплачиваемые контракты на вещание или просто выпустить музыкальные произведения в Интернет.

Одним словом, «закон Баумоля» – это заблуждение. Его утверждение не согласуется с фактами, основанными на ошибочной аналогии между материальным производством и производством услуг. Именно по этой причине необходима *специфическая* теория *потребительной стоимости услуг*, которая, что особенно важно, учитывает различия в качестве потребляемого.

Однако, это может дать право любому продавцу устанавливать произвольную стоимость услуги, определяемую путем поиска небольшой группы богатых потребителей, которые заплатят столько, сколько выдержит рынок, и это настоящая проблема. Данный вопрос поднимается, в частности, в понятии «симулятивного блага», на него справедливо ссылаются в своих работах профессор Бодрунов и профессор Бузгалин, и оно занимает центральное место в критике традиционной экономики, ответом на которую является ноономика.

При этом негативная критика того, что что-то не так, не является достаточным основанием для установления того, что правильно. Если что-то в теории неверно, задача ученого в том, чтобы предложить что-то лучшее, основываясь, прежде всего, на наблюдении фактов и на теории, объясняющей факты. Так, профессор Бузгалин приводит пример сумки Gucci стоимостью 5 000 долларов. Однако он не указывает, за какую цену на самом деле она *должна быть* продана – в сегодняшнем обществе или обществе ноономики будущего, или (если это другое) социалистическом обществе будущего.

Нынешний машинократический ответ заключается в том, что все сумки одинаковы. Между ними нет объективной разницы – все они являются просто реализациями социального *рода* «вместилища вещей». Таким образом, если цена сумки Gucci отличается от цены мешка, то это просто отражение некоего оруэлловского принципа, согласно которому «все сумки равны, но некоторые равнее других».

Ответ, который мог бы дать расширенный ноономический аудит в том, что стоимость сумки, как и стоимость любого другого произведенного товара, определяется общественно необходимым рабочим временем для ее производства. В этом случае нам придется исследовать не только род занятий и местонахождение творческих работников, но и цепочку создания стоимости, ведущую от их работы к конечному продукту. Это вовсе не нереально, ведь правильная система учета труда фактически является дальнейшим необходимым требованием ноономической системы управления. Однако это далеко выходит за рамки настоящего предложения.

Более того, оно в некоторой степени помогает справиться с проблемой, но не решает ее, поскольку содержит фразу «общественно необходимый». В действительности производство сумки Gucci требует реального труда – труда создателей сумки, ее художников, команды дизайнеров Gucci, значительного труда по продвижению бренда и маркетингу и т.д. Это настоящий труд, а не фальшивый. Его выполняют реальные люди, которые тратят на это часы работы. И им за это платят. Это не какой-то жульнический прием, в котором компания держит в платежных ведомостях гоголевских мертвых душ, и делает вид, что нанимает их и платит им, прежде чем представить обществу счет, дополненный фиктивными издержками.

Можно, конечно, утверждать, что эти реальные затраты не являются необходимыми, и что Gucci следует запретить нанимать этих работников, а покупателям следует запретить получать товары, помещать в них вещи или выставлять их напоказ публично. Но это моральное определение, а не определение, вытекающее из реальности производственных отношений в реально существующем капиталистическом обществе. По определению Маркса, труд дизайнеров Gucci общественно необходим, поскольку общество использует его. Определение Маркса, как и определение Дымова у Чехова в цитате к данному разделу, строго ограничивается выяснением того, действительно ли общество использует соответствующий труд, и не содержит никакого элемента морального одобрения.

Иногда это высокооплачиваемый труд, а, по большому счету, труд в индустрии моды [Freeman, 2011], к которой принадлежит Gucci, оплачивается не лучше, чем любой другой, а иногда, за исключением небольшого числа высокооплачиваемых специалистов, намного хуже. Gucci не взимает монопольную цену или ресурсную ренту, как это делают, например, нефтяная промышленность и многие пищевые отрасли, когда товаров не хватает. Но мы не называем эти высокие цены симулятивными благами. Мы называем их монопольной рентой.

Тогда может быть Gucci поддерживает высокую цену, ограничивая поставки своего товара? В некоторой степени это правда, поскольку бренд служит созданию ценности в условиях дефицита. Но и это не решает проблему, поскольку приводит к выводу, что каждый продавец художественных репродукций, ограничивающий их количество путем создания востребованного «специального издания», является монополистом, создающим симулятивное благо, и что только настоящие производители художественной ценности – те, кто создает неограниченное количество каждого предмета, который они выпускают на рынок.

Таким образом, суть аргумента в том, что труд армии дизайнеров и маркетологов Gucci не является в каком-то смысле «общественно необходимым». Прекрасно, но кто и как должен определять, что необходимо? Один из ответов – «государство». Это, мягко говоря, проблематично. Более сложный ответ – это «делегированные ассоциированные органы

производителей», такие как Союз советских писателей или Ассоциация художников в Великобритании, прекрасная организация, которой уделяется недостаточно внимания. Интересно, что решение, предложенное Лениным в ответ на стоимость рекламы, заключалось в предоставлении государственного финансирования вместо рыночного распределения, так что газете или журналу с определенным количеством читателей, скажем, 500, будет выделяться 10 000 долларов в год, в то время как тот, у кого более высокий тираж, скажем, 50 000, получит больше, но не пропорционально – скажем, 50 000 долларов в год.

Третье решение, предложенное искусствоведам Джоном Рёскином, – это оценивать труд художников пропорционально их художественным достоинствам, т.е. относиться к нему, в терминах, определенных Рикардо и Марксом, как «более сложный» труд и, следовательно, производительный с большей ценностью. Обратите внимание, что это предложение не по определению заработной платы художника, а по определению стоимости его произведения. Это приводит, например, к выводу, что, если художника нанимает капиталистический предприниматель, то он имеет социальное право на более высокую прибыль, чем его конкуренты. Безусловно, такой социально мыслящий предприниматель тогда платил бы художнику больше, и даже капиталистически мыслящий мог бы делать то же самое, хотя эмпирические исследования индустрии моды и искусства показывают, что это не так – главным образом потому, что предложение творческой рабочей силы в настоящее время значительно превышает спрос на него, который ограничен постоянной тенденцией капитализма ограничивать право общества наслаждаться прекрасным и потреблять творческие и культурные продукты.

Задача ноономики в том, чтобы систематически повышать права потребителей на диверсификацию *доступа к плодам творческого труда* – ассортименту художественных и дизайнерских нематериальных продуктов, которыми они наслаждаются. Следует ли тогда делать это с помощью *ограничения* диапазона того, что «мы» (кем бы «мы» ни были – государство, какие-то круги интеллигенции или ассоциации производителей и потребителей) считаем общественно необходимым?

Проблема здесь в том, что любое регулирование, в большей или меньшей степени, состоит не просто в разрешении того, что считается хорошим, но и в запрете того, что считается плохим. Любое предложение об отмене «симулятивных благ» подразумевает, что мы лишим покупателей дорогих сумок Gucci права их покупать, а также лишим армию дизайнеров Gucci права создавать их. Кто будет это делать? Как? На каких принципах эта новая и, по всей вероятности, самопровозглашенная интеллигенция будет диктовать населению, чем оно имеет право наслаждаться, а его художникам, что они имеют право создавать?

Ответ, который предлагается, является стандартным ответом науки: мы должны сначала определить факты, а затем построить теорию, которая их объясняет. *Почему* потребители платят 5 000 долларов за сумку или, если уж на то пошло, 500 долларов за билет на выступление известного оркестра – не говоря уже о 5 млн долларов за скульптуру Дэмиена Херста, которая представляет собой не более чем набор безделушек с приложенным сертификатом подлинности художника?

Ответ: потому что общество является классовым. Именно существование классов, прежде всего классов с большими различиями в богатстве и покупательной способности, приводит к, казалось бы, грабительским ценам на мишуру и безделушки. Действительно, любая

попытка решить проблему путем регулирования того, что является художественно приемлемым, без решения коренной проблемы социального неравенства, обречена на провал, поскольку на самом деле приведет к *повышению* цен на элитную продукцию, создавая черные рынки в форме одержимости джинсами западного производства, которая преобладала на поздних стадиях советского общества. Это мигрирует в другие сферы, такие как спрос на роскошные туристические курорты, дорогое жилье, яхты и все, что мы сегодня ассоциируем с мафиозной культурой. Это не исчезнет до тех пор, пока классовое неравенство не будет уничтожено мерами, регулирующими доходы и богатство, или не исчезнет с помощью мер, которые приведут огромную массу населения к стандартам, доступным до сих пор лишь ограниченной части общества.

Сумки Gucci продаются за 5 000 долларов, потому что в обществе есть привилегированные элиты, которые за них платят. В таком случае возникает вопрос: «Почему они за них платят?» Очень краткое объяснение, которое было дано в других работах, заключается в том, что это происходит потому, что они несут в себе *отличие* – концепцию, тщательно разработанную Бурдьё [Bourdieu, 1979] и другими.

Ценность творческих продуктов состоит в том, что они *отличаются друг от друга*. Генри Форд однажды сформулировал машинократический принцип: «Цвет автомобиля может быть любым, если он черный». Чем больше развивается технология, включающая творческий труд дизайнеров в свою продукцию, тем менее приемлемым становится этот принцип и тем больше она позволяет потребителям выбирать из множества продуктов. На чем основан этот выбор? На разрушении единообразия. Потребители сумок больше не сводятся к пользователям мешков из рогожи, простых предметов, используемых для переноски других предметов. Причем сумки различаются не только по функциональности (большие, маленькие, много карманов, разные ремни и ручки и т.д.), но и по *внешнему виду* – цвету, рисунку, контурам и т.д. Тем самым они расширяют возможности людей к разнообразию опыта, что является обратной стороной творческой дифференциации разновидностей творческого производства.

Поэтому потребность в *разнообразии опыта, возникающая в результате расширения творческих способностей*, которую я называю «горизонтальным различием», абсолютно здорова и состоит лишь в самореализации людей, которые наслаждаются таким опытом. Я бы сказал, что это должно быть главной целью ноономики.

Но в классовых обществах, прежде всего в тех, которые содержат значительный, но ограниченный слой поднимающегося по социальной лестнице среднего класса, возникает другой тип различия, который я называю «вертикальным различием». Он возникает из-за необходимости стремящихся к богатству людей *продемонстрировать свое превосходство, чтобы получить доступ к средствам реального обогащения*. Иерархическая социальная дифференциация просачивается из каждой поры моделей потребления среднего класса: они живут в «хороших местах», отправляют детей в «хорошие школы», наслаждаются «превосходным искусством», читают «качественные газеты» (что означает «социально-признанная чушь» вместо «социально порочащей чепухи»), носят одежду, демонстрирующую «превосходный вкус» и т.д., и т.п. Сумка Gucci – лишь верхушка этого огромного айсберга, состоящего из множества кристаллизованных «маленьких объектов желания», по выражению Бунюэля, каждый из которых, если дать ему правильное название, является *показателем социального статуса*.

Заключение

Объектом исследований, большая часть которых уже проводится и слишком обширна, чтобы их можно было суммировать, должно быть выявление неблагоприятных последствий не только *использования* «симулятивных благ», но и отсутствия действительно лучших альтернатив. Решение проблемы завышенной цены, назначенной на дорогостоящие продукты, в которых дизайнерский или творческий вклад не широко доступен, состоит в том, чтобы сделать такие продукты широкодоступными, то есть сделать творческий, дизайнерский труд неотъемлемой и признанной частью всего производства. Это возвращает нас к фундаментальному требованию ноономической системы управления рабочей силой – массовому расширению творчества и трансформации творческого потенциала, который в настоящее время скрыт в большей части человеческого производства, в универсальное право человека путем преобразования характера производства.

Список литературы

- Бодрунов С.Д. (2018). От ЗОО к НОО: человек, общество и производство в условиях новой технологической революции // Вопросы философии. №7. С. 109-118. DOI: 10.31857/S004287440000232-0
- Бузгалин А.В. (2017a). Креативная экономика: почему и как может быть ограничена частная интеллектуальная собственность // Социологические исследования. №8. С. 20-30. DOI: 10.7868/S0132162517080037.
- Бузгалин А.В. (2017b). Креативная экономика: частная интеллектуальная собственность или собственность каждого на все? // Социологические исследования. № 7. С. 43-53. DOI: 10.7868/S0132162517070054
- Фриман А. (2021). Ментальные объекты как производительная сила: к критике ноономики ноономики / А(О)нтология ноономики: четвертая технологическая революция и ее экономические, социальные и гуманитарные последствия; под общ. ред. С.Д. Бодрунова. СПб: ИНИР. С. 207-265.
- Amarel S. (1996). On the mechanization of creative processes. Reprinted from IEEE Spectrum April. URL: <https://stacks.stanford.edu/file/druid:zv585py2131/zv585py2131.pdf>
- Bakhshi H., Davies J., Freeman A. (2015). The Geography of the UK's Creative and High-tech Economies. London: Nesta.Belfiore.
- Bakhshi H., Freeman A., Higgs P. (2013). A Dynamic Mapping of the Creative Industries in the UK. London: NESTA. URL: https://www.academia.edu/5538116/A_Dynamic_Mapping_of_the_UKs_Creative_Industries.
- Bell D. (1976). The Coming of Post-Industrial Society. Basic Books.
- Bennet E., Belfiore O. (2008). The Social Impact of the Arts. Palgrave MacMillan.
- Bodrunov S. (2023). Noonomy: The Trajectory of Global Transformation. New York: Academic Studies Press.
- Bourdieu P. (1979). Distinction: A Social Critique of the Judgement of Taste (La Distinction: Critique sociale du jugement).
- Buzgalin A.V., Kolganov A.I. (2016). Critical political economy: the 'market-centric' model of economic theory must remain in the past-notes of the Post-Soviet School of Critical Marxism// Cambridge Journal of Economics. Vol. 40. No. 2. Pp. 575-598.

- Buzgalin A.V., Kolganov A.I. (2013). The Anatomy of Twenty-First Century Exploitation: From Traditional Extraction of Surplus Value to Exploitation of Creative Activity // *Science and Society*. Vol. 77. No. 4. Pp. 486-511.
- Carlyle T. (1829). Signs of the Times [The Mechanical Age]. *Edinburgh Review*. Vol. xlix. 439 p.
- Cheng E., Wang G., Zhu Kui. (2019). *The Creation of Value by Living Labour: A Normative and Empirical Study*. Vol. 2. New York and Beijing: Canut Press.
- Darnall T. (1994). *Artificial Intelligence and Creativity*. Springer-Science+Business Media.
- Elliott L., Atkinson D. (2007). *Fantasy Island: Waking up to the Incredible Economic, Political and Social Illusions of the Blair Legacy*. London: Constable.
- Freeman A. (2014). Twilight of the machinocrats: Creative industries, design, and the new future of human labour. In: Van Der Pijl K. (2014). *The International Political Economy of Production*. Handbooks of Research on International Political Economy series. Benjamin J. Cohen (University of California, Santa Barbara) and Matthew Watson (University of Warwick). eds. Cheltenham: Edward Elgar.
- Freeman A. (2011). *The Value of Fashion*. Printed report. British Fashion Council.
- Freeman A. (2002). *Creativity: London's Core Business*. London: GLA. URL: ideas.repec.org/p/pra/mprapa/52548.html
- Higgs P., Cunningham S. (2008). Creative Industries Mapping: Where have we come from and where are we going? // *Creative Industries Journal*. Vol. 1. Iss. 1. URL: https://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1386/cij.1.1.7_1
- Higgs P., Cunningham S. (2008). Creative Industries Mapping: Where have we come from and where are we going? *Creative Industries Journal*. Vol. 1. Iss. 1. URL: https://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1386/cij.1.1.7_1
- Hofstadter D.R. (1986). On the seeming paradox of mechanizing creativity. *Metamagical Themas*. London: Penguin. Chapter 23. Pp. 525-546.
- Kuznets S. (1966). *Economic Growth of Nations: Total Output and Production Structure*. Cambridge: Belknap Press of Harvard University Press.
- Kuznets S. (1965a). *Economic Growth and Structure: Selected Essays*. New York: Norton.
- Kuznets S. (1965b). *Modern Economic Growth: Rate, Structure, and Spread*. New Haven: Yale University Press.
- Tusa J. (2014). *Pain in the Arts*. I.B. Tauris.
- Vernadsky W. (1945). The Biosphere and the Noosphere // *American Scientist*. Vol. 33 No 1. Pp. 1-12. URL: https://monoskop.org/images/5/59/Vernadsky_WI_1945_The_Biosphere_and_the_Noosphere.pdf

References

- Bodrunov S.D. (2018). From ZOO to NOO: Man, Society and Production in the Conditions of a New Technological Revolution. *Voprosy Filosofii* [The Questions of Philosophy]. Vol. 7. Pp. 109-118. DOI: 10.31857/S004287440000232-0 (In Russ.)
- Buzgalin A.V. (2017a). Reative Economy: Why and How Private Intellectual Property Can Be Limited. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No 8. C. 20-30. DOI: 10.7868/S0132162517080037. (In Russ.)
- Buzgalin A.V. (2017b). Creative Economy: Private Intellectual Property or Ownership by Everybody of Everything? *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No 7. C. 43-53. DOI: 10.7868/S0132162517070054 (In Russ.)

- Friman A. (2021). Mental Objects as a Productive Force: Towards a Critique of Noonomics. In: *A(O)ntologiya noonomiki: chetvertaya tekhnologicheskaya revolyuciya i ee ekonomicheskije, social'nye i gumanitarnye posledstviya*. St. Petersburg: INID Publ. Pp. 207-265. (In Russ.)
- Amarel S. (1996). On the mechanization of creative processes. Reprinted from IEEE Spectrum April. URL: <https://stacks.stanford.edu/file/druid:zv585py2131/zv585py2131.pdf>
- Bakhshi H., Freeman A., Higgs P. (2013). *A Dynamic Mapping of the Creative Industries in the UK*. London: NESTA. URL: https://www.academia.edu/5538116/A_Dynamic_Mapping_of_the_UKs_Creative_Industries.
- Bakhshi H., Davies J., Freeman A. (2015). *The Geography of the UK's Creative and High-tech Economies*. London: Nesta.Belfiore.
- Bell D. (1976). *The Coming of Post-Industrial Society*. Basic Books.
- Bennet E., Belfiore O. (2008). *The Social Impact of the Arts*. Palgrave MacMillan.
- Bodrunov S. (2023). *Noonomy: The Trajectory of Global Transformation*. New York: Academic Studies Press.
- Bourdieu P. (1979). *Distinction: A Social Critique of the Judgement of Taste (La Distinction: Critique sociale du jugement)*.
- Buzgalin A.V., Kolganov A.I. (2016). Critical political economy: the 'market-centric' model of economic theory must remain in the past-notes of the Post-Soviet School of Critical Marxism. *Cambridge Journal of Economics*. Vol. 40. No. 2. Pp. 575-598.
- Buzgalin A.V., Kolganov A.I. (2013). The Anatomy of Twenty-First Century Exploitation: From Traditional Extraction of Surplus Value to Exploitation of Creative Activity. *Science and Society*. Vol. 77. No. 4. Pp. 486-511.
- Carlyle T. (1829). *Signs of the Times [The Mechanical Age]*. Edinburgh Review. Vol. xlix. 439 p.
- Cheng E., Wang G., Zhu Kui. (2019). *The Creation of Value by Living Labour: A Normative and Empirical Study*. Vol. 2. New York and Beijing: Canut Press.
- Darnall T. (1994). *Artificial Intelligence and Creativity*. Springer-Science+Business Media.
- Elliott L., Atkinson D. (2007). *Fantasy Island: Waking up to the Incredible Economic, Political and Social Illusions of the Blair Legacy*. London: Constable.
- Freeman A. (2014). Twilight of the machinocrats: Creative industries, design, and the new future of human labour. In: Van Der Pijl K. *The International Political Economy of Production. Handbooks of Research on International Political Economy series*. Benjamin J. Cohen (University of California, Santa Barbara) and Matthew Watson (University of Warwick). eds. Cheltenham: Edward Elgar.
- Freeman A. (2011). *The Value of Fashion. Printed report*. British Fashion Council.
- Freeman A. (2002). *Creativity: London's Core Business*. London: GLA. URL: ideas.repec.org/p/pramprapa/52548.html
- Higgs P., Cunningham S. (2008). Creative Industries Mapping: Where have we come from and where are we going? *Creative Industries Journal*. Vol. 1. Iss. 1. URL: https://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1386/cij.1.1.7_1
- Hofstadter D.R. (1986). On the seeming paradox of mechanizing creativity. *Metamagical Themas*. London: Penguin. Chapter 23. Pp. 525-546.
- Kuznets S. (1966). *Economic Growth of Nations: Total Output and Production Structure*. Cambridge: Belknap Press of Harvard University Press.
- Kuznets S. (1965a). *Economic Growth and Structure: Selected Essays*. New York: Norton.

Kuznets S. (1965b). *Modern Economic Growth: Rate, Structure, and Spread*. New Haven: Yale University Press.

Tusa J. (2014). *Pain in the Arts*. I.B. Tauris.

Vernadsky W. (1945). The Biosphere and the Noösphere. *American Scientist*. Vol. 33 No 1. Pp. 1-12.
URL: https://monoskop.org/images/5/59/Vernadsky_WI_1945_The_Biosphere_and_the_Noosphere.pdf

Информация об авторе

Фриман Алан

Директор Исследовательской группы проблем геополитэкономии Университета Манитобы (66 Chancellors Cir, Виннипег, MB R3T 2N2, Канада)

E-mail: Alan.Freeman@umanitoba.ca

Information about the author

Alan Freeman

Director of the Geopolitical Economy Research Group, University of Manitoba (66 Chancellors Cir, Winnipeg, MB R3T 2N2, Canada).

E-mail: Alan.Freeman@umanitoba.ca

Десаи Р.

DOI: 10.37930/2782-618X-2023-2-4-60-68

Р. Десаи

Университет Манитобы (Виннипег, Канада)

ГЕОПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИКА ТЕКУЩЕГО КРИЗИСА: ПОТЕНЦИАЛ НООНОМИКИ¹

Аннотация: исследуется концепция международных отношений капиталистического мира, показывающая, что вопреки широко распространенной тенденции воспринимать Маркса как теоретика «глобализации», он на самом деле серьезно относился к существованию национальных государств и национальных экономик, считая, что взаимоотношения между ними возникают из противоречий капиталистической системы. Определяются общие для феноменов «ноономика» и «геополитическая экономика» признаки, концептуально сближающие их с историческим материализмом Маркса.

Ключевые слова: ноономика, геополитическая экономика, марксизм, кризис мировой экономической системы, противоречия капитала, международные отношения, творческое начало, социализация.

Для цитирования: Десаи Р. (2023). Геополитическая экономика текущего кризиса: потенциал ноономики // Ноономика и ноообщество. Альманах трудов ИНИР им. С.Ю. Витте. Т. 2, № 4, С. 60–68. DOI: 10.37930/2782-618X-2023-2-4-60-68

Radhika Desai

University of Manitoba (Winnipeg, Canada)

THE GEOPOLITICAL ECONOMY OF THE CURRENT CRISIS: POTENTIAL OF NOONOMY

Abstract: The paper explores the concept of international relations of the capitalist world. The results show that contrary to the widespread tendency to perceive Marx as a theorist of “globalization,” he in fact took the existence of national states and national economies seriously, believing that the relationships between them arise from the contradictions of the capitalist system. The features common to the phenomena of “noonomy” and “geopolitical economy” are identified, conceptually bringing them closer to the historical materialism of Marx.

Keywords: noonomy, geopolitical economy, marxism, crisis of the world economic system, contradictions of capital, international relations, creativity, socialization.

¹ Статья подготовлена по материалам доклада на 35-сессии международного теоретического семинара ИНИР им. С.Ю. Витте «Глобальные трансформации XXI века: будущее человека, рынка и капитала» (29 августа – 01 сентября 2023 г.) Бодрум, Турция.

For citation: Desai R. (2023). The Geopolitical Economy of the Current Crisis: Potential of Noonomy. *Noonomy and Noosociety. Almanac of Scientific Works of the S.Y. Witte INID*, Vol. 2, No. 4, pp. 60–68. DOI: 10.37930/2782-618X-2023-2-4-60-68

拉迪卡·德赛

马尼托巴大学(加拿大, 温尼伯)

当前危机中的地缘政治经济与智慧经济的作用

摘要: 本文探讨了一种关于资本主义世界国际关系的观点, 这种观点反对将马克思视为 "全球化" 理论家这种普遍看法, 而是认为实际上马克思严肃对待民族国家和民族经济的存在, 认为它们之间的关系跟源于资本主义制度的矛盾。本文指出了 "智慧经济" 和 "地缘政治经济" 现象的共同特征, 这些特征使它们在总体上更接近于马克思的历史唯物主义理论。

关键词: 智慧经济、地缘政治经济、马克思主义、世界经济体系危机、资本矛盾、国际关系、创造性、社会化。

引用注释: 拉迪卡·德赛(2023). 当前危机中的地缘政治经济与智慧经济的作用//智慧经济与智慧社会. 维捷新兴工业发展研究所论文选. Vol. 2, No. 4, pp. 60–68. DOI: 10.37930/2782-618X-2023-2-4-60-68

Сегодня я хочу порассуждать о том, как геополитическая экономика капитализма, по сути, его противоречивая динамика на международном уровне «отношений производящих наций» (говоря словами Маркса), в настоящее время накапливает исторические силы для продвижения к ноономике. Но для начала давайте определимся с терминами.

Я рассматриваю ноономику, разработанную в работах Сергея Бодрунова [Bodrunov, 2018; Bodrunov, 2023] и в последнее время привлекающую внимание множества авторов¹, как теорию о реконструкции общества для реализации потенциала развития человечества, развития как производительных сил, так и самого человека, причем в гармонии с природой и обществом. Понимание развития производительных сил в ноономике близко к их понимаю в рамках марксистского учения. Взяв пример со Смита, Маркс тоже считал, что разделение труда или то, что он предпочитал называть «социализацией труда», лежит в основе роста общественного производительного потенциала [Marx, 1867]. Чтобы эти потенциалы развивались в полной мере и продолжали развиваться в будущем, необходимо организовать общество таким образом, чтобы полностью высвободилось социальное творческое начало человека и обеспечивалась непрерывность его течения. Хотя Маркс верил, что капитализм разовьет эти силы до значительной, более того, исторически беспрецедентной степени, он также полагал, что в конечном итоге это станет препятствием для их дальнейшего развития. А чтобы продолжить развитие, человечеству придется

¹ Anthology of Noonomy: Fourth Technological Revolution and Its Economic, Social and Humanitarian Consequences: Technology and Socio-Economic Progress: Traps and Opportunities for the Future / edited by S.D.Bodrunov. – Leiden; Boston: Brill, 2022. – 225 p.

перейти от капитализма к новой общественной форме – социализму, который позволит человеческому производственному потенциалу совершенствоваться и дальше. Разделяя это понимание, ноономика, как и марксизм, в своей основе стремится к реорганизации общества.

Геополитическая экономия – это мой термин для собственно историко-материалистического анализа международных отношений, который может успешно охватить эволюцию капиталистического мирового порядка вплоть до современной эпохи многополярности [Desai 2013]. Это означает, что в основе капитализма лежит понимаемая Марксом противоречивость производства ценности. Как классовая борьба – между классом капиталистов и рабочим классом, между капиталистами и их фракциями – возникает из-за противоречий капитализма, будь то недостаток спроса, тенденция к снижению нормы прибыли или любая из многих других сфер, в которых капитализм порождает противоречия, будь то межклассовые или внутриклассовые [Desai, 2021], так и борьба между нациями также возникает из-за тех же противоречий.

Эта борьба может принимать форму конкуренции между крупными капиталистическими странами за рынки, технологии или за «экономическую территорию». Или форму противодействия между империалистическими странами и странами, сопротивляющимися имперскому господству. Господствующие капиталистические страны пытаются разрешить противоречия капитализма, частично прибегая к империализму за рубежом, и часто им удается подчинить многие другие государства, тем самым лишая их возможности развития.

Но есть страны, которые сопротивляются такому империализму. Суть этого сопротивления – ни что иное, как стремление к развитию, в котором империализм отказывает подчиненным ему странам. Хотя антиимпериалистическое сопротивление часто требовало войн и революций, чтобы обеспечить предварительные условия – национальную независимость и политическую автономию – для стремления к развитию, это стремление остается сутью антиимпериализма: автономное социальное или национальное развитие. Эта историческая тенденция к многополярности является главным аналитическим результатом геополитической экономики, а историческое стремление к развитию, на котором она основана, главной заботой ноономики [Bodrunov, Desai, Freeman, 2022].

Ноономика и геополитическая экономика находятся под глубоким влиянием марксизма, а также опираются на многие другие похожие взгляды. С самого начала важно отметить еще два момента. Во-первых, геополитическая экономика помещает в одну историческую рамку и нации, и классы как ключевых агентов истории. Капитализм нельзя понять только через классовую борьбу, международная борьба была и остается не менее важной для определения его исторического курса.

Во-вторых, если борьба классов и наций берет свое начало в одних и тех же противоречиях капитализма, то и исторический конец, к которому они стремятся, тоже один и тот же – реорганизация общества таким образом, чтобы освободить его членов для совместного развития сил производства в согласии с природой, без ограничений. Эта цель объединяет ноономику, геополитическую экономику и исторический материализм Маркса. Это осознание также позволяет нам понять, почему социализм впервые возник за пределами родины капитализма, приняв форму национальных проектов развития. Остановимся на этом вопросе подробно.

Текущий кризис

Кризис, в котором мы находимся сегодня, многогранен. Для многих он вслед за американским историком А.Дж. Майером напоминает т.н. «тридцатилетний кризис» между 1914 и 1945 годами. Для него это был не период сменяющихся друг друга кризисов – Первая мировая война, волны революции, Великая депрессия – а единый кульминационный момент, заложенный в логике развития капитализма до этого момента.

Сегодня курс и состояние капитализма также лежат в основе кризиса. В критическом смысле важнейшим элементом нынешнего кризиса является кризис капитализма на его исторической родине, и вызванный им упадок капиталистического Запада, который проявляется на международной арене в виде изменения мирового порядка под руководством США и западных стран, казавшегося таким надежным всего два десятилетия назад.

Среди других элементов – подъем Китая и в гораздо меньшей степени других развивающихся экономик, неудача Запада в завоевании и удержании союзников и успех Китая и стран БРИКС в этом процессе. Эти изменения также связаны с изменениями в международном экономическом управлении, будь то процессы дедолларизации или формирование новых международных организаций экономического управления, созданных странами БРИКС и другими подобными странами именно потому, что Запад не будет сотрудничать в реформировании существующих.

Какова же геополитическая экономика кризиса? Один важный элемент становится понятным при сравнении с «тридцатилетним кризисом». По мнению А.Дж. Майера, это была международная гражданская война, которая включала в себя интенсивную классовую борьбу внутри стран, а также войны между ними. Однако сегодня в большинстве крупных капиталистических стран левые в значительной степени отошли на второй план, и, хотя противоречия капитализма нарастают и принимают кризисные масштабы, внутри страны они принимают форму политических потрясений и хаоса, которые направлены не на социальные преобразования, а на предотвращение резкого углубления социального раскола, являющегося результатом резкого роста неравенства (в терминологии трансформационной политики), в основном путем выбора между неолиберальным истеблишментом и еще более неолиберальными и авторитарными популистскими или даже фашистскими правыми. Как следствие, международный план кажется определяющим. Вот откуда берется оппозиция разлагающемуся старому порядку и поддержка создания альтернативы. Сегодня международное сопротивление загнивающему неолиберальному финансиализированному капитализму является историческим импульсом нашего времени.

Кризис старости капитализма

Хотя нынешний кризис часто называют «поликризисным», он не представляет собой смесь несвязанных кризисов. Второй отличительный элемент нынешнего кризиса заключается скорее в том, что он коренится во внутренней политической экономике родины капитализма – империалистических стран – как мы их называем. По сути, весь мир оказался в кризисе из-за внутренних проблем, возникших в одной из стран. Это очень важный момент, и лучший путь к его пониманию лежит через понимание Марксом капитализма и того, чем он закончится.

Этот тезис, содержащийся в главе 27 третьего тома «Капитала» [Marx, 1895], сегодня в значительной степени забыт. Так давайте вспомним его. Для Маркса капиталистическое

производство в его высшем развитии, т.е. когда оно достигает фазы монополии, является необходимым переходным моментом к превращению капитала обратно в собственность производителей, но уже не как частную собственность отдельных производителей, а как их собственность в качестве ассоциированных производителей, как непосредственно общественную собственность. Кроме того, это точка перехода к превращению всех функций, ранее связанных с владением капиталом в процессе воспроизводства, в простые функции ассоциированных производителей, в социальные функции [Marx, 1894, p. 568].

Задача этой главы состоит в том, чтобы объяснить, что, капитализм, достигнув фазы монополии, создает предпосылки для перехода в социализм. Здесь Маркс объясняет, что по мере того, как капиталистическое накопление приобретает все больший масштаб, оно само должно превратиться в социалистическое. Это больше не то, что может быть достигнуто отдельными капиталистами. Право собственности само по себе социализировано в форме акционерных обществ. Все функции, связанные с владением капитала, становятся функциями ассоциированных производителей. Они становятся социальными функциями.

Если понимать это с точки зрения развития сил производства через разделение труда или его обобществление, то Маркс хочет сказать, что к тому времени, когда капитализм достиг монопольной фазы, он завершил свою историческую работу, довел развитие сил производства до того уровня, до которого он мог его довести. Капитализм не мог пойти дальше, и дальнейшее развитие сил производства могло произойти только с установлением социализма.

И снова логика была предельно ясна. Капитализм постоянно и неустанно социализирует производство, хотя и достигает этой спасительной цели жестоко и хаотично. В конкурентной фазе капитализма, когда производство организуется через образование огромного количества конкурирующих фирм, которые с исторической точки зрения являются мелкими, производство социализируется *среди* этих конкурирующих фирм. На этапе монополии социализация труда совершает качественный скачок. По мере того как процесс конкуренции, устраняя все, кроме одной или нескольких наиболее эффективных фирм, приводит к монополии, а производство становится все более масштабным, оно социализируется в форме обширного и сложного разделения труда *внутри* фирм.

В этот момент, когда капиталистические формы собственности сами становятся социализированными, когда большинству становится ясно, что производство – это совместный труд ассоциированных производителей, капитализм теряет свое историческое оправдание и уступает место социализму.

Так оправдались ли ожидания Маркса? Большинство ответит «да». Однако на самом деле все гораздо сложнее. Да, это было ложью в том смысле, что, хотя капитализм уже достиг монопольной фазы в начале двадцатого века, как утверждалось в многочисленных работах по империализму того времени, и хотя «тридцатилетний кризис» был в значительной степени кризисом этого развития, мир не стал социалистическим в результате этого кризиса. Однако этот момент требует серьезных оговорок.

Во-первых, в конце «тридцатилетнего кризиса», будучи свидетелями того, как капитализм может разрушать общества и цивилизации в мировых войнах и великих депрессиях, а также того, чего достиг социализм в Советском Союзе, выдающиеся интеллектуалы, такие как Кейнс или Поланьи, ожидали, что мир совершит решительный поворот влево [Keynes, 1933; Keynes, 1936; Polanyi, 1944; Polanyi, 1945]. Примерно в то же время Хайек, опасаясь

такой же перспективы, написал *«Дорогу к крепостному праву»* (1944) как призыв не поддаваться социалистическому соблазну.

Во-вторых, хотя весь мир не стал социалистическим, присоединение Восточной Европы и Китая к числу социалистических стран означало, что значительная часть человечества повернулась к социализму. В то же время страны, вышедшие из-под колониального господства (во многом благодаря силе социалистического блока), все чаще приступали к реализации проектов автономного национального развития, которые имели явно левый уклон и часто называли себя «социалистическими».

В-третьих, в определенном смысле предвидения Маркса и более поздних интеллектуалов не оправдались даже в отношении крупных капиталистических стран. «Золотой век» роста, последовавший за «тридцатилетним кризисом», стал возможен именно потому, что даже эти страны повернули влево. Взяв многое из социалистического инструментария – макроэкономическую политику, направленную на обеспечение полной занятости, государственную собственность, поощрение сильных профсоюзов, прогрессивное налогообложение, контроль над движением капитала, финансовые репрессии и тому подобное [Hobsbawm, 1994, pp. 272-273] – ведущие капиталистические страны сильно реформировали капитализм. И именно эти реформы, создавшие широкие и глубокие рынки, сделавшие инвестиции привлекательными, стали причиной легендарного роста в последующие три десятилетия, а не восстановленная бодрость самого капитализма, которую он уже потерял, вступив в стадию дряхлой монополии в начале того же века.

В то время этот момент не был признан, и большинство аналитиков, включая большинство марксистов, склонны были приписывать показатели роста золотого века самому капитализму. Однако то, что произошло за десятилетия, прошедшие с момента окончания «золотого века» в 1970-х годах, сделало этот тезис неопровержимым.

Поскольку основополагающая система оставалась капиталистической, к концу 1960-х – началу 1970-х годов она неизбежно столкнулась с очередным серьезным кризисом. Этот кризис поставил западный мир перед серьезной развилкой. Он мог принять левую альтернативу и углубить социалистические реформы послевоенного периода, которые обеспечили «золотой век». Или же вместе с неолибералами, которые в то время все громче заявляли о себе, сказать, что в них и заключалась проблема и что их нужно свернуть, чтобы дать капиталу больше свободы, освободить его от бремени, которое наложили на него социалистические реформы.

Отчасти потому, что марксизм и левые уже были значительно ослаблены – как интеллектуально [Desai, 2020], так и политически – был выбран второй вариант. За четыре десятилетия политическая власть капитала обеспечила то, что, невзирая на катастрофические последствия для большинства обществ и экономик, западные правительства придерживались неолиберальной парадигмы политики при критической помощи номинально левоцентристских партий, которые теперь придерживаются той же парадигмы. Это привело к межпартийному консенсусу по вопросам экономической политики, в результате чего разногласия по поводу «культуры» стали основным полем предвыборной борьбы между партиями.

Результатом 40 лет спустя станет растущая концентрация капитала, финансиализация, превращающая инвестиции из производительных в спекулятивные, низкий рост, низкие производственные инвестиции, растущее неравенство, обострение дефицита спроса, который был ключевой проблемой, приведшей к кризису 1970-х годов, производственное

ослабление капитализма на его родине за счет аутсорсинга и смещение центра тяжести мировой экономики с Запада под влиянием растущего вызова стран БРИКС, прежде всего социалистического Китая. Другими словами, хотя неолиберализм был принят на том основании, что он возродит капитализм, он лишь обнажил дряхлость монополистического капитализма, и, учитывая вызов социалистического Китая в сочетании с сохраняющейся слабостью левых сил на родине капитализма, судьба капитализма теперь висит на волоске не от классовой, а от международной власти.

Развитие ноономики

Именно этот кризис и является шансом для ноономики. Первая половина XX века радикально изменила мир, превратив авторитарный и имперский режим в мир, в котором было гораздо больше народной власти и гораздо больше национальной мощи. Это была работа двух взаимодействующих сил.

Первая – межимпериалистическое соперничество, в котором почти все крупные капиталистические державы воевали друг с другом до изнеможения, за исключением Соединенных Штатов, которые извлекли из этой войны огромную выгоду. Вторая – это огромный прилив народной энергии, приведший к появлению государств всеобщего благосостояния в первом мире, коммунизма во втором и явно левых попыток развития в третьем мире. Для завершения кризисного периода потребовалось сочетание этих двух сил. Без вклада России и Китая во Вторую мировую войну победа над фашизмом была бы невозможна.

Сегодня мы живем в такое время, когда, как уже говорилось, левые и рабочие организации находятся в забвении. Таким образом, в этих условиях мощь империализма, ослабевшая с момента своего пика в 1914 году, теперь ослабевает ускоренными темпами.

Империализм – это прежде всего отрицание развития, которое необходимо, с одной стороны, для того, чтобы имперские страны могли экспортировать свой избыточный капитал и товары, а с другой – для того, чтобы импортировать дешевую рабочую силу и средства производства (на самом деле эти две вещи взаимно противоречат друг другу, хотя мы не можем здесь углубляться в эту тему). Таким образом, суть антиимпериализма – это развитие, а не война, хотя иногда его достижение может потребовать войны.

Однако сегодня как никогда ясно, что развитие не может заключаться в том, чтобы догнать разлагающуюся и дискредитировавшую себя социальную форму. Вот тут-то и приходит на помощь ноономика как способ совместного развития человека и производительных сил. Также важно, что она обещает сделать это, не разрушая природу и культуру.

Сегодня левые слабы, поэтому импульс к развитию ноономики исходит от национальных государств. Именно они требуют лучших условий для развития как минимального условия своей легитимности. История подталкивает в этом направлении. Однако есть опасение, что этот импульс, скорее всего, будет реализован однобоко, под влиянием императивов государств в том виде, в котором они существуют сейчас. Он будет отражать их существующий классовый, гендерный, расовый, этнический и т.д. характер и интересы. Некоторые из них, например Китай, явно привержены политике, которая противостоит неолиберализму и финансиализации, поддерживает благосостояние и расширение прав и возможностей населения, поэтому можно ожидать, что ноономика будет развиваться относительно сбалансированным образом. В других странах, например, в Индии или Юж-

ной Африке, правят правительства, которые остаются слишком приверженными неолиберальным корпоративно-капиталистическим интересам, даже принимая фашистские формы в индийском случае.

Хотя они вынуждены противостоять империализму то тут, то там, потому что империализм предлагает так мало капиталистам и требует политики, которая настолько отбрасывает назад народное благосостояние, что ставит под угрозу даже тот минимум легитимности, которым должны обладать правительства, они будут продвигаться к ноономике, которую толкают вперед только исторические обстоятельства, и в этих странах она может продвигаться только медленно и с перебоями.

Поэтому для того, чтобы ноономика могла быть реализована в полной мере, должна быть активизирована народная борьба. В этом качестве ноономика важна тем, что она серьезно относится к развитию производительных сил, в отличие от большинства западных левых, которые этого не делают. С самого начала, и я отношу это к тому, что Бухарин назвал «политикой теоретического примирения» [Bukharin, 1914, p. 163] между марксизмом и неоклассической экономикой. Это скорее шумпетарианская, чем марксистская концепция капитализма в том смысле, что левые на Западе считают, что капитализм способен бесконечно развивать силы производства, спонтанно стабилизировать себя после кризисов и не нуждается в империализме. Многие даже говорят, что империализм имеет место быть. Это очень плохо и печально, однако это не имеет ничего общего с капитализмом, это не нужно для капитализма, и это отклонение переоценивает способность капитализма развивать силы производства, потому что оно радикально недооценивает степень, в которой процветание Запада является результатом империализма.

Выдвижение ноономикой на первый план развития сил производства в форме все более основанных на знаниях технологий является неотъемлемым компонентом любой прогрессивной политики. Это также обязательно концепция, ориентированная на человека, предполагающая развитие человеческого и социального потенциала.

Список литературы / References

- Bodrunov S. (2018). *Noonomy*. Special edition. Moscow – St. Petersburg – London. 383 p.
- Bodrunov S. (2023). *Noonomy: The Trajectory of Global Transformation*. Brookline, Mass.: Academic Studies Press.
- Bodrunov S., Desai R., Freeman A. (2022). *Beyond the Global Crisis: Noonomy, Creativity, Geopolitical Economy*. St. Petersburg: S.Y. Witte Institute for New Industrial Development.
- Bukharin N. (1972). *The Economic Theory of the Leisure Class*. New York: Monthly Review Press.
- Desai R. (2022). *Capitalism, Coronavirus and War: A Geopolitical Economy*. London: Routledge. 266 p.
- Desai R. (2022). Noonomy and Geopolitical Economy: Natural Allies. In: *Anthology of Noonomy: Fourth Technological Revolution and Its Economic, Social and Humanitarian Consequences. Technology and Socio-economic Progress: Traps and Opportunities for the Future*. S.D. Bodrunov (ed). Boston: Brill. Pp. 175-188.
- Desai R. (2021). Capitalism and Crises. In: *The Essential Guide to Critical Development Studies*. Paul Bowles and Henry Veltmeyer (eds). London: Routledge. 442 p.
- Desai R. (2016). *Analytical Gains in Geopolitical Economy. Research in Political Economy*. Bingley: Emerald Group Publishing Ltd. 304 p.

Десаи Р.

- Desai R. (2015). *Theoretical Engagements in Geopolitical Economy. Research in Political Economy*. Vol. 30A. Bingley: Emerald Group Publishing Ltd, 2015.
- Hayek F.A. (1944). *The Road to Serfdom*. London: George Routledge and Sons.
- Hobsbawm E.J. (1994). *Age of Extremes: The Short Twentieth Century, 1914-1991*. London: Michael Joseph.
- Keynes J.M. (1933). National Self-Sufficiency. *The Yale Review*. Vol. 22 (4). Pp. 755-769.
- Marx K. (1867). *Capital*. Vol. 1. London: Penguin.
- Mayer A.J. (1981). *The Persistence of the Old Regime: Europe to the Great War*. New York: Pantheon Books.
- Polanyi K. (1945). Universal Capitalism or Regional Planning? *The London Quarterly of World Affairs*. Vol. 10 (3). Pp. 86-91.
- Polanyi K. (1944). *The Great Transformation*. Boston: Beacon Press.

Информация об авторе

Радика Десаи

Профессор Университета Манитобы (66 Chancellors Cir, Виннипег, MB R3T 2N2, Канада), визит-профессор Лондонской школы экономики и политических наук
E-mail: radhika.desai@umanitoba.ca

Information about the author

Radhika Desai

Professor University of Manitoba (66 Chancellors Cir, Winnipeg, MB R3T 2N2, Canada), Visiting Professor at the London School of Economics
E-mail: radhika.desai@umanitoba.ca

DOI: 10.37930/2782-618X-2023-2-4-69-74

Лео Габриэль

Институт международных исследований и сотрудничества Венского университета (Вена, Австрия)

РОЛЬ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В ПЕРЕХОДЕ К НОВОЙ ЭКОНОМИКЕ¹

Аннотация: автор статьи обращается к важности анализа протекающих в мире противоречий и конфликтов с позиции перехода к более вдумчивому исследованию социально-экономических, геополитических, национально-культурных процессов сквозь призму интересов и ценностей социального большинства, а не рыночного фундаментализма. Показано, что в условиях многомерного кризиса рыночной капиталистической системы (экономические кризисы, пандемия, военно-политическое противостояние) неолиберализм заходит в тупик, выйти из которого получится, только если человечество перейдет на другой путь развития – неэкономический по своей сути.

Ключевые слова: ноономика, экономика солидарности, сотрудничество, человек, культура, традиции, ценности, пределы рынка, просьюмеризм, глобальная трансформация, переходный период, перспективы глобальной экономики Юга.

Для цитирования: Габриэль Л. (2023). Роль гражданского общества в переходе к новой экономике // Ноономика и ноообщество. Альманах трудов ИНИР им. С.Ю. Витте. Т. 2, № 4, С. 69–74. DOI: 10.37930/2782-618X-2023-2-4-69-74

Leo Gabriel

Institute for Intercultural Research and Cooperation of the University of Vienna (Vienna, Austria)

THE ROLE OF CIVIL SOCIETY IN THE TRANSITION TO A NEW ECONOMY

Abstract: the author of the paper addresses the importance of analyzing the contradictions and conflicts occurring in the world in terms of the transition to a more thoughtful study of socio-economic, geopolitical, national and cultural processes through the prism of the interests and values of the social majority, rather than market fundamentalism. It is shown that under conditions of a multidimensional crisis of the market capitalist system (economic crises, pandemic, military-political confrontation), neoliberalism reaches a dead end, which can only be overcome if humanity shifts to another path of development – a non-economic in its nature

Keywords: noonomy, solidarity economy, cooperation, human, culture, traditions, values, market limits, prosumerism, global transformation, transition period, prospects for the global economy of the South.

¹ Статья подготовлена по материалам доклада на 35-сессии международного теоретического семинара ИНИР им. С.Ю. Витте «Глобальные трансформации XXI века: будущее человека, рынка и капитала» (29 августа – 01 сентября 2023 г.) Бодрум, Турция.

For citation: Gabriel L. (2023). The Role of Civil Society in the Transition to a New Economy. *Noonomy and Noosociety. Almanac of Scientific Works of the S.Y. Witte INID*, Vol. 2, No. 4, pp. 69–74. DOI: 10.37930/2782-618X-2023-2-4-69-74

利奥·加布里埃尔

维也纳大学国际研究与合作学院 (奥地利, 维也纳)

向新型经济过渡进程中公民社会的作用

摘要: 作者从社会经济、地缘政治、国家和文化角度对世界上正在发生的矛盾和冲突进行了更加深刻的研究, 作者的研究以社会大多数人的利益和价值观为出发点, 而不是以市场原教旨主义为出发点。作者说明了在市场资本主义制度多方面危机 (经济危机、流行病、军事政治对抗) 条件下, 新自由主义走入了死胡同; 人类只有走上另一条发展道路, 才有可能走出这一死胡同, 这条道路就是本质上非经济性的道路。

关键词: 智慧经济学、关联经济、合作、人、文化、传统、价值观、市场局限性、消费主义、全球转型、转型期、全球南方经济的前景。

引用注释: 利奥·加布里埃尔 (2023) 向新型经济过渡进程中公民社会的作用//智慧经济与智慧社会. 维捷新兴工业发展研究所论文选. Vol. 2, No. 4, pp. 69–74. DOI: 10.37930/2782-618X-2023-2-4-69-74

Нередко экономисты предпочитают исследовать глобальные макроэкономические изменения в обществе, которые, бесспорно, в большинстве случаев открывают большие перспективы. Однако подобная методика исследования не всегда достоверно отражает реальное положение социального большинства, потому что очень часто человек превращается в цифру, в статистические данные, отражающие проценты роста и ограничения, сведенные во временную шкалу. Поэтому более разумным представляется вести научный поиск в обратном направлении (снизу вверх), поскольку только в этом случае открывается возможность для правдивого отражения происходящих в мире социально-экономических процессов.

Социальная антропология, в частности, практикует именно такой метод исследования, обращая сначала внимание на людей в их сообществах, и только затем на национальные государства и общество в целом.

Елизавета (известная как «Сисси»), супруга покойного и фактически последнего императора Австрии Франца Иосифа, однажды сказала: «Без народа и народов», – а она имела в виду множественное число (что очень важно), учитывая многонациональный и многокультурный характер Австро-Венгерской империи, – «даже император потерял бы свою власть и свои права».

Через несколько лет распалась Австро-Венгерская империя, а еще через 70 лет – Советский Союз. В обоих случаях это произошло потому, что руководство обеих империй вовремя не осознало, что люди и народы, их местные и региональные электораты, уже довольно давно изменились и боролись за свою независимость.

Рассвет рыночного фундаментализма

Так происходит и сегодня, когда в условиях многомерного кризиса рыночной капиталистической системы неолиберализм заходит в тупик. Он потерпел неудачу в кризисе 2008 г., когда приватизированные финансовые рынки вынуждены были вернуться под зонтики государств; потерпел неудачу во время пандемии пару лет назад [Gabriel, 2022]; терпит неудачу и сейчас – в наше военное время – из-за своей неспособности гарантировать экономическую стабильность в качестве миротворческой силы. В какой-то мере прав был Мануэль Валлерстайн, предсказавший еще в 2003 году, накануне войн в Афганистане и Ираке, что «милитаризм – это последняя стадия неолиберальной империи».

Если посмотреть на мир снизу, там, где находится подавляющее большинство населения планеты, то станет ясно, что некоторые крупные страны, такие как Китай и Индия, Бразилия, Россия и Южная Африка (так называемые страны БРИКС), возникают как конгломерат огромного количества самых разнообразных культур. А если присмотреться к этому разнообразию людей и народов, то можно увидеть, например, культуру коренных народов Латинской Америки, которых так много, что их даже не сосчитать. И тогда станет понятно, что подавляющее большинство населения планеты не следует, не может следовать ни рыночной системе, ни системам национальных государств, которые правительства когда-то превозносили как воплощение «прогресса» и «благополучия». По сути дела, они всегда держались сами по себе, и лишь немногим удавалось подняться на землю обетованную так называемого «американского образа жизни».

А если присмотреться еще лучше, то можно увидеть, что в настоящий момент они стоят перед выбором между Сциллой и Харибдой: либо они идут на Север по крайне ненадежным и опасным путям, пока не утонут в Средиземном море, либо их похищают и расстреливают на пути между Мексикой и США. Это и есть тот путь «интеграции» населения Глобального Юга в «систему свободного рынка», который Милтон Фридман и его ученые обещали четыре десятилетия назад?

От широких масс к солидарной экономике

В поисках альтернативы этой невыносимой ситуации Институт межкультурных исследований и сотрудничества в рамках одного из амбициозных социально-антропологических исследовательских проектов Европейского Союза¹ обнаружил, что относительно автономные экономические структуры коренных народов вдохновили множество неправительственных организаций, экспертов и общественных активистов на создание альтернативы так называемой «системе свободного рынка».

Вместо того чтобы создавать экономические концепции и теории «сверху вниз», эти люди разработали альтернативную экономическую систему изнутри существующих социальных структур. Учитывая, что большая часть населения планеты, особенно в Африке, Азии и Латинской Америке, все еще живет на крайне неустойчивый прожиточный минимум, в так называемых «теневых экономиках», некоторые латиноамериканские экономисты, такие как Маркос Арруда из Бразилии и Рикардо Сото из Перу, разработали концепцию, получившую название «солидарная экономика».

В противовес управляемой капиталом рыночной системе, основанной на конкуренции и нацеленной на экономический рост в качестве решительного аргумента, солидар-

¹ Сайт мультикультурной автономии в Латинской Америке. URL: www.latautonomy.com

ная экономика предлагает экономическую структуру «усиленного жизнеобеспечения», основанную на взаимном сотрудничестве относительно автономных городских и сельских сообществ. Для этого сообщества должны сократить дистанцию между производителями и потребителями, следуя «принципу субсидиарности», разработанному в христианской, мусульманской и буддистской традициях.

Это означает, что предпочтение должно отдаваться тому, что может быть произведено на местах, а на региональном уровне должны быть созданы рынки с собственной валютой. Это так же означает, что необходимо перевернуть существующую в настоящее время пирамиду производства и распределения, где глобальные структуры, такие как финансовый капитал и крупные игроки, подобные Blackrock, диктуют рынки. Это не только возвращает крупные транснациональные компании, но и уничтожает окружающую среду.

Ставя в центр мироздания человека и Землю в целом, солидарная экономика создаст новые экономические субъекты, которые в Латинской Америке называются понятием «prosumidores» (на англ. – «prosumer»), которое означает, что производители становятся потребителями, а потребители – ценными участниками производственного процесса.

«Prosumidores» не отправляют продукты с других континентов, если они могут произвести их у себя на земле или на земле соседнего государства. Приоритет отдается потреблению на месте, где те, кто продает продукты, во многих случаях их и производят. Это дает совершенно иное понимание экономики, чем то, к которому привыкли в рыночном фундаментализме, а также в государственном социализме, где все обречены быть простыми потребителями, не имеющими никакого права голоса в процессе производства.

Ноономика на Глобальном Юге?

Такое понимание экономики структурно весьма близко к затруднениям, которые испытывает ноономика Сергея Бодрунова. В свое время автор настоящих строк имел честь представлять испанское издание книги Бодрунова «Ноономика» в Мексике [Bodrunov, 2020]. В среде самых выдающихся специалистов по политической экономии в самом престижном университетском центре Мексики (прямо напротив посольства России) сразу же возникло несколько ключевых вопросов: «Что ноономика собирается делать с маргиналами и народами, которые в Мексике также составляют подавляющее большинство населения?» и «Как можно говорить об обществе с равноправным доступом к знаниям в условиях, когда более трети населения не умеет писать и читать?»

Поскольку на тех дискуссиях Сергей Бодрунов не присутствовал, я попытался дать ответ. Я сказал, что «ноономика – это концепция, в которой экономика основана на культуре. Мексиканская культура на протяжении многих веков была и остается основанной на мудрости предков. И эта культура состоит из таких общественных ценностей, как общительность и сотрудничество, мудрость и человеческое достоинство». Поэтому то, к чему стремится Сергей Бодрунов – это создание новой общественной системы, основанной на совместном использовании ресурсов и благ».

Без мира нет экономической справедливости

В международном движении за мир, которое, на наш взгляд, является одним из важных общественных движений на сегодняшний день, есть твердая убежденность в том,

что все войны и военные конфликты должны быть немедленно прекращены, и начаты политические переговоры. Многие понимают, что войны разрушают не только экономику, но и окружающую среду. Сегодня военные действия ведутся во многих уголках нашей планеты – на Украине, в Западной Африке, Судане, на Ближнем Востоке, в Мьянме, в Латинской Америке, где идет множество войн с организованной преступностью и между ними.

В недавно проведенной в Вене международной конференции по вопросам мира¹ среди 600 участников из 35 стран мира присутствовал вице-президент Боливии Давид Чокеуанка – известный философ, коренной житель Боливии. В своем выступлении он спросил: «Почему военные столкновения происходят в Европе и на других континентах и почему они не происходят в мире коренных народов? Потому что коренные народы смотрят дальше конфликта. Они видят, что будет потом, и это заставляет их искать пути политического решения, пока конфликт не достиг точки невозврата».

Что все это значит для нас, интеллигенции, которые тоже живут в системе многократной конкуренции и противостояния? Чему мы можем научиться у Глобального Юга для создания перехода к новому экономическому миропорядку? И самое главное – что мы можем сделать?

На наш взгляд, необходимо активно участвовать в жизни окружающих нас сообществ. Я помню время, когда хотел изучать физику, и в моей памяти до сих пор сохранился знаменитый принцип неопределенности Вернера Гейзенберга, который говорил, что нельзя измерить физическое явление, не взаимодействуя с этим явлением; наблюдатель всегда становится актером и преобразует эту реальность. Научному сообществу необходимо взять это за цель и начинать участвовать в процессе преобразования общества, а не только писать книги и разрабатывать замечательные теории, какими бы ценными они ни были для того, чтобы изменить реальность. Следует двигаться к истокам, искать собрания людей, которые являются главными действующими лицами истории. Не рыночная система и не национальные государства, а сами люди и народы, которые вовлечены в постоянно меняющуюся реальность. И эта реальность будет меняться, потому что она должна меняться. И поскольку я пережил несколько революционных процессов, я знаю, что это возможно. Другой мир возможен!

Список источников / References

- Bodrunov S.D. (2020). *Noonomia: monografia* / S.D.Bodrunov. – Plaza y Valdes S. A. de C. V., 2020. Alfonso Herrera # 130, int 11, Colonia San Rafael 06470, Ciudad de Mexico. – 437 p.
- Gabriel L. (2022). *Noonomy in the Transition to a Post-capitalist Society Perspectives from the Global South. Anthology of Noonomy: Fourth Technological Revolution and Its Economic, Social and Humanitarian Consequences: Technology and Socio-Economic Progress: Traps and Opportunities for the Future* / edited by S.D.Bodrunov. – Leiden; Boston: Brill, pp. 195-200.

¹ Сайт международного саммита мира на Украине. URL: www.peacevienna.org

Габриэль Л.

Информация об авторе

Габриэль Лео

Директор Института международных исследований и сотрудничества Венского университета, главный редактор журнала «Другая Латинская Америка» (Австрия, Вена)

E-mail: lgabriel@gmx.net

Information about the author

Gabriel Leo

Director of the Institute for Intercultural Research and Cooperation of the University of Vienna, Editor-in-chief of the “Latautonomy” journal (Vienna, Austria)

E-mail: lgabriel@gmx.net

DOI: 10.37930/2782-618X-2023-2-4-75-85

Пьянкова С.Г.

Уральский государственный экономический университет (Екатеринбург, Россия)

НООНОМИКА: ПЛАТФОРМА ДЛЯ СТРАТЕГИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ (РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ)¹

Аннотация: в статье акцентировано внимание на необходимости унификации методологических подходов по стратегическому планированию регионов. Скомпонованы рекомендации российских и зарубежных ученых в части повышения качества стратегического планирования. Предложена новая методика совершенствования стратегического планирования регионов, направленная на повышение эффективности и оптимизацию процесса управления стратегическим развитием территорий, на улучшение социально-экономической обстановки и качества жизни населения. Ключевой платформой предложенной методики стали основные подходы теории ноономики: тенденции к росту знаниеемкости производства, к росту знаниеинтенсивности его процессов, к снижению материало/фондо/энерго/ресурсоемкости и др. Автором предложено ввести группировку стратегий регионов по трем направлениям: стратегия с низкой, средней и высокой «знаниеемкой компонентой».

Ключевые слова: ноономика, регион, стратегия, индустриальная система, институциональный потенциал, инновации, платформа, знаниеемкость, знаниеинтенсивность.

Для цитирования: Пьянкова С.Г. (2023). Ноономика: платформа для стратегического развития (региональный аспект) // Ноономика и ноообщество. Альманах трудов ИНИР им. С.Ю. Витте. Т. 2, № 4, С. 75–85. DOI: 10.37930/2782-618X-2023-2-4-75-85

Svetlana G. Pyankova

Ural State University of Economics (Ekaterinburg, Russia)

NOONOMY: A PLATFORM FOR STRATEGIC DEVELOPMENT (REGIONAL ASPECT)

Abstract: the article focuses on the need for uniformity of methodological approaches to strategic planning of regions. Recommendations from Russian and foreign scientists regarding improving the quality of strategic planning have been compiled. A new methodology for improving the strategic region planning is proposed, aiming at increasing the efficiency and optimizing the process of managing the strategic development of territories, improving the socio-economic situation and the quality of life of the population. The key platform of the proposed methodology reflected the main approaches of the theory of noonomy, i.e., a transition towards an increase in the knowledge inten-

¹ Статья подготовлена по материалам доклада на 35-сессии международного теоретического семинара ИНИР им. С.Ю. Витте «Глобальные трансформации XXI века: будущее человека, рынка и капитала» (29 августа – 01 сентября 2023 г.) Бодрум, Турция.

sity of production and its processes, and, on the other hand, towards decrease in material/capital/energy/resource intensity, etc. The author proposed to introduce a grouping of regional strategies in three areas: a strategy with a low, medium and high «knowledge-intensive component».

Keywords: noonomy, region, strategy, industrial system, institutional potential, innovations, platform, knowledge-intensity, knowledge intensity.

For citation: Pyankova S.G. (2023). Noonomy: A Platform for Strategic Development (Regional Aspect). *Noonomy and Noosociety. Almanac of Scientific Works of the S.Y. Witte INID*, Vol. 2, No. 4, pp. 75–85. DOI: 10.37930/2782-618X-2023-2-4-75-85

波扬科娃 S. G.

乌拉尔国立经济大学 (俄罗斯, 叶卡捷琳堡)

智慧经济学是 (地区) 战略发展平台

摘要: 文章重点论述了统一地区战略规划方法的必要性。文章汇集俄罗斯和外国科学家关于提高战略规划质量的建议。文章提出了改进地区战略规划的新方法, 以提高地区战略发展管理过程的效率和优化程度并改善社会经济状况和居民生活质量。文章所提出方法的主要基础是智慧经济学理论阐述的基本方法: 生产的知识含量增长潜力、生产过程的知识强度提高潜力、材料/资金/能源/资源的含量降低潜力等。作者建议将地区战略按发展方向划分为三种类型: “知识成分” 含量低、中、高。

关键词: 智慧经济学、地区、战略、工业体系、制度潜力、创新、平台、知识含量、知识强度。

引用注释: 波扬科娃 S. G. (2023) 智慧经济学是 (地区) 战略发展平台 // 智慧经济与智慧社会. 维捷新兴工业发展研究所论文选 Vol. 2, No. 4, pp. 75–85. DOI: 10.37930/2782-618X-2023-2-4-75-85

Введение

В настоящее время в условиях глобальных трансформаций, геополитической турбулентности и нестабильной мировой социально-экономической ситуации пристальное внимание уделяется вопросам унификации методических подходов к эффективному стратегическому планированию территорий (регионов, муниципальных образований), поиску новых векторов и путей развития страны.

В своей монографии Бодрунов С.Д. и Глазьев С.Ю. отмечают, что «повышение уровня неопределенности в мире ... привело человечество к необходимости деятельного поиска путей и способов привнесения стабильности и обеспечения устойчивости прогрессивного социально-экономического развития...» [Бодрунов, Глазьев, 2023, с. 9]. При этом, как отмечают ученые, например, Колганов А.И. [Колганов, 2021, с. 266] «наблюдается явный недостаток научных концепций, которые давали бы нам ориентиры для принятия далеко идущих стратегических решений». Также ученый Дмитриев М.Э. акцентирует внимание, что «необходимо развитие единой методологии для всех этапов стратегического планирования» [Дмитриев, 2009]. В связи с этим актуальной становится задача повышения эффективности стратегического развития территорий.

Автор в своей статье «Ноономика в моногородах: формирование трендов новой индустриальной системы и совершенствование институционального потенциала» рассмотрел вопрос повышения качества стратегического планирования монопрофильных городов [Пьянкова, 2022]. В настоящем исследовании представлены методические подходы к более эффективному стратегическому планированию регионов.

Методология исследования

В настоящее время стратегические документы должны быть сформированы в соответствии со структурными нормативными документами, регламентирующими порядок формирования документов стратегического планирования^{1,2}, а также концептуальными подходами к созданию стратегии развития территорий, разработанными учеными и исследователями [Анимича и др., 2010, с. 56; Зинчук, 2012, с. 101; Пуляевская, Христофоров, 2021, с. 70].

Как указано в монографиях Квинта В.Л.: «Стратегический подход к национальному развитию предполагает прежде всего использование стратегических идей...» [Kvint, 2015]; «чтобы разработать стратегию, в качестве первого шага необходимо ориентировать проекты национального развития на долгосрочную перспективу...» [Квинт, 2020, с. 48].

В целях повышения качества планирования ученые рекомендуют ряд мер, в частности: «совместное участие в разработке документов администрации, бизнеса и населения» [Косарев, Ветров, 2010, с. 37; Ильина, 2012]; «разработка нормативно-правовых основ по регламентации социальных стандартов» [Малчинов и др., 2007, с.69]³; «увязка систем стратегического и территориального планирования между собой и бюджетным процессом» [Дмитриев, 2009].

В статье предложена методика совершенствования стратегического планирования регионов, направленная на повышение эффективности и оптимизацию процесса управления стратегическим развитием территорий, на улучшение социально-экономической обстановки и качества жизни населения. Автор считает, что ключевой платформой новой методологии стратегического планирования регионов должны быть основные подходы теории ноономики, основателем которой является член-корр. С.Д. Бодрунов: тенденции к росту знаниеемкости производства, к росту знаниеинтенсивности его процессов, к снижению материало/фондо/энерго/ресурсоемкости и др. [Бодрунов, 2018а, с. 57; Бодрунов, Бодрунов, 2018b, с. 72].

Отмечу, что в монографии, авторами которой являются V.L. Kvint и S.D. Bodrunov, уже представлено объединение уникальных концепций стратегии и теории ноономики [Kvint, Bodrunov, 2023, с.152]. Разделяя взгляды авторов, автором предлагается универсальная методология стратегического планирования регионов.

Как указал в своей монографии С.Д. Бодрунов: «Для перехода на новые ступени технологического прогресса необходимо овладение все новыми и новыми знаниями и отыска-

¹ О стратегическом планировании в Российской Федерации (с изм. и доп.) (2014). Федеральный закон № 172-ФЗ. URL: <https://base.garant.ru/70684666/>.

² Об Основах стратегического планирования в РФ (2009). Указ Президента РФ № 536. URL: <https://crystalbook.ru/wp-content/uploads/2021/06/Указ-президента-Об-основах-стратегического-планирования-в-рф.pdf>.

³ Региональное измерение государственной экономической политики России / Под общей редакцией А.С. Малчинова. Центр проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования. М.: Научный эксперт, 2007. 200 с.

ние способов их технологического применения. Самыми передовыми становятся именно самые знаниеинтенсивные технологии» [Бодрунов, 2020, с. 65]. При этом нужно отметить, что под «знаниеинтенсивностью технологий материального производства» Бодрунов С.Д., Десаи Р. и Фриман А. указывают «процесс, критически синтезирующий достижения индустриальной и информационной экономики...» [Бодрунов, Десаи, Фриман, 2022, с. 30]. Основные черты «знаниеинтенсивного производства» представлены в работе Бодрунова С.Д. «Ноономика» [Бодрунов, 2018b, с. 70].

В одном из своих докладов С.Д. Бодрунов [Бодрунов, 2021, с. 58] отметил основные аспекты прогресса технологии, среди которых: «превращение знаний в главный источник, ресурс и результат социально-экономического развития» и «транзит к шестому технологическому укладу и далее». Именно эти аспекты прогресса технологий автор включил с предлагаемую методику развития индустриальной системы и совершенствования институционального потенциала региона.

Условно весь процесс моделирования нивелирования индустриальных пустот регионов (рис. 1) можно разделить на три этапа:

- *Первый этап* – выявление индустриальных и институциональных пустот регионов и их оценка;
- *Второй этап* – формирование Стратегии развития индустриальной системы и совершенствования институционального потенциала региона;
- *Третий этап* – организация мониторинга эффективности Стратегии индустриальной системы и совершенствования институционального потенциала региона.

Остановлюсь на каждом этапе в отдельности:

1. Одними из ключевых показателей оценки развития территории предлагается определить следующие: производительность труда региона, инвестиции в основной капитал, инвестиции в повышение квалификации персонала, знаниеинтенсивность производства, знаниеемкость производства, коэффициент цифрового развития производства, коэффициент технологичности производства, коэффициенты снижения материало/фондо/энергоёмкости производства. То есть это показатели, являющиеся ключевыми в теории ноономики, которая несомненно является платформой для формирования и реализации стратегических документов.

Анализ этих показателей в городах и сравнение их с общерегиональным значением позволяет выявить остроту каких-то конкретных показателей. Конечно в этом случае уместно введение критериальной шкалы оценки, а также введение интегрального уровня показателя по региону, характеризующего политику нивелирования индустриальных пустот.

В результате проведенного анализа получим картограмму индустриального обновления регионов в координатах «острота социально-экономических проблем» – «глубина индустриальных пустот» (рис. 2).

2. При этом среди важных мероприятий развития региона предлагается утверждать два блока мероприятий, включенных в «институты стабилизации» и «институты стратегического развития».

В последний институт предлагается включать такие инновационные мероприятия как: введение цифровых двойников / «близнецов» на предприятиях, формирование непрерывных поточных производственных циклов, установление роботизированных/ автоматизированных технологий, внедрение нанотехнологий, установление интеллектуальных роботов

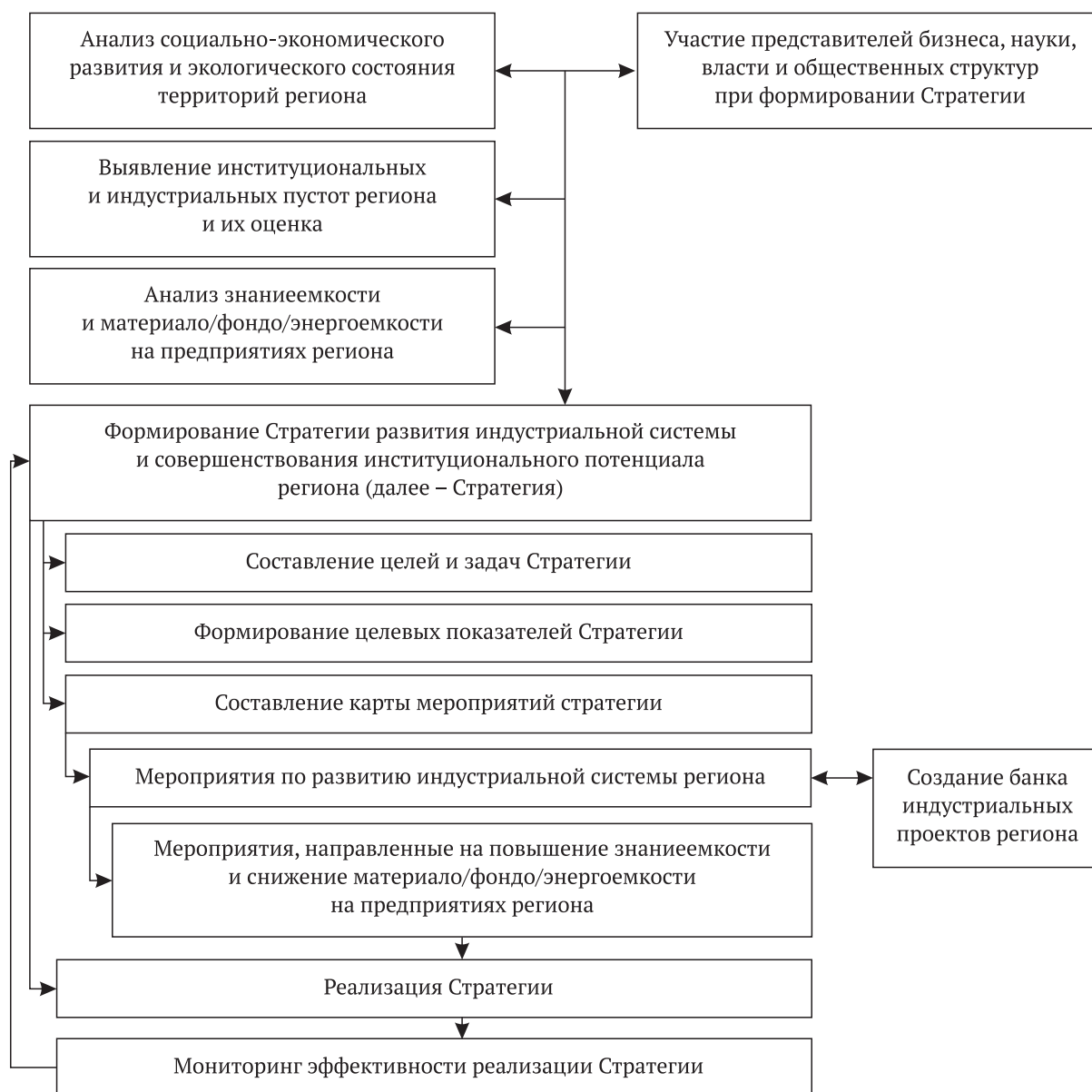

Рис.1. Методика развития индустриальной системы и совершенствования институционального потенциала региона

и систем, введение виртуальных помощников производства, разработка альтернативных источников энергии. Причем акцентирую важный момент, что необходимо отслеживать корреляционную связь между реализуемыми мероприятиями и достигаемыми показателями.

В настоящее время инновации – источник более прогрессивного развития регионов: установка роботов по переработке отходов, роботов, управляемых при помощи сигналов, идущих от мозга человека, создание ИИ-ученых (ИИ – искусственный интеллект)¹, внедрение самоходных машин, нанороботов в медицине, расширение «зеленой» технологии², ав-

¹ 22 технологии будущего, которые измеряют мир // Наука и технологии. URL: <https://www.ferra.ru/news/techlife/22-tekhnologii-budushego-kotorye-izmenyat-mir-02-02-2022.htm>

² 10 перспективных инноваций, которые изменят наш мир. URL: <https://morethandigital.info/ru/10-perspektivnykh-innovatsiy-kotoriye-izmenyat-nash-mir/>

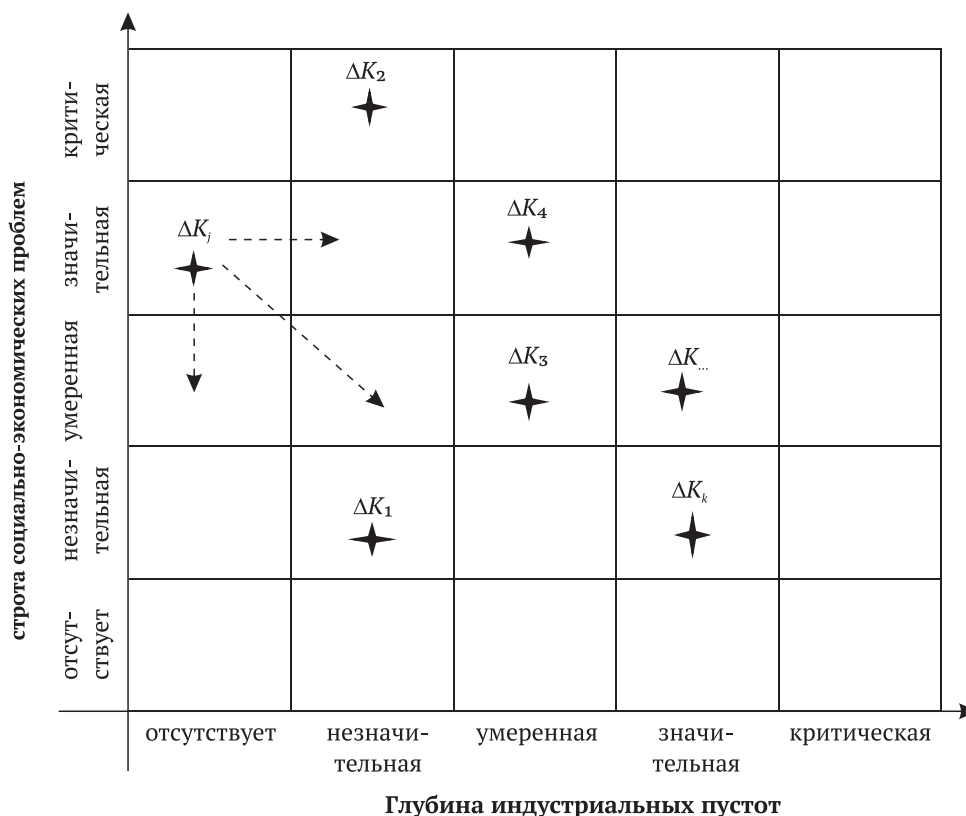

Рис. 2. Картограмма индустриального обновления регионов

томатическая оцифровка голосовых команд контролеров¹ – все это уже внедренные технологии в мире. И, конечно, разрабатываемые стратегические документы должны учитывать мировые разработки. И здесь нужно акцентировать внимание именно на непрерывном совершенствовании «знаний» всех участников процесса, которые готовят стратегии и участвуют в их реализации. Исходя из этого акцент на приобретении интеллектуальных, инновационных знаний и углубленных знаний технологических процессов становится важным как для представителей бизнеса, органов государственной власти, так и научного сообщества. Ведь на сегодняшний день требования к уровню знаний персонала также трансформируются, как частный пример: должен соответствовать внедрению кросс-индустриальных (межотраслевых) технологических процессов [Акбердина, Смирнова, 2021].

Автором предложено ввести группировку стратегий регионов по трем направлениям: стратегия с низкой, средней и высокой «знаниеемкой компонентой». Выбор стратегии будет зависеть от показателей развития региона и ее ресурсной инвестиционной базы на развитие знаний сотрудников предприятий, органов государственной, муниципальной власти и населения.

3. Далее весомый пункт в стратегиях должен быть сделан именно контролю качества производственных систем. И в целом важен непрерывный автоматизированный контроль качества формирования и реализации стратегических документов территорий (показателей, реализуемых мероприятий), причем открытый в доступе для населения.

¹ ТМК внедрила новые технологии в систему качества контроля. URL: <https://www.fnam.ru/publications/item/tmk-vnedrila-novye-tehnologii-v-sistemu-kontrolya-kachestva-20221020-1006/>

В 2006 году автором была защищена кандидатская диссертация на тему «Инвестиционная стратегия промышленного градообразующего предприятия» [Пьянкова, 2006]. В работе были проанализированы стратегические документы 83 градообразующих предприятий Свердловской области. Установлено, что за период 10 лет инвестиции (с 2001 по 2015 годы) 49,8 процентов инвестиций в основной капитал приходится на черную металлургию, 29,4 % на электроэнергетику, 16,1 % на цветную металлургию. И если далее отслеживать динамику показателей развития градообразующих предприятий с 2015 года по настоящее время, то более эффективное развитие, особенно в период санкционных режимов и периода пандемии, имеют именно предприятия вкладывающие ранее значительные инвестиции в основной капитал и в повышение образовательного уровня своих работников. В частности, на примере градообразующего предприятия Северского трубного завода была установлена прямая зависимость между образовательным уровнем работников (квалификации работников) и выработкой предприятия (рис. 3).

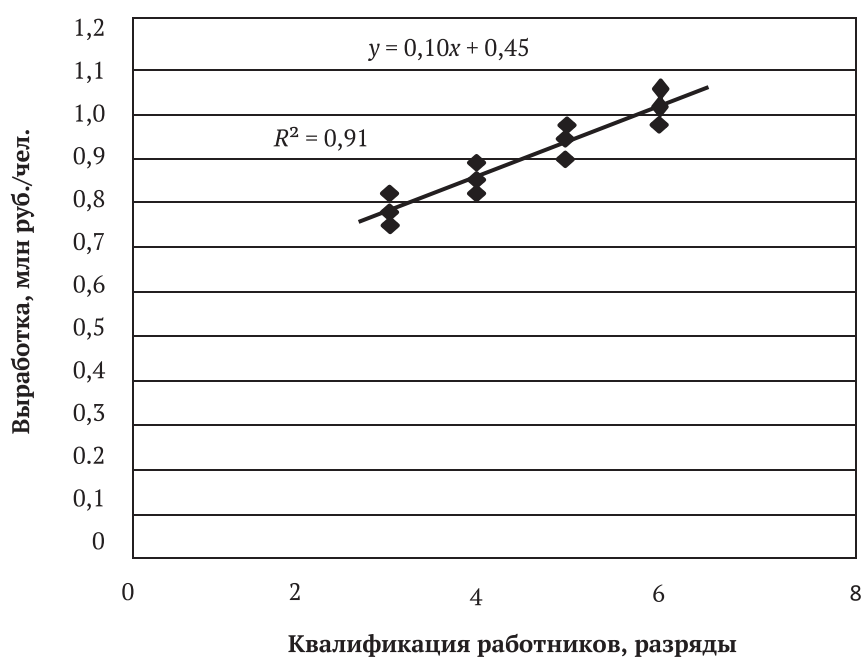

Рис. 3. Зависимость между образовательным уровнем работников и их выработкой

Коэффициент детерминации, характеризующий долю вариации зависимой переменной, объясненную уравнением регрессии, составил 0,91. Этот практический частный пример также показывает важность применения теории ноономики при формировании стратегических программ и концепций промышленных предприятий региона.

Автор акцентирует также внимание, что для более эффективного социально-экономического развития региона важно при формировании и реализации стратегии применять комплексный подход, включающий консолидацию усилий всех акторов территории (бизнес, власть, население, СМИ и другие) (рис. 4).

В отличие от существующих управленческих подходов выше предложенная схема учитывает такие акторы, как предприниматели, СМИ, научно-аналитические журналы, ВУЗЫ и научное сообщество. В схеме учтен комплекс финансовых средств, направленных на реализацию стратегий региона: институты развития, бюджет и средства бизнес-сообщества.

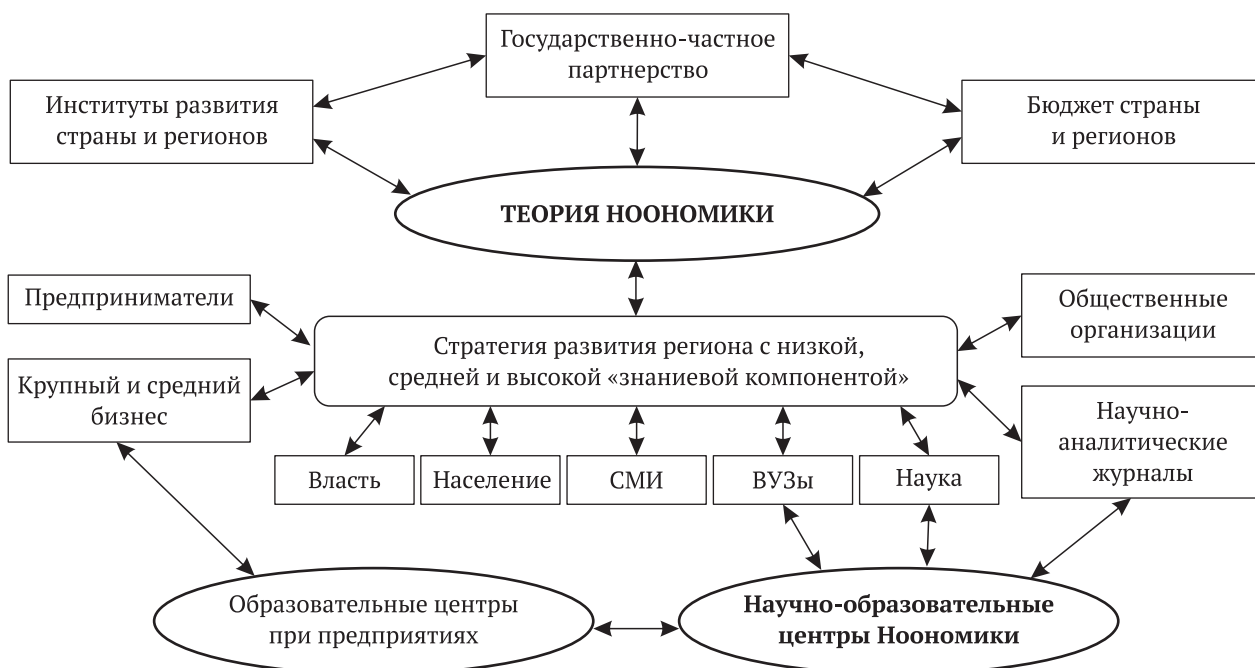

Рис. 4. Ключевые акторы, участвующие в формировании и реализации стратегии социально-экономического развития региона

Базовой платформой при формировании и реализации стратегии является теория ноономики. Схема учитывает аналитическую, исследовательскую, преподавательскую и рекомендательную деятельность образовательных центров при предприятиях региона и научно-образовательных центров Ноономики.

Указанные научно-образовательные центры Ноономики будут являться источниками повышения квалификации кадров в части общей теории ноономики, базовым перроном исследовательских решений в части более эффективного социально-экономического развития регионов, периферией реализации ключевых параметров теории ноономики, ключом к консолидации усилий всех авторов территории (бизнес, власть, население, СМИ, ВУЗы, научное сообщество, общественные организации и другие), аналитическим центром изучения ключевых показателей региона (уровня знаниеемкости производства, знаниеинтенсивности его процессов, материало/фондо/энерго/ресурсоемкости и др.), соорганизатором ключевых проектов региона, консультационным органом принятия управленческих решений. Также на схеме представлена важная связь, характеризующая представление научных результатов научно-образовательных центров Ноономики в российских и зарубежных научно-аналитических журналах.

Автор считает, что оценка эффективности реализации стратегий должна быть учтена в показателях оценки Губернаторов и органов государственной власти, включена в систему дополнительного премирования руководителей региона, рассматриваться на общественных советах, публиковаться и обсуждаться в средствах массовой информации, публично представляться населению региона.

Таким образом, объединение уникальных концепций стратегии региона и теории ноономики является важным, необходимым шагом к более эффективному социально-экономическому развитию территорий, повышению качества их индустриального развития,

улучшения благосостояния населения. Консолидаций усилий всех акторов территории позволит учесть позиции всех заинтересованных сторон в целях исключения острых провалов и включения необходимых решений.

Список источников

- Акбердина В.В., Смирнова О.П. (2021). Кросс-индустриальная трансформация: структурные изменения и инновационное развитие // Инновации и инвестиции. Т.17. № 7. С. 1238-1260.
- Анимица Е.Г., Бочко В.С., Пешина Э.В., Анимица П.Е., Татаркин А.И., Федоров М.В. (2010). Концептуальные подходы к разработке стратегии развития монопрофильного города // Международный журнал экспериментального образования. № 11. С. 56-57.
- Бодрунов С.Д., Глазьев С.Ю. (2023). Закономерности формирования основ ноономики как грядущего общественного устройства: знать и действовать. СПб.: ИНИР им. С.Ю. Витте; М.: Центркаталог. 340 с.
- Бодрунов С.Д., Десаи Р., Фриман А. (2022). По ту сторону глобального кризиса: ноономика, креативность, геополитэкономия / Монография. СПб: ИНИР им. С.Ю. Витте. 368 с.
- Бодрунов С.Д. (2021). Глобальная трансформация современного общества и национальные цели развития России. Доклад на МАЭФ, Российская академия наук, 26 мая 2021 г. // Научные труды ВЭО России. Т.230. С. 54-65.
- Бодрунов С.Д. (2020). Ноономика: траектория глобальной трансформации. М.: ИНИР; Культурная революция. 224 с.
- Бодрунов С.Д. (2018а). Стратегия прорыва: ресурсы и возможности // Научные труды Вольного экономического общества России. № 6 (214). С. 52-70.
- Бодрунов С.Д. (2018b). Ноономика. М.: Культурная революция. 432 с.
- Дмитриев М.Э. (2009). Система стратегического планирования – масштабный организационный эксперимент // Управление развитием территории. № 3. С. 6-12.
- Зинчук Г.М. (2012). Формирование стратегии развития в системе муниципального управления моногорода // Вестник Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова. № 4. С. 96-102.
- Ильина И.Н. (2012). Стратегия модернизации моногородов России / Развитие монопрофильных населенных пунктов в Российской Федерации: сборник научных трудов. М.: Финансовый университет. С. 4-12.
- Квинт В.Л. (2020). Концепция стратегирования. Кемерово: Кемеровский государственный университет. 170 с.
- Колганов А. (2021). Прогностический потенциал ноономики для обоснования стратегии развития / А (О)нтология ноономики: четвертая технологическая революция и ее экономические, социальные и гуманитарные последствия; под общ. ред. С.Д. Бодрунова. СПб: ИНИР. С. 266-285.
- Косарева Н.Б., Ветров Г.Ю. (2010). Муниципальная стратегия как форма долгосрочного общественного договора // Территориальное стратегическое планирование. № 11. С. 36-39.
- Пулявская В.Л., Христофоров А.А. (2021). О стратегическом планировании в промышленных моногородах // Развитие территорий. № 2 (24). С. 69-73.

- Пьянкова С.Г. (2022). Ноономика в моногородах: формирование трендов новой индустриальной системы и совершенствование институционального потенциала // Ноономика и ноообщество. Альманах трудов ИНИР им. С.Ю. Витте. Т. 1. № 4. С. 35-48.
- Пьянкова С.Г. (2006). Инвестиционная стратегия промышленного градообразующего предприятия: автореферат дис. ... канд. экон. наук: 08.00.05. Екатеринбург. 24 с. URL: https://new-disser.ru/_avtoreferats/01002902189.pdf
- Kvint V.L., Bodrunov S.D. (2023). *Strategizing Societal Transformation*. Knowledge, Technologies, and Noonomy. Apple Academic Press. 206 p.
- Kvint V.L. (2015). *Strategy for the Global Market: Theory and Practical Applications*. New York. London: Routledge. Taylor & Francis. 520 p.

References

- Akberdina V.V., Smirnova O.P. (2021). Cross-Industrial Transformation: Structural Changes and Innovative Development. *Innovatsii i Investitsii* [Innovations and Investments]. Vol. 17. No. 7. Pp. 1238-1260. (In Russ.).
- Animitsa E.G., Bochko V.S., Peshina E.V., Animitsa P.E., Tatarkin A.I., Fedorov M.V. (2010). Conceptual Approaches to the Development of a Strategy for the Development of a Single-Profile City. *Mezhdunarodnyy Zhurnal Eksperimentalnogo Obrazovaniya* [International Journal of Experimental Education]. No. 11. Pp. 56-57. (In Russ.).
- Bodrunov S.D., Glaziev S.Y. (2023). *Regularities of the Noonomy Foundations Formation as Future Social Order: To Know and Operate*. St. Petersburg: S.Y. Witte INID; Moscow: Tsentrkatalog Publ. 340 p. (In Russ.).
- Bodrunov S.D., Desai R., Freeman A. (2022). *Beyond the Global Crisis: Noonomy, Creativity, Geopolitical Economy*. St. Petersburg: S. Y. Witte INID Publ. 368 p. (In Russ.).
- Bodrunov S.D. (2021). The Global Transformation of Modern Society and the National Development Goals of Russia. Report at the MAEF, Russian Academy of Sciences. 26 May 2021. *Nauchnye trudy Volnogo ekonomicheskogo obshhestva Rossii* [Scientific Works of the Free Economic Society of Russia]. Vol. 230. Pp. 54-65. (In Russ.).
- Bodrunov S.D. (2020). *Noonomy: The Trajectory of Global Transformation*. Moscow: S. Y. Witte INID; Kulturnaya revolyutsiya Publ. 224 p. (In Russ.).
- Bodrunov S.D. (2018a). Breakthrough Strategy: Resources and Opportunities. *Nauchnye trudy Volnogo ekonomicheskogo obshhestva Rossii* [Scientific Works of the Free Economic Society of Russia]. Vol. 214. No. 6. Pp. 52-70. (In Russ.).
- Bodrunov S.D. (2018b). *Noonomy*. Moscow: Kulturnaya revolyutsiya Publ. 432 p. (In Russ.).
- Dmitriev M.E. (2009). Strategic Planning System – A Large-Scale Organizational Experiment. *Upravlenie Razvitiem Territorii* [Territory Development Management]. No. 3. Pp. 6-12. (In Russ.).
- Zinchuk G.M. (2012). Formation of a Development Strategy in the Municipal Management System of a Single-Industry Town. *Vestnik Rossiyskogo Ekonomicheskogo Universiteta im. G.V. Plekhanova*. [Vestnik of the Plekhanov Russian University of Economics]. No. 4. Pp. 96-102. (In Russ.).
- Ilyina I.N. (2012). Strategy of Modernization of Single-Industry Towns of Russia. In: *Development of Single-Industry Settlements in the Russian Federation: A Collection of Scientific Works*. Moscow: Financial University Publ. Pp. 4-12. (In Russ.).
- Kvint V.L. (2020). *The Concept of Strategizing*. Kemerovo: Kemerovo State University Publ. 170 p. (In Russ.).

- Kolganov A. (2021). Predictive Potential of Noonomy to Justify the Development Strategy. In: *Anthology of Noonomy: Fourth Technological Revolution and Its Economic, Social and Humanitarian Consequences*. St. Petersburg: S.Y. Witte INID Publ. Pp. 266-285. (In Russ.).
- Kosareva N.B., Vetrov G.Y. (2010). Municipal Strategy as a Form of Long-Term Social Contract. *Territorialnoe strategicheskoe planirovanie* [Territorial Strategic Planning]. No. 11. Pp. 36-39. (In Russ.).
- Pulyavskaya V.L., Khristoforov A.A. (2021). On Strategic Planning in Industrial Single-Industry Towns. *Razvitie territoriy* [Development of territories]. Vol. 24. No. 2. Pp. 69-73. (In Russ.).
- Pyankova S.G. (2022). Noonomy in Monotowns: Forming Trends of a New Industrial System and Improving Institutional Capacity. *Noonomika i noobshchestvo. Almanah trudov INIR im. S.Y. Witte* [Noonomy and Noosociety. Almanac of Scientific Works of the S.Y. Witte INID]. Vol. 1. No 4. Pp. 35-48. (In Russ.).
- Pyankova S.G. (2006). Investment Strategy of an Industrial City-Forming Enterprise. *Author's abstract of the dissertation for Candidate of Economics*. Ekaterinburg. 24 p. URL: https://new-disser.ru/_avtoreferats/01002902189.pdf (In Russ.).
- Kvint V.L., Bodrunov S.D. (2023). *Strategizing Societal Transformation. Knowledge, Technologies, and Noonomy*. Apple Academic Press. 206 p.
- Kvint V.L. (2015). *Strategy for the Global Market: Theory and Practical Applications*. New York. London: Routledge. Taylor&Francis. 520 p.

Информация об авторе

Пьянкова Светлана Григорьевна

Профессор кафедры региональной, муниципальной экономики и управления Уральского государственного экономического университета, д.э.н. (620144, Свердловская обл., Екатеринбург, ул. 8 Марта, 62/45)
E-mail: silen_06@list.ru

Information about the author

Svetlana G. Pyankova

Professor of the Department of Regional, Municipal Economics and Management of the Ural State Economic University, Doctor of Economics (620144, Sverdlovsk region, Ekaterinburg, 8 March st., 62/45)
E-mail: silen_06@list.ru

DOI: 10.37930/2782-618X-2023-2-4-86-98

Е.Л. Кабахидзе

МГУ имени М.В. Ломоносова (Москва, Россия)

КОГНИТИВНАЯ МОДЕЛЬ КОНЦЕПТА «НООНОМИКА» В АВТОРСКОМ ДИСКУРСЕ

Аннотация: в статье анализируется терминологический неологизм экономической сферы «ноономика», выстраивается когнитивная модель данного концепта в авторском дискурсе, описываются языковые маркеры, свидетельствующие о смене социально-экономической парадигмы и переходе к новому индустриальному обществу второй генерации.

Ключевые слова: ноономика, когнитивное моделирование, метафоризация, ноообщество, сознание.

Для цитирования: Кабахидзе Е.Л. (2023). Когнитивная модель концепта «Ноономика» в авторском дискурсе // Ноономика и ноообщество. Альманах трудов ИНИР им. С. Ю. Витте. Т. 2, № 4. С. 86–98. DOI: 10.37930/2782-618X-2023-2-4-86-98

Ekaterina L. Kabakhidze

Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)

COGNITIVE MODEL OF THE CONCEPT “NOONOMY” IN THE AUTHOR’S DISCOURSE

Abstract: The article analyzes the terminological neologism of the economic sphere “noonomy”, builds up a cognitive model of this concept in the author’s discourse, describes linguistic markers indicating a change in the socio-economic paradigm and the transition to a new industrial society of the second generation.

Keywords: concept of “noonomy”, cognitive modeling, metaphorization, noosociety, consciousness

For citation: Kabakhidze E.L. (2023). Cognitive Model of the Concept “Noonomy” in the Author’s Discourse. *Noonomy and Noosociety. Almanac of Scientific Works of the S.Y. Witte INID*, Vol. 2, No. 4, pp. 86–98. DOI: 10.37930/2782-618X-2023-2-4-86-98

卡巴希哲 E. L.

莫斯科大学 (俄罗斯, 莫斯科)

作者话语中“智慧经济”概念的认知模型

摘要:文章分析了经济领域的“智慧经济”这个新术语,建立了作者话语中这个概念的认知模型,描述了表示社会经济范式变化和向第二代新型工业社会过渡的语言标记。

关键词:智慧经济、认知模型化、形象化、智慧社会、意识。

引用注释:卡巴希哲 E. L. (2023)作者话语中“智慧经济”概念的认知模型//智慧经济与智慧社会. 维捷新兴工业发展研究所论文选, Vol. 2, No. 4, pp. 86–98. DOI: 10.37930/2782-618X-2023-2-4-86-98

Введение

В связи с происходящими изменениями общественного мироустройства, предпосылками которого выступают глобальная цифровизация, изменения механизмов восприятия и мышления (клиповое мышление), крахом идеалов позднего гуманизма и переходом к новому состоянию общественного сознания – трансгуманизму, в общественных науках появляются исследования, целью которых становится возрождение истинного гуманизма на основе фундаментальных экономических теорий, которые преобразованы в соответствии с вызовами и новыми эволюционными изменениями в онто- и антропосферах XXI века.

Идеей для проведения небольшого лингвофилософского исследования послужили статьи и монографии С.Д. Бодрунова [Бодрунов, 2018, с. 432], создателя теории ноономики, которая, согласно авторам статьи «Независимой газеты» под названием «Россию делают колыбелью ноономики»¹, завладевает умами все большего числа исследователей не только в России, но и за рубежом. Значимость и масштабность теории ноономики, а также скорость, с которой идеи ноономики распространяются в мире, делают настоятельно необходимым комплексный анализ данного явления с привлечением методов различных наук, в том числе когнитивной лингвистики. Однако прежде чем перейти к анализу концепта ноономики в авторском дискурсе, необходимо высказать несколько тезисов, которые стали отправной точкой для исследования и помогли сформулировать два ключевых вопроса, ответ на который будет изложен в статье.

Первый тезис заключается в том, что ноономика – не экономика, а постэкономическая реальность, способ постэкономического бытия человека и удовлетворения его потребностей. В основе ноономики лежит технологический прогресс, двигателем которого выступает знание. Знание становится основным источником, ресурсом прогресса и оно начинает преобладать над материальными ресурсами. Изменения в материальном производстве, эволюция индустрии приводит к смене социально-экономической парадигмы, социально-экономического устройства в обществе. Происходит переход от одного технологического уклада к другому. Совсем недавно мы говорили о шестом технологическом укладе, сегодня уже о седьмом, когда конвергенция NBIC-технологий идет стремительно быстро.

¹ Башкатова А. (2023). Россию делаю колыбелью ноономики /, газета «Независимая газета» [URL: https://www.ng.ru/economics/2023-10-23/1_8859_russia.html Электронный режим доступа]

Стремительный синтез технологий и их сублимацию в ноономике С.Д. Бодрунов метафорически сравнивает с древнегреческой квадригой, которая стремительно несется, пересекая пространство и время, запряженная четырьмя скакунами – знаниеемкое производство, диффузия собственности, социализация, солидаризация общества и прогресс человека культурного, выраженный в снятии симулятивных потребностей [Бодрунов, 2022, с. 5-13]. Согласно данному представлению, ноономика – это не столько новая экономическая теория, сколько концепция с явным антропоцентрическим измерением, теория эволюции общества и человека, основанная на идеалах гуманизма. Первый вопрос, на который хотелось бы ответить с помощью лингвокогнитивного анализа, – что такое ноономика, каковы ее концептуальные составляющие? Каким предстает квадрига «ноономика» в сознании человека? На данный вопрос сделаем попытку дать ответ, проведя лингвокогнитивный анализ понятия «ноономика» в авторском дискурсе.

Ответив на вопрос, что такое ноономика, разобрав квадригу буквально по винтикам, возникает следующий правомерный вопрос, который связан с тем, кто управляет колесницей – ноочеловеком. Как понять, что эра нового человека, нового индустриального общества второй генерации наступила? Как мы можем проследить трансформацию человека? Когда мы говорим о трансформации человека, мы имеем в виду, прежде всего, изменения в сознании. Главным индикатором изменения сознания, с одной стороны, является деятельность человека, но это достаточно упрощенный ответ на вопрос, как увидеть трансформацию человека. Более фундаментальным основанием для трансформации человека является изменение его сознания. А увидеть изменения в сознании мы можем только через язык. Тому, какие изменения в речевой деятельности необходимым образом должны случиться, что станет индикатором перехода к ноочеловеку, и будет посвящена вторая часть статьи.

При ответе на первый вопрос «Что такое ноономика?» хотелось бы начать с анализа терминологического неологизма, а также небольшого обзора названий новых экономических теорий, которые не столько конкурируют между собой, сколько дополняют друг друга, осуществляя комплементарную функцию, с целью описания контекстуального поля, которое выступает фоном для главной фигуры исследования статьи – концепта ноономики.

К терминологическим неологизмам, которые вводят новые экономические теории или характеризуют переходный период, на котором находится современное общество в XXI веке, можно отнести коллокации «ноосферный социализм» А.И. Субетто [Субетто, 2019, с. 27-41], «смена мирохозяйственных укладов» С.Ю. Глазьева [Глазьев, 2016, с. 5-45], «экономика позитивной обратной реакции» Брайана Артура [Arthur, 2020, pp. 92-99], экономическая модель «множественного равновесия и многообразия» Дэвида Вайнса и Самуэля Виллса [Vines, Wills, 2018, pp. 1-42], «креативная экономика» Алана Фримана [Freeman, 2012, pp. 2-21]. Данные теории в разной степени поясняют закономерности, циклы и стадии экономического развития общества, движущей силой которого выступают инновации, совокупности толчков и колебаний экономического пространства [Гринин, Кондратьев, 2017], смены технологических укладов [Глазьев, 2022, с. 93-115] и технико-экономических парадигм [Freeman, 1997], кризисные явления [Шумпетер, 1995].

Стоит отметить однокомпонентный состав понятия «ноономика» по сравнению с двух и трехкомпонентными терминами, отмеченными выше. Фоносемантический анализ слова

«ноономика» показал, что данное понятие подсознательно воспринимается на психоэмоциональном уровне как «хороший» и «гладкий», что может свидетельствовать о том, что неологизм «ноономика» приживется в языке и достаточно быстро войдет в узус.

Этимологически термин «ноономика» берет свои корни с древнегреческих понятий «номос» (νόμος), что переводится как «обычай, установление, закон» и «ноос» (νόος), что в переводе с греческого означает «мысль, ум, разум, благоразумие, рассудительность, здравый смысл, замысел, намерение, дума, душа, сердце, грудь, мнение, образ мыслей, желание, воля, смысл, значение, мировой разум». Таким образом, семантическим ядром понятия «ноономика» являются «закон», «разум», «мысль», «душа», «субъект», «ценность».

С целью выявления ментальной сущности, которая стоит за различными единицами языка, экспликации образа анализируемого языкового понятия в сознании, эмоциональных связей, ценностного компонента, в языкознании был разработан метод лингвокогнитивного анализа единиц языка. Данный метод позволит проанализировать и структурировать ментальное содержание понятия «ноономика». Когнитивный анализ концепта «ноономика» ставит своей целью исследование концептуальных аспектов понятия в ментальном лексиконе автора на материале статей и монографий С.Д. Бодрунова за период 2020-2023гг. Концептуальный анализ будет дополнен метафорическими моделями концепта ноономика из отмеченных выше источников.

В связи с тем, что понятие «ноономика» является терминологическим неологизмом, оно пока не фиксируется специализированными словарями, поэтому для выделения семантических полей прибегнем к определению ноономики в работах его автора – С.Д. Бодрунова «...ноономика – способ хозяйствования в ноообществе. При этом ноообщество – это не ноосфера, не абстрактное “ноосферное общество”, это – общество, материальной базой существования которого и удовлетворения потребностей людей является ноономика... ноономика – это способ удовлетворения потребностей в таком обществе, где есть “свет разума”; где нет отношения к производству и производственным отношений; где нет отношения к собственности и отношений собственности; где нет экономики и невозможна экономика» [Бодрунов, 2021, с. 19-92]. Из данных определений можно выделить следующие концептуальные аспекты:

Ноономика как категория разума

Слот 1. «рациональное знание»

*В ноономике новый **характер рациональности** и, соответственно, новая определенность целевых установок развития приобретает первостепенное значение.*

Слот 2. «разумное потребление и потребности»

*И когда мы говорим о ноономике, мы подразумеваем переход к принципиально иной критериальной базе, к неким особым, основанным на «**ноо**», **принципам формирования способа удовлетворения потребностей людей**. Да, возрастающих, меняющихся, но «ноо»-потребностей.*

*Ноономика ставит во главу угла не частную погоню за прибылью или иным доходом, что достигается хаотичной игрой рыночных сил, а **рациональное стремление к удовлетворению конкретных потребностей, оцениваемых как разумные** – истинно разумные.*

*Таким образом, ноономика ставит во главу угла не частную погоню за прибылью или иным доходом, что достигается хаотической игрой рыночных сил, а **рациональное стремление к удовлетворению конкретных потребностей, оцениваемых как разумные**.*

Слот 3. «знание и наука»

Один из базовых смыслов понятия «ноономика» заключается в том, что **научное знание начинает играть основную роль в экономическом развитии**, заменяя стихийное экономическое развитие сознательной и целенаправленной деятельностью людей.

Разумеется, универсальность человека в ноономике будет заключаться не в том, что каждый человек будет знать все, а в открывающейся возможности и усвоенной способности овладеть практически любым **необходимым знанием**.

Но для того, чтобы система ноономики была работоспособной, необходимо, чтобы сформировалась новая рациональность – **рациональность научного обоснования целей и подчиненного ему выбора средств**.

И ноономика, а не экономика, станет **знаниеемким и «умным» способом удовлетворения потребностей и индивидов-членов ноообщества**, и ноообщества в целом.

Слот 4. «разумное отношение»

Но поскольку они сами не включены непосредственно в процесс производства, это будет уже не экономика, а, примем такой термин, ноономика – **отношения не в рамках производства, осуществляемого человеком непосредственно, а отношения по поводу ноопроизводства, развивающегося без прямого участия человека, но регулируемого и направляемого человеческим разумом**.

Ноономика как духовная категорияСлот 1. «высшая ценность»

И это – правильно, ибо главная ценность для человека и общества – это время. Не прибыль, а время – вот ключевой смысл новой экономики НИО.2, **переходящий в «абсолют» в ноономике**.

Ведь ноономика опирается на переход от парадигмы роста на основе экономической «рациональности», ориентированной на наращивание объемных стоимостных показателей, к парадигме развития на основе достижения конкретных целей, удовлетворения различных человеческих потребностей, сформированных **на основе более высоких ценностей, в перспективе – нооценностей**.

Слот 2. «истина»

Ноономика – еще раз подчеркнем – предполагает иной способ осуществления хозяйственных действий и иной способ оценки потребностей – основанный не на «старой» рациональности, а на разуме, на «ноо», исходящем из понимания истинных последствий хозяйственных решений и **истинной ценности удовлетворяемых потребностей**.

Слот 3. «противоположность материальному»

В основе ноономики лежит **неэкономический тип удовлетворения человеческих потребностей, которые сформируются через новое качество производства, где человек станет, в соответствии с предвидением Маркса, «по ту сторону собственно материального производства»**.

(В ноономике) именно – **знание и познание мира как мира культуры** (в предельно широком смысле) и самоограничения нерациональных (в развивающейся в направлении «ноо» кристаллической базе) потребностей.

Слот 4. «неэкономическое (духовное) существование и развитие человека и общества»

Ноономика как **способ неэкономического (нематериального) существования человека**. Возможности, создаваемые современной технологией, создают перспективу смены парадигмы собственности и перехода от экономики к ноономике, что означает **отказ от эконо-**

мической рациональности, ведущей к безудержной погоне за наращиванием производства и потребления.

Под ноономикой (уточняя приведенное выше определение) мы понимаем неэкономический способ организации хозяйства для удовлетворения потребностей, который осуществляется человеком, **вышедшим за пределы материального производства.**

Как же можно в целом резюмировать определяющие цели в ноономике, если экономические цели уходят в прошлое? Их можно определить, как **возрастание личности.**

Путь к ноономике лежит не только через отрицание первенства «зоологической» природы человека, но и через возвышение его над собственным порождением – техносферой. **Ее развитие перестает быть стихийным процессом, подчиненным погоне за накоплением материального богатства, выражаемого в объемных денежных категориях.**

С переходом к ноопроизводству и ноономике рациональными становятся установки на удовлетворение конкретных, разумных потребностей, и **критерии разумности вытесняют критерии, основанные на денежной выгоде. Потребности в знании, в доверии, в общественном признании, в самореализации становятся преобладающими над потребностями в поглощении жизненных благ, и объем поглощаемых благ уже не выступает в качестве основной цели деятельности человека – постольку, поскольку в разумных пределах эта потребность уже насыщена.**

Слот 5. «культурная революция»

С переходом к ноономике все эти категории и соответствующие им реальные отношения – рынок, деньги, капитал – исчезают. Вообще, они, как и все, что является «сутьобразующим» в экономике, исчезнут вместе экономикой – этим отражением бионачала в человеке, **перенесенного из первичных биологических потребностей в социум, в отношения, и да! – в культуру.**

Ноономика как инструмент создания образа будущего государства и общества

Слот 1. «формирование общества будущего»

Однако такой переход от экономики к ноономике должен опираться на изменение всей совокупности общественных отношений, и ноономика **может укрепиться только в рамках целостной системы ноообщества.**

Ноономику надо строить уже сейчас, пусть на очень узком сегменте, но – **отрабатывать практически то, что непременно станет будущим хозяйственной деятельности и человеческого развития.**

Слот 2. «трансформация государственного строя»

При этом, очевидно, в рамках этого процесса будет **трансформироваться и само государство, постепенно превращаясь из института принуждения в институт согласования общественных интересов и развития человека, вплоть до полного изменения своей сущности на этапе перехода к ноономике.**

Слот 3. «общество знания»

Отсюда, ноономика – это способ удовлетворения потребностей в **таком обществе, где есть «свет разума».**

И здесь следует выдвинуть следующую позицию: вся эта конструкция, предусмотренная в теории ноономики, может развиваться, только когда **человек параллельно с одними знаниями (в частности, технологическими и прочими научно-естественными) будет усваивать и осваивать другие знания.**

Слот 4. «наукоемкое производство и технологический прогресс»

Отсюда – всего шаг до перевода всего производства в полное «автономное плавание», до создания той самой автономной от человека **технобазы ноономики**.

Тут видна совершенно четкая последовательность переходных шагов к **технологической базе ноономики**.

Слот 5. «справедливое общество, общество равных»

Можно предположить отмирание и такого типа социальных отношений – в ноономике отпадает основа для раскола людей по классам, по профессиям (вместе с отмиранием самих профессий), **и вообще – раскола по социальному статусу**.

И поэтому, когда мы говорим о НИО.2, а тем более – о движении к ноономике, **мы говорим не о технологическом только лишь изменении, а об изменении общества в целом**, об изменении тех институтов, которые влекутся, так сказать, изменениями в технологической базе.

Ноономика как действие

Слот 1. «движение в будущее»

Ноономика **подсказывает нам и целевой вектор**, и тот путь, который предстоит пройти.

Теория ноономики прогнозирует, что на стадии НИО.2 будет господствовать экономика совместного пользования, экономика расцепленных и размытых прав собственности.

Только те экономики, которые смогут ответить на вызовы уже не только врывающегося в нашу жизнь НИО.2, **но и стоящей у горизонта ноономики, смогут занять достойные позиции в мире ближайшего будущего**.

Слот 2. «эволюционный процесс»

Разумеется, движение к ноономике – **это длительный исторический переход**.

Концепт ноономика имеют фреймовую организацию, слотами которой выступают:

1. Ноономика как категория разума

- Слот 1. «рациональное знание»
- Слот 2. «разумное потребление и потребности»
- Слот 3. «знание и наука»
- Слот 4. «разумное отношение»

2. Ноономика как духовная категория

- Слот 1. «высшая ценность»
- Слот 2. «истина»
- Слот 3. «противоположность материальному»
- Слот 4. «неэкономическое (духовное) существование и развитие человека и общества»
- Слот 5. «культурная революция»

3. Ноономика как инструмент создания образа будущего государства и общества

- Слот 1. «формирование общества будущего»
- Слот 2. «трансформация государственного строя»
- Слот 3. «общество знания»
- Слот 4. «наукоемкое производство и технологический прогресс»
- Слот 5. «справедливое общество, общество равных»

4. Ноономика как действие

- Слот 1. «движение в будущее»
- Слот 2. «эволюционный процесс»

Диаграмма 1. Фреймовая организация концепта «ноономика»

С помощью методов когнитивного анализа были изучены аспекты-фреймы понятия ноономика, ядро которого составляет фрейм **«ноономика как духовная категория» (34,2 %)**, в его центре находится слот *«неэкономическое (духовное) существование и развитие человека и общества»*. Концептуальное поле ядра структурируется четырьмя слотами: высшая ценность, противоположность материальному, *истина, культурная революция*. Ближняя периферия включает в себя слот **«ноономика как категория разума» (28,57 %)** и слот **«ноономика как инструмент создания образа будущего государства и общества» (25,71 %)**. Дальняя периферия представлена слотом **«ноономика как действие» (11,42 %)**.

Доминирующим когнитивным аспектом концепта ноономика в авторском представлении является духовная сфера, за которой по частотности слотов следует категория разума. Интересно отметить, что значительное количество вербальных фиксаций приходится на концептуальный признак государственности и будущего в структуре понятия ноономика. Возможно, в связи с тем, что ноономика представляет собой фундаментальную теорию, ее прикладные аспекты, практические технологии реализации – вопрос будущих разработок, о чем свидетельствует наличествующий концептуальный признак действия в концепте экономика, однако частотность данных слотов гораздо ниже, чем онтологических и гносеологических категорий.

Обратимся ко второму вопросу исследования – как понять, что эра нового человека, нового индустриального общества второй генерации наступила? Возможно ли увидеть трансформацию человека в зеркале языка? Прежде чем ответить на этот вопрос, предлагаю рассмотреть в экономических и бытовых нарративах элементы, которые соответствует ретроградному стилю мышления капиталистической системы, выявить смысловые искажения, бессмысленные языковые игры и пустые концепты, т.е. все то, что ноономика с ее нравственно-мировоззренческим потенциалом может преодолеть в сознании и речевых практиках. Во-первых, необходимо отметить существование симулякров не только в экономическом пространстве, но и в культуре, языке. Симулякры в нашем понимании – это слова, которые не укоренены в национальном сознании, «сломаные» концепты. Для данных понятий есть референт, но отсутствует сигнификат. Согласно Жану Бодрийяру, симулякр отсылает нас к отсутствующе-

му предмету или явлению, исходит из радикальной негации знака как ценности, создавая повсеместно гиперреальность [Бодрийяр, 2015, с. 8-13]. Пример такого симулякра – это понятие «образовательная услуга». Согласно толковым словарям, понятие услуга имеет два основных лексических значения: (1) действие, приносящее пользу, помощь другому (оказать услугу, предложить свои услуги); (2) работа, выполняемая в интересах другого на коммерческой основе. Эквивалент слова услуга в английском языке (*service*) имеет латинские корни и образовано от существительного “*servus*” (раб), т.е. семантическое ядро данного понятия образовано семемой: (у/при)служить кому-либо. Понятие образование в толковых словарях представлено также двумя значениями: (1) получение систематизированных знаний и навыков, просвещение (2) совокупность знаний, полученных в результате обучения. Соединяя два данных понятия, возникает когнитивный диссонанс – может ли задача образования человека, которая имеет первостепенно важное значения на личностном, общественном и государственном уровне решаться в категориях обслуживания и служения?

Второй пример симулякров, существующих в языке, – это некоторые дискурсивные маркеры, частица «как бы», и частица-синоним «типа». Приведу пример: «Я, как бы, хотела тебе помочь». А на самом деле – хотела помочь или нет? Это реальное желание или это то, что выдается за реальное желание. Пример слова «типа»: «А ты спортсмен? – «Типа того»! Подобных явлений в речи можно встретить достаточно много, и они резонируют с общественными явлениями и установками на консюмеризм, девальвацию истинных ценностей и идеалов, которые сплошь и рядом вытесняются знаками-симулякрами.

Если обратиться к будущему и задать вопрос, какие изменения в языке мы можем увидеть, которые свидетельствовали бы о трансформации человеческого сознания? Представим данные изменения в соответствии с ключевыми тезисами теории ноономики и вернемся к образу квадриги. Итак, первый конь колесницы – это переход к знаниеемким технологиям. О данном переходе в языке может свидетельствовать **частотность употребления слова «истина»**. С.Д. Бодрунов в своих работах отмечает, что критериальной базой знания является истина. Панхронический корпус Национального корпуса русского языка дает возможность построить график употребления словоформы «истина» в диахронической перспективе, начиная с эпохи Средневековья до наших дней. Данный график показывает, что пик употребления слова «истина» пришелся на Средние века, там оно употреблялось в 98 % текстов из представленных в корпусе, против 20 % в современных текстах, входящих в подкорпус. Данная динамика наталкивает на мысль о том, что если в дискурсе будет появляться слово «истина», то можно будет говорить о том, что общество идет по пути знания и науки. Обратимся ко второму и третьему скакунам в квадриге – диффузия собственности и социализации общества. Можно ли увидеть изменения в сторону сплочения общества? В языке один из характерных маркеров, который свидетельствует об атомизации общества, его разобщенности, является дихотомия «мы-они, свои-чужие». Если данная оппозиция в обыденном и других типах дискурса будет встречаться реже, то можно говорить о качественном изменении общественных отношений в сторону социализации общества. Четвертый скакун в колеснице – снятие симулятивных потребностей, развитие человека культурного, мы можем увидеть на примере сохранения культурного и языкового многообразия как в отдельно взятом многонациональном государстве, так и мире в целом. Некоторые исследователи не без основания утверждают, что проблема исчезновения языков является одной из основных проблем XXI века.

Панхронический корпус. История употребления сочетания словоформ.

Статистика рассчитана с учетом совпадающих слов

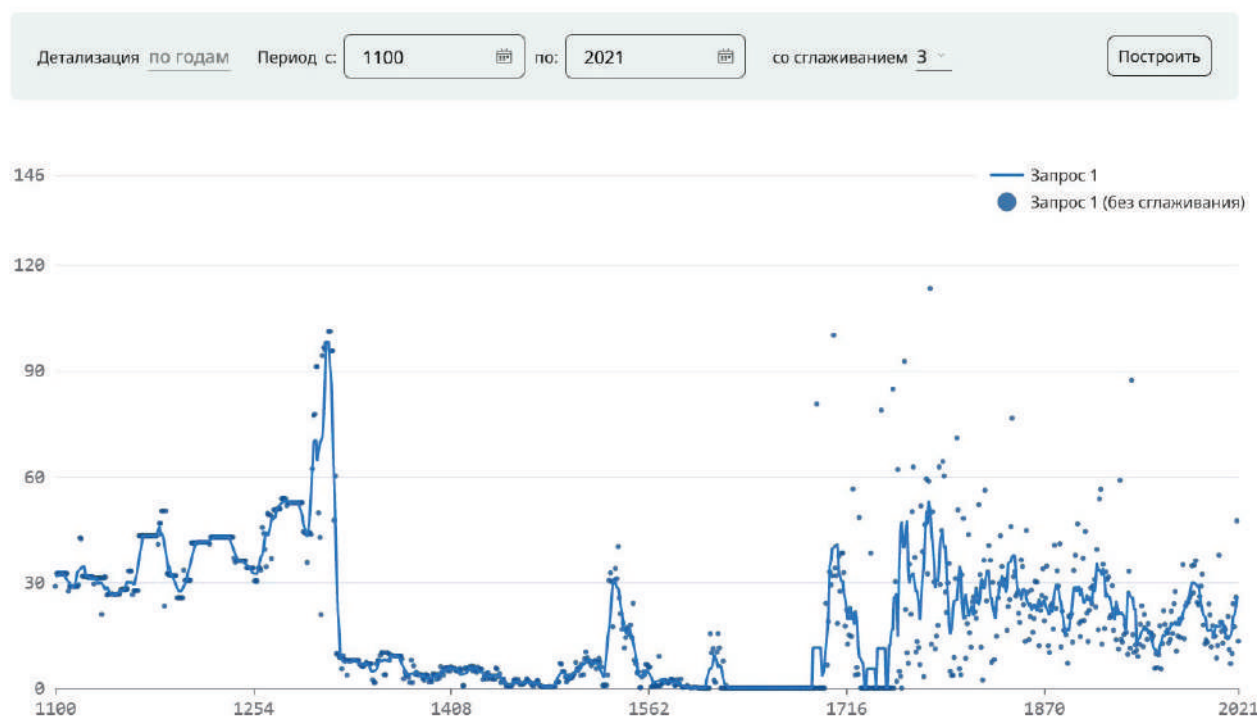

Рисунок 1. История употребления словоформы «истина» XII-XX вв.

По данным ЮНЕСКО в мире сегодня насчитывается порядка 6 000 языков, каждую неделю регистрируется гибель одного языка. Потеря хотя бы одного языка для человечества означает гибель уникальной картины мира, которую разделяли носители этого языка, еще одной неповторимой национальной культуры. Увеличение количества культурных феноменов в языке может манифестироваться в его креативности, которая, кстати говоря, является ключевой составляющей ноономики. В языке креативность проявляется, прежде всего, в метафоризации. Достаточно вспомнить поэзию Серебряного века и поэтические течения этого периода: футуризм, авангардизм, символизм и многие другие – апогей творчества в поэзии и литературы, который ознаменовал собой переход к новой советской России и в качестве иллюстрации обратиться к образу жизни в стихотворении Велимира Хлебникова:

*Росу вишневою меча
Ты сушишь волосом волнистым.
А здесь из смеха палача
Приходит тот, чей смех неистов.
То черноглазую гадалкой,
Многоглагольная, молчишь,
А то хохочущей русалкой
На бивне мамонта сидишь.*

В. Хлебников также, как и другие поэты Серебряного века создавал неповторимые образы бытия, расцветивая его метафорами, которые никогда не существовали в языке до и по-

сле этого, неся окружающим образ нового человека, рожденного в период тектонических изменений социальной, политической, экономической жизни – перехода от царской к советской России. Метафоризация языка, появление объединений литераторов, художников, поэтов, создающих новые яркие эпохальные образы, станут доказательством смены парадигмы общественного сознания.

Выводы

Концептуальный и фоносемантический анализ, представленные в статье, доказывают, что термин-неологизм нономика становится частью научного экономического дискурса и в потенциале за счет структурной емкости и одновременно глубинного смыслового содержания, может потеснить прочие новые термины, отражающие экономическую реальность сегодняшнего дня. В авторском дискурсе С.Д. Бодрунова были выделены такие концептуальные категории понятия нономика, как разум, духовность, государственность, общество и действие. Таким образом, концепт нономики синтезирует в себе духовно-нравственные, логико-рациональные, общественно-политические составляющие в контексте будущего мироустройства государства, социума, человека. Формирование постэкономической реальности, рождение нового индустриального общества второй генерации – явления, которые теоретизируются в нономике – получают свое проявление в языковой картине мира, когда будут снижены или практически элиминированы элементы языка-симулякра, возрастет частотность употребления лексемы истина, будет нивелирована дихотомия «свой-чужой», а метафора как продукт лингвокреативности станет постоянным маркером различных типов дискурса, включая бытовой.

Список источников

- Бодрийяр Ж. (2015). Симулякр и симуляции / пер. с фр. А. Качалова. М.: Издательский дом «ПОСТУМ». 240 с.
- Бодрунов С.Д. (2022). Научно-технический прогресс и трансформация общества: нономика и ноообщество. Часть 2 // Нономика и ноообщество. Альманах трудов ИНИР им. С.Ю. Витте. Т. 1. № 2. С. 13-35.
- Бодрунов С.Д. (2022). Технологический прогресс: предпосылки и результат социогуманитарной ориентации экономического развития // Экономическое возрождение России. №1 (71). С. 5-13.
- Бодрунов С.Д. (2021). Что такое нономика? // А(О)нтология нономики: четвертая технологическая революция и ее экономические, социальные и гуманитарные последствия; под общ. ред. С.Д. Бодрунова. С. 19-92.
- Бодрунов С.Д. (2019). Нономика: онтологические тезисы // Экономическое возрождение России. №4 (62). С. 7-9.
- Бодрунов С.Д. (2018). Нономика. М.: Культурная революция. 432 с.
- Глазьев С.Ю. (2022). Глобальная трансформация через призму смены технологических и мирохозяйственных укладов// AlterEconomics. №1. С. 93-115.
- Глазьев С.Ю. (2016). Закономерность смены мирохозяйственных укладов в развитии мировой экономической системы и связанных с ними политических изменений // Наука. Культура. Общество. №3. С. 5-45.

- Гринин Л.Е., Кондратьев Н.Д. (2017). Кризисы и прогнозы в свете теории длинных волн. Взгляд из современности / под ред. Л.Е. Гринина, А.В. Коротаева, В.М. Бондаренко. М.: Моск. ред. изд-ва «Учитель». – 384 с.
- Субетто А.И. (2019). Ноосферизм – новая система сохранения и развития человечества на Земле // Теоретическая экономика. №6 (54). С. 27-41.
- Шумпетер Й. А. (1995). Теория экономического развития. – М.: Эксмо. 540 с.
- Arthur B.W. (2021). Positive feedbacks in the economy // *Scientific American*. Vol. 262. No 2. Pp. 92-99.
- Freeman A. (2012). Is Creation an Industry? A Constructive Critique of the Economics of the Cultural and Creative Industries // London Metropolitan University. SSRN Electronic Journal, #3, Pp. 2-21.
- Freeman C., Soete Luc (1997). *The Economics of Industrial Innovation*. 3rd edn., Pinter, London. 480 pp.
- Vines D., Wills S. (2018). The Rebuilding Macroeconomic Theory Project: An Analytical Assessment // *Oxford Review of Economic Policy*. Vol. 34 (1-2). Pp. 1-42.

References

- Baudrillard J. (2015). *Simulacra and Simulation*. A. Kachalov (Trans.). POSTUM Publishing House. 240 p. (In Russ.).
- Bodrunov S. D. (2022). Scientific and Technological Progress and Transformation of Society: Noonomy and Noosociety. Part 2. *Noonomika i nooobshchestvo. Al'manakh trudov INIR im. S.Y. Witte*. [Noonomy and Noosociety. Almanac of Scientific Works of the S.Y. Witte INID]. Vol. 1. No. 2. Pp. 13-35. (In Russ.).
- Bodrunov S. D. (2022). Technological Progress: Prerequisite and Result of the Socio-Humanitarian Direction of Economic Development. *Ekonomicheskoe vrozhdzenie Rossii* [The Economic Revival of Russia]. Vol. 71. No. 1. Pp. 5–13. (In Russ.).
- Bodrunov S. D. (Ed.) (2021). What Is Noonomy? In: *Anthology of Noonomy: Fourth Technological Revolution and Its Economic, Social and Humanitarian Consequences*. Pp. 19-92. (In Russ.).
- Bodrunov S. D. (2019) Noonomy: Ontological Theses. *Ekonomicheskoe vrozhdzenie Rossii* [The Economic Revival of Russia]. Vol. 62. No. 4. Pp. 7–9. (In Russ.).
- Bodrunov S.D. (2018). *Noonomy*. Moscow: Kul'turnaya revolyutsiya Publ. 432 p. (In Russ.).
- Glaziev S.Y. (2022). Global Transformations from the Perspective of Technological and Economic World Order Change. *AlterEconomics*. No. 1. Pp. 93-115. (In Russ.).
- Glaziev S.Y. (2016). Regularity of the Change of World Economic Patterns in the Development of the World Economic System and Related Political Changes. *Nauka. Kul'tura. Obshchestvo*. [Science. Culture. Society]. Vol. 22. No. 3. Pp. 5-45. (In Russ.).
- Grinin L.E., Kondratyev N.D. Bondarenko V.M. (Eds.) (2017). *Crises and Forecasts in the Light of the Theory of Long Waves: Modern Point of View*. Moscow: Uchitel' Publ. 384 p. (In Russ.).
- Subetto A.I. (2019). Noospherism: The New System of Preservation and Development of Humanity on Earth. *Teoreticheskaya ekonomika* [Theoretical Economy]. Vol. 54. No. 6. Pp. 27-41. (In Russ.).
- Schumpeter J.A. (1995). *The Theory of Economic Development: An Inquiry Into Profits, Capital, Credit, Interest, and the Business Cycle*. Moscow: Eksmo Publ. 540 p. (In Russ.).
- Arthur B.W. (2021). Positive Feedbacks in the Economy. *Scientific American*. Vol. 262. No 2. Pp. 92-99.

Кабахидзе Е.Л.

Freeman A. (2012). Is Creation an Industry? A Constructive Critique of the Economics of the Cultural and Creative Industries. London Metropolitan University. *SSRN Electronic Journal*. No. 3, Pp. 2-21.

Freeman C., Soete Luc (1997). *The Economics of Industrial Innovation*. 3rd edition. London: Pinter. 480 pp.

Vines D., Wills S. (2018). The Rebuilding Macroeconomic Theory Project: An Analytical Assessment. *Oxford Review of Economic Policy*. Vol. 34. No. 1-2. Pp. 1-42.

Информация об авторе

Кабахидзе Екатерина Львовна

доцент Департамента гуманитарных наук Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, кандидат философских наук (125167, РФ, Москва, пр-кт Ленинградский, д. 49/2)

E-mail: elkabakhidze@fa.ru

Information about the author

Ekaterina L. Kabakhidze

PhD, Associate Professor of Department of Humanities Financial University under the Government of the Russian Federation (Leningradsky Ave., 49/2, Moscow, 125167, Russia)

E-mail: elkabakhidze@fa.ru

Состоялся первый Международный молодежный конкурс научно-исследовательских работ на тему «Взаимосвязь стратегии и ноономики: теория и практика»

11 ноября 2023 г., на Всероссийском экономическом Собрании – 2023, были награждены победители первого Международного молодежного конкурса научно-исследовательских работ на тему «Взаимосвязь стратегии и ноономики: теория и практика», организованного Вольным экономическим обществом России и Московской школой экономики МГУ им. М.В. Ломоносова. Конкурс инициирован кафедрой экономической и финансовой стратегии Московской школы экономики. В нем приняли участие учащиеся школ, гимназий, лицеев, студенты колледжей России, Белоруссии и Узбекистана.

Лауреатами Конкурса стали:

- Любовь Чилингарян, школа №1000, г. Москва. Номинация «Философские основы взаимосвязи стратегии и ноономики»;
- Василиса Санникова, гимназия № 59, Новокузнецк. Номинация «Методологическая взаимосвязь стратегии и ноономики»;
- Матвей Мозесюк, Роман Иванов, Денис Яковцев, «Колледж метрополитена», г. Санкт-Петербург. Номинация «Практическая взаимосвязь ноономики и стратегирования».

Награды юным победителям и их наставникам вручили автор теории стратегирования, заведующий кафедрой экономической и финансовой стратегии Московской школы экономики, директор Центра стратегических исследований Института математических исследований сложных систем МГУ имени Ломоносова, иностранный член РАН В.Л. Квинт и автор теории ноономики, директор Института нового индустриального развития им. С.Ю. Витте, член-корреспондент РАН С.Д. Бодрунов.

ОТКРЫТЫЕ ЛЕКЦИИ ПРОФЕССОРА С.Д.БОДРУНОВА В УНИВЕРСИТЕТАХ КНР

Открытая лекция С.Д. Бодрунова в Шанхайском финансово-экономическом университете

16 ноября 2023 г. в Шанхайском финансово-экономическом университете (г. Шанхай, КНР) состоялась открытая лекция директора Института нового индустриального развития им. С.Ю. Витте, президента ВЭО России, президента Международного Союза экономистов, члена-корреспондента РАН, д.э.н., профессора С.Д. Бодрунова на тему: «Ноономика: сущность и механизм перехода».

Справочно: Шанхайский финансово-экономический университет (ШФЭУ) – старейший китайский университет, который специализируется на подготовке кадров для государственного финансово-экономического сектора Китая. Университет аффилирован с Министерством образования КНР и является участником государственной программы по поддержке лучших университетов страны.

ШФЭУ десятки лет подряд занимает лидирующие позиции в национальных рейтингах лучших финансово-экономических университетов Китая. В 2021 году он занял первое место в Китае среди университетов, специализирующихся на программах подготовки в области финансов, бизнесе и экономике. По данным рейтингового агентства US News & World Report, ШФЭУ занимает 15-е место в Азии по направлениям подготовки «Бизнес» и «Финансы». В 2005 году ШФЭУ стал первым университетом в Китае, который ввел систему пожизненного трудоустройства для своих почетных профессоров.

Открытая лекция С.Д. Бодрунова в Бизнес-школе Китайского народного университета

19 ноября 2023 г. в Бизнес-школе Китайского народного университета (г. Пекин, КНР) состоялась открытая лекция С.Д. Бодрунова на тему: «Ноономика: сущность и механизм перехода».

Справочно: Бизнес-школа Китайского народного университета (БШ КНУ) была основана в 1950 году и является пионером в области подготовки руководителей и предпринимателей для национальной экономики Китая. БШ КНУ стала первым академическим институтом Китая, предложившим собственную китайскую программу MBA, программу EMBA, программу MRасс и программы докторантуры в области промышленной экономики, бизнес-администрирования и бухгалтерского учета.

Среди 138 штатных преподавателей 30% имеют зарубежные степени доктора наук, присужденные Принстонским университетом, Университетом Карнеги-Меллон и Университетом Рутгерса. В 2012 году дисциплина «Деловое администрирование», которая ведется в БШ КНУ, заняла 1-е место в национальном рейтинге лучших дисциплин по версии Министерства образования. В 2017 году он вошел в топ лучших университетских подразделений Китая.

Школа недавно вошла в число 50 лучших по программам MBA, EMBA по версии Financial Times.

СОГЛАШЕНИЕ О СОТРУДНИЧЕСТВЕ СО ВСЕМИРНОЙ АССОЦИАЦИЕЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ (WAPE)

16 ноября 2023 г. года подписано Соглашение о сотрудничестве между Институтом нового индустриального развития (ИНИР) им. С.Ю. Витте и Всемирной ассоциацией политической экономики (WAPE).

Подписи на Соглашении поставили Директор ИНИР им. С.Ю. Витте, член-корреспондент РАН С.Д. Бодрунов и Председатель Всемирной ассоциации политической экономики, член Президиума Китайской академии общественных наук Чен Энфу.

Справочно: Всемирная ассоциация политической экономики (WAPE) зарегистрирована в Париже и является международной академической политэкономической организацией, основанной экономистами, которые придерживаются марксистских взглядов, а также сторонниками марксизма по всему миру. Миссия WAPE состоит в применении современной марксистской экономической теории для анализа и изучения тенденций мировой экономики, выявления законов ее развития и поиска решений, которые будут способствовать экономическому и социальному прогрессу на национальном и международном уровнях.

РАЗВИТИЕ УЧЕБНОЙ ДИСЦИПЛИНЫ «ОБЩАЯ ТЕОРИЯ НООНОМИКИ»

В осеннем семестре 2023 года в Тамбовском государственном университете имени Г.Р. Державина впервые состоялись учебные занятия для студентов-экономистов по учебной дисциплине «Общая теория ноономики». Всего обучение прошли более 60 студентов, обучающихся по специальности «Экономическая безопасность» (специалитет) и направлению подготовки «Финансы и кредит» (бакалавриат).

Учебную дисциплину курирует главный ученый секретарь Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина, д.э.н., профессор В.В. Смагина.

«Общая теория ноономики» – пионерный учебный курс, разработанный членом-корреспондентом Российской академии наук, д.э.н., профессором С.Д. Бодруновым, который завоевывает все большую популярность среди студентов не только российских, но теперь уже и зарубежных университетов. *Основная цель* изучения учебной дисциплины «Общая теория ноономики» – сформировать у студентов представление о возможных тенденциях социально-экономического развития общества на длительную перспективу, основанное на исследовании современных процессов развития материального производства и характера их влияния на социально-экономические отношения.

Проводил занятия профессор Санкт-Петербургского государственного экономического университета, д.э.н., профессор В.А. Плотников.

В течение октября-ноября 2023 года в Кыргызско-Российском Славянском университете имени Б.Н. Ельцина (г. Бишкек, Кыргызстан) и в Кыргызском национальном университете имени Жусупа Баласагына (г. Бишкек, Кыргызстан) в режиме онлайн состоялись учебные занятия для студентов-экономистов по учебной дисциплине «Общая теория ноономики».

*Кыргызско-Российский Славянский университет
имени Б.Н. Ельцина*

*Кыргызский национальный университет
имени Жусупа Баласагына*

Всего обучение прошли более 200 студентов-бакалавров четвертого курса направления «Экономика и менеджмент», обучающихся по профилям: «Анализ рисков и экономическая безопасность», «Бухгалтерский учет, анализ и аудит», «Математические методы в экономике», «Мировая экономика», «Управление малым бизнесом», «Управление маркетингом», «Финансы и кредит», «Экономика предприятий и организаций».

Проводил занятия профессор Санкт-Петербургского государственного экономического университета, д.э.н., профессор В.А. Плотников.

Значительную организационную работу со стороны Кыргызско-Российского Славянского университета имени Б.Н. Ельцина в рамках организации проведения занятий осуществила декан экономического факультета, д.э.н., профессор Н.А. Бровко. К занятиям были привлечены не только студенты, но и профессорско-преподавательский состав факультета.

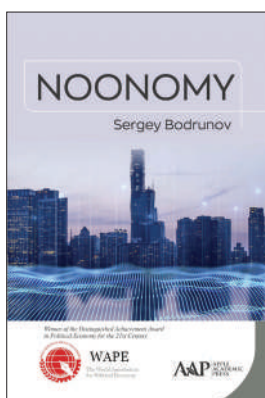
Мировая обстановка и китайская экономика в новую эпоху

Чен Эньфу

Монография: перевод с китайского языка / науч. ред. издания на русском языке С.Д.Бодрунов. – М.: ИНИР им. С.Ю. Витте: Центркаталог, 2023. – 464 с. – (Серия «Современная экономическая мысль»)

В серии «Современная экономическая мысль» Институтом нового индустриального развития им. С.Ю. Витте издана очередная книга «Мировая обстановка и китайская экономика в новую эпоху». Автор книги – Чен Эньфу – известный мировой специалист. Чен Эньфу является членом президиума Китайской академии общественных наук, директором Института экономики «Хайпай» Шанхайского финансово-экономического университета. Чен Эньфу – председатель Всемирной ассоциации политической экономии, председатель Китайской ассоциации политической экономии, председатель Китайской ассоциации по изучению зарубежных экономических учений. Является почетным профессором Санкт-Петербургского государственного университета и Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. Опубликовал более 800 статей и 40 книг в 10 странах, включая Китай, США, Россию, Японию, Италию и Вьетнам.

В его новой книге «Мировая обстановка и китайская экономика в новую эпоху» на основе весьма непростого пути развития международной классовой борьбы в нынешних условиях делается вывод о том, что у XXI в. имеются все шансы стать переломным рубежом для свершения великих социально-экономических и технологических трансформаций и борьбы за мир во всем мире широких слоев населения. Это будет новая эпоха великого строительства и стремительного общественного прогресса, новая эра реализации «сообщества с единой судьбой человечества» путем совместных усилий цивилизованных государств, великая эпоха постепенного перехода от нового империализма и глобального капитализма к глобальному социально справедливому обществу, преодолевшему присущие капиталистической рыночной экономике противоречия.

Noonomy

Bodrunov S.D.

USA: Apple Academic Press, 2024. – 267 p.

В американском издательстве Apple Academic Press издана книга «Noonomy».

Автор книги – профессор С.Д. Бодрунов, вот уже не первое десятилетие доказывает необходимость не просто реиндустриализации, но радикального обновления материального производства, его развития в единстве с наукой и образованием. Не только качественно новая индустрия – изменения во все сферах общественной жизни – экономических отношениях, управлении, в ценностях и мотивах человеческой деятельности, культуре – ожидают нас завтра, в мире ноосферы. В центре внимания автора – изменения, происходящие в экономике, влекущие рождение качественно новой системы отношений – ноономики.

Вниманию читателей предлагается перевод на английский язык переработанной и дополненной версии авторской монографии «Ноономика», впервые вышедшей в 2018 году. В этот вариант монографии дополнительно включены материалы коллоквиумов, проводившихся в Институте нового индустриального развития (ИНИР) им. С.Ю. Витте, которые существенно дополняют и уточняют идеи, изложенные в первом издании книги «Ноономика» (М.: Культурная революция, 2018). Кроме того, в данное издание вошли также фрагменты из книги «Грядущее. Новое индустриальное общество: перезагрузка» (2-е изд. СПб.: ИНИР им. С.Ю. Витте, 2016)».

Монография «Ноономика» сразу при своем выходе в свет привлекла широкое заинтересованное внимание со стороны множества отечественных и зарубежных специалистов. Ранее книга опубликована на хорватском, испанском, белорусском, португальском, китайском языках, на иврите.

Научное издание

НООНОМИКА И НОООБЩЕСТВО

АЛЬМАНАХ ТРУДОВ ИНИР им С.Ю. ВИТТЕ

Том 2, №4 2023 Vol 2, No.4

Noonomy and Noosociety.

Almanac of Scientific Works of the S.Y. Witte INID

Выпускающие редакторы

Л. А. Мозгунова

З.Р. Хабибуллина

В журнале используются материалы Института нового индустриального развития (ИНИР) им. С.Ю. Витте, которые докладывались на научных семинарах и конференциях ИНИР им. С.Ю. Витте, и представляют собой концентрированную подборку публикаций по концепции нового индустриального общества второй генерации и теории ноономики, развиваемых ИНИР им. С.Ю. Витте совместно с российским и международным научным сообществом

Адрес редакции и издателя:

197101, Санкт-Петербург, ул. Б. Монетная, д.16
Тел.: +7 (812) 313-82-68, e-mail: noonomy@inir.ru

Подписано к печати 25.12.2023 г.
Формат 60×84/8. Бумага офсетная.
Печ. л. 13,50. Усл. печ. л. 12,56.
Тираж 1000 экз. Заказ 11036/2

Свободная цена

Общество с ограниченной ответственностью
«Кси-Принт», 192029, Санкт-Петербург, ул. Бабушкина, 36

ИНСТИТУТ НОВОГО ИНДУСТРИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ (ИНИР) ИМ. С.Ю. ВИТТЕ
S.Y. WITTE INSTITUTE FOR NEW INDUSTRIAL DEVELOPMENT (INID)